

АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

*По благословению
Высокопреосвященнейшего
Евсевия,
митрополита Псковского
и Великолукского
Свято-Успенской Псково-Печерской
обители
священноархимандрита*

В книге использованы материалы следственного дела № 3705 Управления МГБ СССР (1950–1955 гг.). Памятуя, что отец Иоанн сочувственно относился к падшим, не все имена действующих лиц следствия названы.

Письма батюшки из заключения в данном издании публикуются впервые.

Редакция «Наследного дара» выражает искреннюю благодарность Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету за предоставленные материалы следственного дела.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

1910–2010

ШКОЛА
Молитвы

Свято-Успенский Псково-Печерский
монастырь

2009

СЛОВО

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

в кафедральном соборе Смоленска
7 февраля 2009 года в день памяти
новомучеников и исповедников
Российских

...Это были мученики наши, наши исповедники, это были герои духа, которые жили внутренне сильной религиозной жизнью. Когда перед ними встал выбор: пойти на страдания или даже на смерть или отказаться от Христа, они не отрекались от Господа.

Имена пострадавших в гонениях архиереев, священников, монахинь, мирян мы ныне каждый день церковного года поминаем на отпусте Божественной службы. Имена же гонителей никто не помнит и никто не знает. Все их ордена и звания превратились в ничто, в прах и пепел. А кровь мучеников снова стала семенем христианства. И то, что сегодня народ наш обращается к вере, что сегодня призыв Церкви к покаянию принимается с доверием и готовностью встать на этот путь, есть не что иное, как результат великого подвига святых новомучеников и исповедников Российских...

В этот день, вознося к ним молитву, мы просим благословить страну нашу, народ наш, власти и воинство, благословить Церковь Русскую, ее иерархов, духовенство, монашествующих и мирян, дабы сила веры, которая приходит к человеку через покаяние, изменяла жизнь нашу к лучшему, утверждая добро, правду, свет и в личной жизни, и в общественных отношениях.

О БОЖЕ СОТВОРИМ СИЛУ

Богдан жашынга жана психологияга көз карандысыз о жашынга
новатордукту Рубинштейндин - не жашынга жана психологияга, келип
төмөндөгү жана, келип отуруптунга к психологияга, келип не
психологияга бо Рубинштейндин жана жашынга жана психологияга
жана психологияга жана психологияга жана психологияга

Төрөлүштө жана жашынга жана психологияга жана психологияга

На заре XX века, в период видимого благоденствия России, грозной рукой Промысла Божия написались для нее слова грядущих бедствий: кровь, стон и горе, погром революции, ужас братоубийства, война!

Родившееся в этом кровавом водовороте новое государство всей своей тяжестью накрыло былую Святую Русь – Россию. Первостепенной своей задачей оно ставило стереть память о некогда великой державе и главном основании ее – Святой Церкви. Злым делам непременно предшествуют злые слова, и они были произнесены, став программой непримиримой борьбы на долгие 70 лет: «Мы должны дать самое решительное и беспощадное сражение духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

«Против христианства, вооруженного лишь крестом и молитвой, ополчились все силы зла в безумном порыве уничтожить, растоптать в нем Христа». Но эти человеческие замыслы лишь отчасти нашли место в неисповедимых путях Промысла Божия о России.

«Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя». Наказывая россиян за измену верности путям отцов, отдавая испытанию произволом жестокой человеческой воли, Господь не предал Отечество наше окончательному падению.

Покровом Матери Божией – образом Ее Державным осенилась страна. А Невеста Христова – Святая Церковь, приняв мученичес-

кий венец, вознеслась и утвердилась как Столп Истины, светом Евангелия противопостав хаосу грядущего безвременья. Сохраняясь на развалинах былого, разделяя с народом его гражданские бедствия и сама обогрившись кровью, Церковь оставалась светлой и чистой, крепкою и прочною в своей внутренней силе, от Бога данной. Патриарх – помазанник Божий явился в смятенной безбожием грешной России, чтобы подобно Моисею-боговидцу вести народ сквозь бушующее житейское море в обетованную землю. В грохоте разрушения, сквозь нечеловеческий рев обезумевшей злобы и скорбные вопли беды услышала она тихий и кроткий голос Патриарха о любви, о Боге, о примирении с земным горем: «Нынче умереть нетрудно, нынче надо учиться жить. <...> И пусть слабостью кажется эта святая незлобивость Церкви, эти призывы к терпеливому перенесению антихристовой вражды и злобы... Мы умоляем вас всех не отходить от этой единственно спасительной настроенности христианина – не сходить с пути крестного, ниспосланного Богом».

И ответом на его зов преданность Промыслу Божию воздвигла по всему лику России незримые Голгофские Кресты, на которых, утверждая силу веры, возвысились сонмы мучеников и исповедников, свидетельствуя о том, что светильник Церкви горит не угасая. В это грозное время святыня ее обнаружилась из-под спуда обыденности и ярко засияла, освещая грядущим поколениям путь к Истине.

Годы с 1917 по 1922 оказались для Вани Крестьянкина, послушника-посошника правящего Орловского архиерея Серафима (Остроумова)¹, трагически тяжелыми, но и судьбоносными. Пять лет искуса веры и доверия Богу выпали ему на пороге жизни. Трижды за это время он выходил из прекраснотушия и наивности детских лет и в ужасе застывал от непонимания происходящего на его глазах.

Трижды под улюлюканье толпы и глумливые кощунства орловской прессы выставляли Церковь и архиерея на всенародное позорище, одевая в ризы поруганий и багряницу издевательств, и всякий раз после этого двор советского синедриона – тюрьма – скрывал страдальца. Каких только грехов не вменяли служителю Божию, чем только не угрожали! И ни единым словом не обмолвился владыка в ответ, словно соглашаясь с обвинениями.

Семилетним ребенком пережить поношения на Церковь, издеательства над священнослужителями, разорение монастырей, увидеть старых монахинь, ранее смерти изгоняемых из жизни, – ноша непосильная, ибо это было попрание его первой и настоящей любви. Как и зачем молиться бездействующему Богу? Вопрос «есть ли Бог?» подступил к нему. Да, в это же время вся христианская Россия отвечала на вопрос «кто она – крестоносец или крестоборец»? Увидеть Христа, идущего по России, с чужого креста невозможно ни взрослым, ни даже детям.

Так сострадание мальчика обозначило первый крест в его жизни, призывая на путь за Христом. Мамина простая христианская мудрость: «Сыночек, так Богу угодно. Видно, так надо. Бог плохо не делает», – вызывала в его душе еще больший протест. Слова не проникали в пораженную скорбью душу. Трудно представить, чем бы кончилось его восстание на Промысл Божий, если бы архиепископ Серафим, стоящий на пороге своего мученического подвига, уже зримо не являл бы собой свет Божией благодати. Службы, которые он совершал при кратковременных возвращениях на свободу, низводили Небо на землю, и чуткая детская душа воспрянула. Благодать без слов вернула мальчику веру и любовь к Богу во всей силе и жизненности.

В этом переживании Ваня повзрослел. Он прикоснулся к источнику грядущей христианской славы России и ею утвердился в вере.

Позднее, вспоминая пережитое в детстве искушение, он говорил: «Ничто так не может увлекать и одушевлять, как наглядный пример. И ни от кого нельзя так легко и радостно научиться жить по-христиански, как от того, кто сам искренне и радостно работает Христу». Незадолго перед третьим, в Орле последним арестом владыка благословил своего двенадцатилетнего послушника на монашество.

За годы юности поминальный синодик Вани претерпел множество правок. Аккуратно по линейке он вычеркивал погибающих за веру из заздравного поминания. А память сердца открыла свой синодик для тех, кто был расстрелян, замучен, убит, умер от голода и болезней, исчез в неизвестности лагерей. Позднее многих из них Церковь признала мучениками и исповедниками Российскими. Они-то и повели за Богом в безбожном времени юношу, поминающего и помнящего их, провели по стремнинам жизни и извели в покой вечности.

Взросление Ивана проходило в напряженном осмысливании происходящего вокруг, во все увиденное и услышанное приходилось вносить коррективы христианским православным сознанием. В 1937–1938 годы сквозь звуки парадов и победных маршей все слышали вопли из застенков и предсмертные стоны безвременных жертв. Концентрационные лагеря, как метастазы, разрослись, свидетельствуя о смертоносной болезни страны. Скрыть эту зловещую тайну стало невозможно. От церковного кормила в застенки уходили и исчезали навсегда святители. Церковь невидимыми слезами омывала память пропавших и их безвестные могилы. Благословение Святейшего Патриарха Тихона² открыло мартиролог Русской Православной Церкви XX века. «Поражу пастыря, и рассеются овцы» (Мк. 14:27). В обезглавленную церковь хлынули смущения.

Церковный народ ложными слухами, клеветой на ее служителей сбивали со спасительного пути. Катакомбная церковь жалась по тайникам, обновленцы усердствовали на новых хозяев. И только «тихоновская» церковь, как называли каноническую православную Церковь гонители, бесправная, истекающая кровью своих праведников, не сходила с Голгофского Креста, неся покаяние за общий грех родины.

Не избежал в это сложное время смущения и молодой человек Иван Крестьянкин. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский)³, примкнувший на краткое время к обновленцам, лишился доверия. Недоверие породило осуждение. Суд этот был без милости. Да слава Богу! Господь-то не без милости к грешникам. Опять, как в далеком детстве, Божественная благодать показала высоту жизненного подвига иерарха. Иван во сне увидел, как митрополит, войдя в алтарь, растворился у престола в фаворском свете. Это откровение научило многому и на всю жизнь. «Только пред судом Божиим стоит всяк человек, и кто дерзнет судить того, кому Промыслом Божиим вверено кормило церковного корабля? Милость ли это Божия, бич ли Божий, но и то и другое – определение свыше».

А Церковь, по свидетельству Местоблюстителя Сергея, доживала последние дни. На свободе оставались только три архиерея. Мера ответственности за судьбу Церкви тяжкими думами жила в душе иерарха: «А Божий мир по-прежнему стоит... А Божий мир по-прежнему стоит... Меняются правительства, а он все стоит... Меняются политические системы, он опять стоит. Будут войны, революции, а он все стоит...» Божий мир стоит, а Божия Церковь на краю гибели!

«...Будут войны...» – не было ли это вѣдение для него последней ободряющей надеждой. Только Бог знает силу боли скорбящей ду-

ши и слышит в ней безмолвный стон молитвы. «Господи! Пусть имя мое погибнет в истории, только бы Церкви была польза!» – так молился о разоряемой Церкви Святейший Тихон, так молился о погибающей Церкви митрополит Сергей.

Испытание веры и доверия Богу кончилось. Война пришла! Грозная ее действительность изменила готовые осуществиться планы богборцов в отношении Церкви, а беда оживотворила сознание многих уже забывающих Бога россиян. Промысл Божий занес карающий бич над миром, давая понять живущим, что судьба Церкви – это судьба человечества, история Церкви – история мира.

Война! В это время бед и слез, до кровавого пота всенародного покаяния Господь давал для верующих сердец утешение в явлении среди них живых преподобномучеников. Они Божиим велением возвращались в жизнь с последнего смертного рубежа, претерпев все муки медленного мучительного умирания в лагерях, но не перешагнув за порог в смерть. На теле их, как свидетельство верности Христу, зияли следы голгофских язв. Но поражали не столько эти раны, а свет преображенных благодатью ликов и еще глубина ведения ими судеб, сердец и душ человеческих. Через них и в них говорил Сам Господь.

Такого подвижника встретил на своем пути и Иван Крестьянкин, он называл игумена Иоанна (Соколова)⁴ профессором Небесной Академии, преподобномучеником. Простыми словами старец-монах открывал для будущего старца Иоанна (Крестьянкина) премудрости духовные и точно обозначил узкую тропу его крестного пути за Христом.

Шел 1950 год. Отцу Иоанну исполнилось 40 лет. Уже пять лет стоял он у престола. Стремительно вошел он в стихию иерейского служения. Без оглядки, без раздумий, с полной самоотдачей в дея-

тельной любви к людям. Он поднимал их до глубинного осознания главных истин: спасение только в Церкви на путях следования за Христом. Его же духовная устремленность к монашеству была сокрыта за активной, даже сверхактивной деятельностью. Были ли знакомы ему духовные брани: сомнения и тоска, безблагодатность и богооставленность? Неизвестно. Но судя по тому, как умел он распознавать эти болезни души в других, он был хорошо знаком с их симптомами и угадывал безошибочно. Хотя однажды обронил слова, что знает тяжесть брани духовной не по книгам. Годы зрелости принесли молодому священнику знание о жизни, о бурях современных земных противоречий. Он не забыл из пережитого никого и ничего, о себе же знал одно: что надежно укрыт Промыслом Божиим, и другого пути нет для него, а этот прямой, а значит, должен быть крестным. Не связанный никакими обязательствами, он с чувством великой ответственности за свою жизнь и за тех, кто вверен его попечению, самоотверженно трудился.

В 1969 году была записана одна из бесед отца Иоанна с чадами в его монашеской келье. Посетителей было пять человек, в основном молодежь. Батюшка, пытаясь пробудить в них, духовных младенцах, чувство ответственности пред Богом за свои поступки, рассказал им случай из жизни знакомого молодого священника.

«Прошло только три года, как он принял сан, и благодать священства носила его на крыльях. Ежедневно спозаранку приходя в храм и приложившись к престолу, он бежал к большому распятию, у которого изливал просьбы за себя и за всех, с кем сводила жизнь. В один из дней, по обыкновению припав лбом к стопам Спасителя, он услышал от Креста вопрос:

– Можешь ли ты любить Меня, как они?

Порывисто вскочив, священник обернулся. Храм был пуст, но во-

круг Креста Христова, полукругом обступив его, стояли кресты разных размеров.

– Не возьмусь передать, что произошло в сердце собрата, – задумчиво произнес отец Иоанн и, помолчав, продолжил:

– Взмолившись, он впился взором в лик Спасителя. Крест безмолвствовал.

Память об увиденном тревогой преследовала его целый день. К вечеру он добрался до старца-духовника. Это был монах, уже прошедший лагерные мытарства, живой преподобномученик. Рассказывать о случившемся подробно не пришлось.

– Что ответило Господу твое сердце? – прервал повествование вопрос старца. Только тогда священник поверил, что увиденное было не обольщением. Через короткое время видение повторилось с той лишь разницей, что на некоторых крестах были люди, дорогие его сердцу, погибшие в революционное лихолетье. Сердце батюшки сжалось от страха и жалости к ним и к себе. И вопрос, снова прозвучавший с Креста:

– Любишь ли ты Меня, как они? – опять остался без ответа.

Время шло. Мучительно болела душа за измену священной памяти отцам, за свое малодушие.

Все навязчивее, все ближе подступали и страхования. Враг бесчинствовал помыслами. Оставаясь в храме один, он в изнеможении лежал у Распятия. Все тщетно. Освобождения не наступало. Мрак полонил душу.

Но однажды, уже почти повергнутого в отчаяние, прямо в алтаре его обступили кресты с вознесенными на них страдальцами. Лиц он не узнавал, они сияли так, что больно было смотреть, видел только протянутые к нему руки и чувствовал ток благодатной силы, изливающийся в его изнемогающую в искушении душу. Батюшка опро-

метью бросился в храм к Распятию Спасителя и, не дожидаясь вопроса, рыдая, взмолился:

– Господи, Ты знаешь, знаешь, Ты видишь, что я люблю Тебя. Укрой мою немощь!

Тотчас внутри все ожило. Господь принял его слезное исповедание в любви и сотворил чудо».

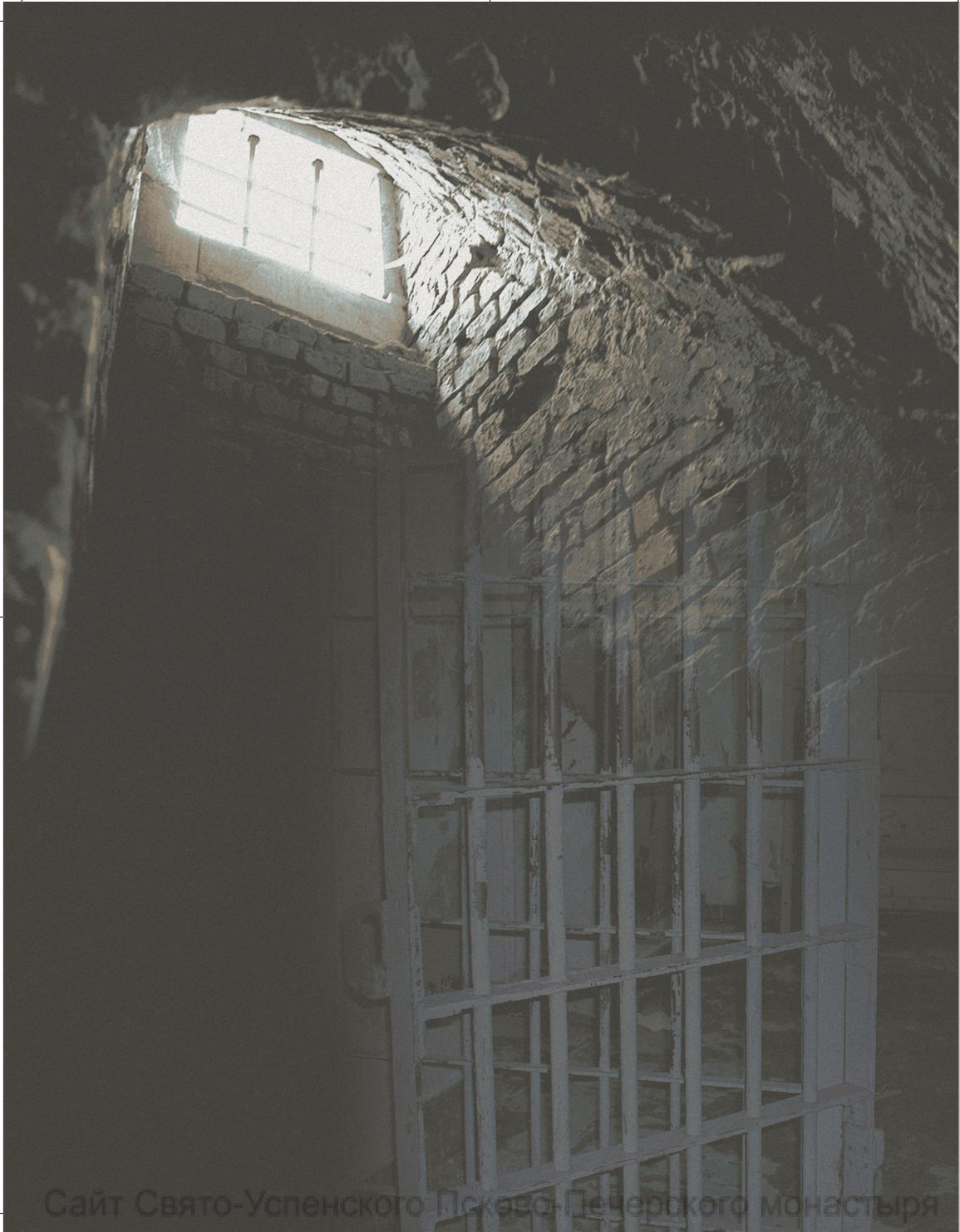
Имени священника отец Иоанн не упомянул. А человеку, пришедшему это воспоминание, много позже пришла мысль, уж не сам ли отец Иоанн был тем иереем, удостоившимся Божьего зова и предстательства новомучеников Российских.

Только через 33 года, пройдя почти до конца по своему крестному жизненному пути, старец архимандрит Иоанн закончил ту беседу. «Напечатлеем же на скрижалях сердца и ума духовную основу нашего единения с Богом: «Сыне, даждь Ми твое сердце». Душу и сердце, верные Богу, Господь не отдаст на поправление врагу». Он написал эти слова тогда, когда засвидетельствовал свой жизненный выбор крестной печатью.

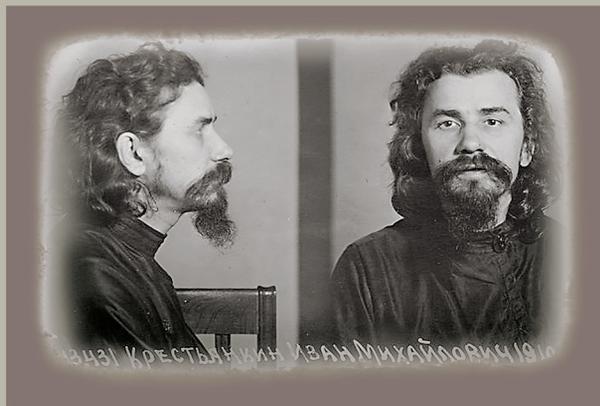
А в 1950 году невидимая рука Промысла Божия благословила писать следственное дело № 3705 по обвинению Ивана Крестьянкина в том, что он священник Русской Православной Церкви.

Сайт Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

КТО МНЕ СЛУЖИТ, МНЕ ДА ПОСЛЕДУЕТ

Յիշեցեմ զայն յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ
ի իստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ,
օրհնեմ զայն յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ,
իստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ
իստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ,
իստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ,
իստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ յիստ

В ночь с 29 на 30 апреля 1950 года в Большом Козихинском переулке был произведен обыск, священнику Ивану Крестьянкину предъявили ордер на арест, который не стал для отца Иоанна неожиданностью. Еще в 1948 году, ночуя однажды у отца Сергия Орлова⁵ в комнате, где были собраны святыни Дивеевского монастыря, он услышал слова, к нему обращенные: «Порабощен телом, душу же непорабощену соблюди». Сердце приняло это как попечение о нем преподобного старца Серафима⁶. О смысле слов долго думать не пришлось, так все было прозрачно. Отец Иоанн свыше получил достоверное извещение о своем будущем. Позднее о готовящемся изменении в его жизни сообщил и духовный отец. Игумен Иоанн (Соколов) написал, что обвинительное дело на него уже готово, но отложено до мая. А незадолго до ареста друг по Духовной академии Анатолий Мельников⁷ прибежал к нему сообщить о невольно услышанном в алтаре Богоявленского собора недвусмысленном разговоре между двумя священниками: «Крестьянкина сдавать надо», – произнес один. «Сдавай только после Вознесения, а то сейчас его заменить некем», – ответил собрат.

В преклонном возрасте отец Иоанн кое-что и сам вспоминал о том периоде своей жизни: «Незадолго до ареста вхожу в храм, уборщица усердно метет пол, пыль столбом. Поздно заметив меня, смущенно заизвинялась. Говорю: мети, мети, мать, скоро меня так же выметут отсюда». Так что о Кресте, ему предлежащем, священник знал. Известие

старца-игумена оказалось точным, ибо источник его ведения был от самой Истины.

Обвиняемый – священник Русской Православной Церкви. На четвертом году его священства в недрах тайных служб зародилось его следственное дело, план и ход которого вплоть до приговора был немолимо определен при самом замысле. Вопрос о вине не озадачивал исполнителей. Два Ивана российских – носители разного духа – встретились сообразно непостижимым судьбам Божиим: следователь МГБ Иван Михайлович Жулидов и священник Иван Михайлович Крестьянкин. В их лице противостали друг другу две непримиримые силы, Бог и враг Божий, Истина и ложь.

Не тогда ли в сердце священника, взятого под стражу, прозвучало: «Миром правит Бог, только Бог и никто другой, и Промысл Божий прав всегда». И не это ли дало ему силу и мужество пройти сквозь открывшиеся пред ним мерзости жизни без страха и содрогания, научило не искать виновных? И хоть замыслил то враг Божий, предали собратья и случайный знакомый, исполнил человек, достойный сострадания, но тако Богу изволися.

С тюрьмы на Лубянке начался новый этап жизни иерея Иоанна. Три московских узилища – Лубянку, Лефортово и Бутырку – предстояло пройти ему с 30 апреля по 8 октября, учась жить в суровых условиях неволи и лжи, чтобы остаться на спасительном и светлом пути, который питает все высокое и живое. Сам отец Иоанн скупо вспоминал об этом времени. Сохранилось малое его свидетельство о первом дне пребывания на Лубянке: «Когда меня взяли в тюрьму, оформление там долгое и тяжелое – водят туда-сюда, и не знаешь, что ждет тебя за следующей дверью. Обессиленный бессонной ночью и переживаниями первого знакомства с чекистами, я совершенно измучился. И вот завели меня в какую-то очередную камеру и ушли. Огля-

делся: голые стены, какое-то бетонное возвышение. Лег я на этот выступ и уснул сном праведника. Пришли, удивленно спрашивают, неужели ты не боишься? Отвечать не стал, но подумал: а чего мне бояться, Господь со мной». Первый протокол его допроса отмечен 29 числом, значит, новому арестанту не давали времени на раздумье.

А вот как описывает свое водворение на Лубянку Владимир Рафаилович Кабо⁸, тогда 24-летний студент Московского университета, заключенный в тюрьму одновременно с отцом Иоанном, позднее встретившийся с ним в лагере на ОЛПе № 16 «Черный».

«...Лестницы, проволочные сетки, коридоры... Руки назад, идите... Человек с голубыми погонами крепко держит меня сзади... Лестницы, сетки, коридоры... Лифт... Крошечная комната, глухая, без окна, ярко освещенная электрической лампой, беленые стены, скамья... Потом я узнаю, это называется бокс. И вот я – один. Сколько проходит времени? Другая такая же комната, со столом. Человек в сером халате, лицо-маска, молчаливый и отчужденный, как служитель потустороннего мира. Короткие команды, методичные, уверенные движения. Разденьтесь... Все мои вещи падают на пол... Снимает с брюк ремень, вытаскивает шнурки из ботинок, отрезает металлические крючки, распарывает подкладку. Приходит другой такой же в халате. Парикмахерской машинкой, теми же методичными, отработанными движениями, он снимает мне волосы с головы, и они тоже падают на пол... Потом меня куда-то ведут, приказывают сесть на стул, передо мной – ящик фотоаппарата: фас, профиль... Снимают отпечатки пальцев, плотно прижимая их к листу бумаги. Потом уводят, и я снова – один... Эти люди-призраки – как обитатели иного, кромешного мира... Потом опять куда-то ведут. Лестницы, сетки, коридоры, двери... И этот странный, жуткий язык служителей ада, на котором они переговариваются между собой, когда ведут меня по всем этим лестницам и коридорам – ни одного

человеческого слова, только птичий клекот, громкое перещелкивание языком или пальцами – большим и средним, и все эти звуки гулко разносятся под сводами и замирают вдали... Этой же ночью – чтобы не дать опомниться, собраться с мыслями, прямо из дома, еще свежего, наивного – приводят в кабинет следователя. Он – за письменным столом, я – на безопасном расстоянии от него, у двери...»

Отец Иоанн тоже помнил эти лестницы, коридоры, угрюмый гул шаркающих ног, тюремный колодец, где периодически звучало в его адрес суровое предупреждение: «Заключенный № 13431, гуляйте без задумчивости».

Нет уже живых свидетелей того времени и тех событий, но следственное дело рассказывает о давно минувшем, о людях, о высоте нравственного подвига тех, кто все упование возложил на Бога, и о глубине падения забывших о Нем.

В начале следственного дела Крестьянкина Ивана Михайловича находятся протоколы обыска и квитанции на изъятые вещи и деньги. У отца Иоанна таковых не оказалось, но зато есть свидетельство о наличии в его библиотеке 347 книг религиозного содержания. При обыске их с сугубым вниманием просмотрели, но ни одной книги и даже брошюры, изобличающей его враждебное настроение к советскому строю, не нашлось.

Далее идет первое свидетельство о том, когда и как начато следственное дело иерея Иоанна Крестьянкина.

21 мая 1949 года постоянный прихожанин Елоховского Богоявленского собора на допросе по собственному обвинению дал показания на своих знакомых, в числе которых назвал и отца Иоанна. Этот человек не был агентом-осведомителем; арестованный за свои убеждения, но сломленный в процессе следствия, он безвольно шел на поводу у следователя.

ДЕЛО № 3705

Крестьянкина Ивана Михайловича

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ (нужное подчеркнуть)

1. Рост: высокий (171-180 см.), очень высокий (свыше 180 см.), низкий (155-164 см), очень низкий (до 154 см.), средний (165-170 см.)
2. Фигура: толстая, полная, средняя, худощавая, тонкая.
3. Плечи: приподнятые, опущенные, горизонтальные.
4. Шея: короткая, длинная, заметен зоб, выступает кадык.
5. Цвет волос: белокурые, светлорусые, русые, темно-русые, черные, рыжие, с проседью, седые.
6. Цвет глаз: голубые, серые, зеленоватые, светлокарие, карие, черные.
7. Лицо: круглое, овальное, прямоугольное, треугольное, пирамидальное, ромбовидное.
8. Лоб: высокий, низкий, прямой, скошенный, выступающий.
9. Брови: прямые, дугообразные, извилистые - широкие, узкие, сросшиеся.
10. Нос: малый, большой - толстый, тонкий, широкий. Спинка носа: вогнутая, прямая, выпуклая с горбинкой. Основание носа: приподнятое, горизонтальное, опущенное.
11. Рот: малый, большой. Углы рта: опущены, приподняты.
12. Губы: тонкие, толстые, отвисание нижней губы, приподнятость верхней.
13. Подбородок: скошенный, прямой, выступающий, раздвоенный, с ямкой, с поперечной бороздой.
14. Уши: малые, большие - овальные, треугольные, квадратные, круглые. Стопоренность ушей: верхняя, нижняя, обая. Мочка уха: сросшаяся, отдельная, наклонная, угловатая, овальная.
16. Особые приметы нет
17. Прочие особенности и привычки нет»

В этом допросе с упоминанием имени отца Иоанна уже ясно просматривается суть будущего дела Крестьянкина. Случайное знакомство двух молодых людей 14-летней давности, прервавшееся на долгие десять лет, по воле следователя вдруг всплыло в следственном деле. Но что мог знать об отце Иоанне этот человек?

Вот выписка из его показаний:

«С Крестьянкиным я познакомился впервые в 1935 году во время посещения одной из московских церквей. Он тогда еще обращал на себя внимание особой религиозной настроенностью. Впоследствии я его увидел только в 1945 году, осенью, в церкви с. Измайлово, где он был посвящен в сан священника. В 1946 году я неоднократно встречал Крестьянкина в Загорске в Лавре и в 1947–48 гг. в церкви с. Измайлово».*

Два голоса зазвучат в этом протоколе с первых же слов: один, робкий и неуверенный, но правдивый в своей незащитности, другой, напористый и категорически безапелляционный, влетает в ткань допроса необходимые для обвинения Крестьянкина сведения. А логика показаний первого обличает ложь второго голоса. Истина никем не будет востребована. Дальше в протоколе этого допроса звучит еще одно важное свидетельство об отце Иоанне – главная вина священника, уготовившая ему арест:

«Встречаясь с Крестьянкиным в 1945–1948 годах, я отметил одну особенность, которая резко бросалась в глаза – он был очень усерден в службе, весь отдавался ей».

---

* Тексты допросов, составленных следователем, приводятся без исправления орфографических, стилистических и пунктуационных ошибок.

А в показаниях свидетеля все чаще звучат слова: «я думаю, я предполагаю». Будто идет он по скользкому льду, и одно неверное слово может стоить ему жизни. А вот появляется и совсем вопиющая ложь. На вопрос, будто бы заданный этим свидетелем отцу Иоанну, почему он не остался в Загорске, тот якобы ответил:

«...В Лавре, в монастыре я очень ограничен, не могу там научиться точному исполнению церковных обрядов и самое главное не могу проповедовать, к чему особенно стремлюсь».

Отец Иоанн, оплакавший удаление из Лавры, от монашества – своей заветной мечты, когда и имя монашеское – Сергей было уже определено, клеветает на себя словами, которых не могло быть в его лексиконе. В преклонном возрасте он пишет: «Воспоминания о времени моего пребывания и в Московской академии, и короткий срок жития в стенах Свято-Троице-Сергиевой Лавры до сих пор живы и согревают душу всякий раз, как достаю их из запасников своей памяти». И дающий показания, церковный человек, мог ли говорить языком следователя, не знающего церковной терминологии.

Слово «проповеди» произнесено устами Крестьянкина, и тотчас следует вопрос следователя о характере их. Ответ подследственного заслуживает внимания:

«...проповеди Крестьянкина привлекали большое количество верующих, которые становились его почитателями. Все его проповеди и беседы носили характер призывов к верующим об укреплении веры, он объяснял религиозные канонические правила и молитвы и всем своим поведением выдавал себя за праведника, призванного укреплять веру в народе».

Вот оно, преступление – он проповедник. Вопиющая вина священника.

И тотчас следователь дает нужное направление показаниям безвольного свидетеля.

Вопрос – ответ, вопрос – ответ... И явно, что пишет протокол сам следователь и составляет тоже он.

В наводящем вопросе появляется имя архиепископа Серафима (Остроумова). Последний раз Ваня видел владыку Серафима перед расставанием до встречи в вечности, когда ему было всего двенадцать лет. Мог ли знать случайный встречный детский период жизни Крестьянкина? Но хорошо изучил его жизненный путь следователь. И первое достоверное показание органы получили от самого отца Иоанна, когда он не был еще подследственным. «Донос на себя я написал сам», – говорил он. На предложение поехать служить в Иерусалим в русскую миссию он ответил анкетой, где, не утаивая, назвал своих духовных отцов, которые в то время были в списках врагов народа. Возглавлял этот список владыка Серафим. Вопрос о командировке отца Иоанна в Иерусалим сразу отпал, и тогда же, очевидно, возникло для него новое назначение – Каргопольлаг. А имя владыки Серафима было вложено в уста первого свидетеля. Даже знакомство со святым архиереем-«преступником» было поводом к обвинению. Разработка дела Крестьянкина началась.

Вопрос: Покажите о политических взглядах и настроениях КРЕСТЬЯНКИНА?

Ответ: Что-либо определенного о политических взглядах КРЕСТЬЯНКИНА я сказать не могу, мне не приходилось с ним беседовать на политические темы. Я думаю, что если КРЕСТЬЯНКИН считает своим духовным руководителем епископа Серафима ОСТРОУМОВА, восхищается им до настоящего

времени, который был известен своими крайне реакционными взглядами, можно предполагать, что лояльность его советскому строю крайне сомнительна. Во всяком случае, он старательно избегал разговоров о его истинных взглядах.

Показания с моих слов записаны правильно, мною прочитаны.

И рука подследственного не дрогнула, произволяя на иудин грех и ставя под ним свою подпись. Будет ли он без вины в этом деле или искупил и очистил совесть теми же страданиями, что и отец Иоанн, ведает лишь Господь. Помощь следователю не спасла его от осуждения сроком на 10 лет.

Чекисты первых двух революционных десятилетий не утруждали себя судами и следствиями над идейными противниками, но в 1950 году в стране победившего социализма, чтобы придать законный вид вопиющему беззаконию, для такой серьезной статьи, как 58-10 ч.1, показаний одного свидетеля было маловато. И милостью Божией благодаря этой формальной игре в законность остались для будущих поколений свидетельства о великой тайне страданий за Христа, давших миру и Церкви силу жизни – сонм новомучеников и исповедников Российских. Отец Иоанн призывался явить единство души с теми, кто заложил в него веру и любовь к Истине и Правде. Разработка дела Крестьянкина продолжилась.

С февраля 1949 года в храме Рождества Христова, что в Измайлове, кроме отца Иоанна, был сменен весь клир, пришел второй священник, летом – настоятель и диакон, в то же время в хор поступила новая певчая. Они и стали теми свидетелями, на показаниях которых строилось следствие и было вынесено обвинение отцу Иоанну. Настоятель в следственном деле не фигурирует, оставаясь в тени. Это о нем

вспоминал отец Иоанн, как незадолго до ареста перед пасхальной заутреней он яростно ломал восковые свечи, поставленные батюшкой на семисвечнике за престолом.

Свидетельских показаний всего пять, три написаны еще до ареста отца Иоанна – 14, 19 и 20 апреля 1950 года, два даны позднее при очных ставках. Протоколов допросов отца Иоанна десять, но число встреч со следователем установить невозможно. Ибо есть квитанции о конвоировании его к следователю, но нет записей допросов. Не осталось протоколов, но след этих негласных встреч он пронес по жизни до конца – пальцы его левой руки были изувечены во время следствия.

Показания дают разные люди. Правда и вымысел. Правда и откровенная, наглая ложь. Возникает недоумение, почему и у обвиняемого, и у свидетелей протоколы написаны как бы одним человеком. В них масса ошибок, будто все четверо, дающие показания, безграмотны и совсем не церковны. Протоколы занимают всего несколько страниц, хотя продолжались допросы по времени довольно долго. На некоторых указано время начала и конца. Но это никак не отражается в записи. Значит, в протокол попадает лишь малая часть того, о чем говорилось, и значит, заведомо в искаженном виде. Показания отца Иоанна, признанного проповедника, вопиющее свидетельство того, что они – произвольный пересказ, да еще и злонамеренный.

На первом допросе, датированном 29 апреля 1950 года, отцу Иоанну был задан вполне безобидный вопрос о сослуживцах по храму, ставший ключевым при дальнейшем развитии дела.

5 мая состоялся второй допрос, который начинается суровым обличением в неискренности и определяет жесткую тематику последующих разговоров о совершенных подследственным преступлениях:

«На допросе 29 апреля 1950 года вы неискренно вели себя на следствии, не рассказав о совершенных вами преступлениях. Предлагаем это сделать сегодня».

Отец Иоанн твердо отказывается признать обвинения в антисоветской пропаганде и агитации. Ни совесть, ни чувства не обличают его в двоедушии. Он священник – Божий служитель и может призвать в свидетели любого, кто слушал его проповеди, будь то мирянин-прихожанин или собрат по клиру, в этом он уверен.

«В мое сознание никогда не входила мысль, чтобы сан священника использовать для проведения антисоветской агитации среди верующего населения, и не думаю, чтобы верующие, которые посещали церковь, где я совершал богослужение, могли показать, что я когда-либо при отправлении религиозных обрядов допускал антисоветские выпады. Я прошу следствие это мое заявление проверить путем допроса моих сослуживцев по церкви, настоятеля, священника и диакона, которые всегда присутствовали при отправлении мною богослужения и в отношении меня ничего предосудительного сказать не могут».

Отец Иоанн, хотя и был предупрежден о готовящемся аресте, с детства знал об ужасах репрессий над священством, помнил о расправах над невинными, но все же не мог предположить, как это будет по отношению к нему. Со второго же допроса навстречу его искренности выступило лукавство. Следователь очевидным образом «клеил» протокол, чтобы выстроить линию обвинения:

«Вот вы сами просили допросить ваших сослуживцев и были уверены, что они подтвердят вашу невиновность. Мы допросили их, и они дали показания против вас».

Он знакомит отца Иоанна с некоторыми обвинениями в его адрес. Поняв по показаниям свидетелей, что дело уже окончательно сфабриковано и его непременно осудят, на следующих допросах отец Иоанн уже не пытается оправдываться. Пастырским самопожертвованием он пошел на уступки обвинению, чтобы замкнуть его на себе: никого не оговорить, не выдать, но не дать и лишних показаний против себя. Была для отца Иоанна и еще одна важная задача на будущее: липкой лжи, его пеленающей, он обязан был противопоставить правду. Божий служитель, он не мог, не хотел пользоваться методами «отца лжи». В самом начале следствия отец Иоанн твердо заявил, что говорить будет лишь правду. И он остался верен этому, признаваясь в произнесении проповедей и исповедей, которые якобы свидетельствовали о его вине перед советским строем, и только пытался отстранять от себя политические обвинения. Страдать как служителю Церкви за Христа, а не как политзаключенному.

На третьем допросе 12 мая отцу Иоанну предъявляют обвинение:

«Вам предъявлено обвинение по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР, то есть в том, что вы будучи антисоветски настроены, используя сан священника, среди прихожан церкви проводили антисоветскую агитацию...»

Ответ: **Винным себя признаю в том, что я как священник, исполняя религиозные обряды и в частности при произношении мною с церковного амвона публичных исповедей, при которых разъяс-**

няются «заповеди закона божьего» и при чтении так называемых проповедей, где освящается история религиозных праздников или текст содержания евангелия, допускал такие высказывания, которые ~~по своему содержанию носили антисоветский характер~~ и прихожанами церкви могли быть восприняты как антисоветские проявления, хотя сознательного намерения проведения антисоветской агитации среди верующих у меня не было.

Подпись обвиняемого под этим протоколом появляется только когда в него внесена поправка. Следователь вынужден зачеркнуть слова «по своему содержанию носили антисоветский характер».

Три часа длилась борьба между следователем и обвиняемым за подпись под протоколом, занимающим всего три четверти страницы. На обвинение отец Иоанн не отвечал отрицанием, не обращая внимания на маловажные для него вещи, как бы не замечая злого умысла, он говорил о сути своего служения. И мог ли священник с его замечательным даром слова говорить таким чудовищным языком? Протокол написан именно так. На этом допросе отец Иоанн понял, что бороться за каждое слово, которым он вменяется со незаконными, практически невозможно. Перечитав протокол допроса, он вряд ли узнал свои показания. Первые слова: «Виновным себя признаю...» Произносил ли он их? Ведь дальше сквозь текст, написанный следователем, лишь кое-где слышится голос отца Иоанна о том, что как священник, исполняя свой долг, он разъяснял заповеди Закона Божия, освещал историю религиозных праздников, пояснял текст Евангелия. Допрос был изнурительным, и он остался доволен тем, что удалось ему отстоять в этой неравной борьбе.

А дальше произошло непредвиденное: «По замыслу ли следственного дела или стечением обстоятельств, а скорее милостью Божией

между третьим и четвертым допросами больше месяца меня никуда не вызывали. Я был один, молился. Иногда в мое уединение вторгался колокольный звон, извещая о начале Божией службы, Бог был рядом со мной и в этом мрачном безбожном месте».

Через полтора месяца на следующем, четвертом допросе 4 июля отец Иоанн в ответ на требование следователя рассказать подробно «о своих антисоветских проявлениях» стал говорить о том, что привел к вере много молодежи, призывал молодых девушек не вступать в брак, а посвятить свою жизнь служению Божией Матери, крестил молодых людей. Он бесстрашно рассказывал о том, что не советовал родителям отдавать своих детей в пионеры, а молодежи не вступать в комсомол, что обличал крайнее падение нравов при советской власти и иногда совершал крещения и другие требы на дому.

Чем была вызвана такая разговорчивость отца Иоанна? Как определилась именно такая позиция его в продолжение следствия? Почему сначала он категорично заявлял, что ничего антисоветского никогда не говорил и это могут подтвердить его прихожане, а потом будто стал соглашаться с обвинениями в антисоветских высказываниях?

Полной неожиданностью для отца Иоанна явились показания его сослуживцев. Ему было о чем подумать. И вот с 12 мая по 4 июля появилась возможность для раздумий. Отец Иоанн в это дарованное ему время смог сосредоточенно углубиться в размышления и обдумать все происходящее, а главное, он мог припасть к Богу в молитве. По некоторым моментам на первых же допросах он понял, что оперативная информация о нем собиралась давно, готовились свидетели, при нем постоянно находились осведомители – тайные помощники следствия. Их не засвечивали, берегли для будущих дел и доносов. Среди них были и просто будто бы «верующие», и те, кто стоял рядом с ним у престола. Все они в течение года шли по его следу, как хорошо

выдрессированные ищейки. Органы госбезопасности тщательно собирали доказательства его виновности перед советским строем согласно задуманному сценарию.

И отец Иоанн принял решение: он готов отвечать только за свою пастырскую службу. Он будет свидетельствовать правду, но осилит ли она ложь протоколов?

Но Сам Господь бережет истину и правду нашей жизни, и изощренный во лжи ум не знает, где и в чем проявятся его настоящие намерения. Всевидящее же Око Божие зрело сердце и душу Своего служителя, а отец Иоанн, ощущая реально помощь Божию, готовился идти навстречу неведомому. Он же учился видеть в обстоятельствах верный след Промысла Божия, чтобы не погрешить против Него. И постепенно, от допроса к допросу, теряли для него значение все действованные в деле лица. За все время ведения следствия в нем не прибавилось ни одного имени, будто отец Иоанн жил анахоретом и пришел на Лубянку из пустыни. Для отца же Иоанна слова Христовы: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» – претворяли веру в убедительнейшее знание, оживотворяли дух сознательно и безропотно принять Чашу Христову, чтобы стать причастником благодатного Его Царства. Не чувствуя за собой той вины, которую ему вменяли, он молил и просил Господа только о том, чтобы до конца остаться верным Христовой любви и незлобию христианскому.

Так появились протоколы – якобы признания. Слова показаний отца Иоанна, написанные рукой следователя, правке не подлежали. «Еже писах, писах», – сказал игемон. И слова, произнесенные отцом Иоанном при служении в храме, выдернутые из контекста речи, искажая смысл, ложились на страницы следственного дела как действительные улики в планомерной антисоветской пропаганде. «Вы говорили эти слова?» – спрашивал следователь. «Да, говорил», – отвечал

отец Иоанн. Сказать «нет» он не мог, потому что на самом деле произносил их. Объяснять же, что смысл им сказанного совершенно другой, было бесполезно.

Кроме того, не смел отец Иоанн, даже ради собственной защиты, сказать свидетелю-сослужителю: «Вы лжете!» На очной ставке отец Иоанн устремился по-священнически целованием приветствовать собрата, но тот, пришедший подтвердить надуманные показания, соскользнул к его ногам в обмороке. В следственном деле нет описания этого происшествия со свидетелем, но факт этот изобличился на удивление малым временем встречи и краткостью показаний допроса. Когда священника привели в чувство, исполняя требования следователя, он смог повторить только один факт своих предыдущих свидетельств, на большее у него не хватило сил:

«В 1949 году, во время службы, среди прихожан Крестьянкин в общей исповеди, подчеркивая любовь друг к другу, существовавшую в довоенные времена, говорил что в настоящее время жизнь проходит в пороках. Говорил, что у нас повсюду обман, ложь и предательство. Люди без стыда и совести предают друг друга. Молодежь развращена, и женщины и девушки ведут развратную жизнь».

И эти слова геенским огнем жгли его же душу. А для отца Иоанна нестерпимой пыткой было видеть нравственное падение служителя церкви. Он стал помогать несчастному: «Да-да, я это говорил». «Да-да, говорил и это». Он соглашался со всем, не оправдываясь. Уж лучше самому пострадать, чем изобличать собрата во лжи и предательстве.

Так явственно открывается духовное состояние души отца Иоанна в следственной тюрьме, очевидной стала благодатная победа его над

злом. Он твердо сохранял христианское отношение ко всем, кто участвовал в его осуждении. Главное для него – остаться верным Христу не только в словесном исповедании веры, но и в устройении сердца. Не впустить в душу духа злобы, возмущения, вражды, обиды, не потерять мир и любовь ко всем, не воспротивиться изволению Божию, пославшему его на страдания и скорби. Для него стал безразличен внешний итог этой бесчинной провокации, важнее не потерпеть духовное поражение. Только об этом он просил и молился, предоставляя весь ход событий воле Божией. Живая вера, которой давно жил отец Иоанн, руководствовала его поступками. Слова Спасителя явились во всей своей силе и власти в период следствия. «...Поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10:18–20). Мог ли сам отец Иоанн обдумывать каждое слово при допросах? В той обстановке, когда человека специально сбивают с толку словопрениями и угрозами, это практически невозможно. А все дальнейшие «показания» отца Иоанна внутренне абсолютно последовательны, непротиворечивы и являются его свидетельством о Христе, Которого он носил в своем сердце, за Которого он не отрекался пострадать и даже умереть. Он оставался совершенно непоколебим в духовном смысле. Все поздние, хоть и краткие рассказы отца Иоанна о периоде следствия безгласно высвечиваются и в протоколах. Он вспоминал о собрате, сраженном совестью до обморока, и о длительном отсутствии следователя, давшем ему возможность помолиться.

В показаниях же свидетелей ясно просматривается, что следователь держит их на одном и очень коротком поводке. Им было поставлено несколько задач: Крестьянкин должен быть уличен в клевете на

государственную систему через высказывания о гонении на Церковь, в измышлениях на советскую действительность, выражающихся в разговорах о падении морали и нравов, в разжигании религиозного фанатизма среди молодежи, и в подтверждение его опасности для строя должно засвидетельствовать его популярность среди верующих. И даже вопросы о проповедях, доказывающих якобы антисоветские настроения подследственного, были даны одни и те же всем троим.

И «свидетели» заговорили об одном и том же и одинаковыми словами. Очевидно, немного времени потратил следователь на их подготовку. Сами же они инициативы не проявили. На допросах и священник, и диакон, и отец Иоанн засвидетельствовали в своих показаниях, что на всем протяжении совместного служения в церкви села Измайлова (а это всего год) отношения между ними были нормальными и даже дружественными.

Главный вопрос, задающий тон следствию, общий для всех свидетелей:

«Что вам известно о политических настроениях Крестьянкина?»

В ответ все решительно произносят нужное следователю слово:

«Антисоветчик».

Каждый, как по команде, произносит:

«Мне известно, что Крестьянкин настроен антисоветски».

А дальше они дружно говорят и свидетельствуют о клеветнических измышлениях в проповедях отца Иоанна о блудном сыне, в слове на Прощеное воскресенье – о падении морали и нравов при безбожии. Общим для всех троих оказалось и глумливое раздражение по поводу популярности отца Иоанна в народе, и особенно среди молодежи.

14 апреля 1950 года, за две недели до ареста отца Иоанна, певчая дала показания по всем заданным вопросам, но чрезвычайно поусердствовала в отношении гонения на Церковь.

«Крестьянкина я знаю как антисоветски настроенного человека. Он в 1949 и начале 1950 года во время чтения проповедей в церкви с. Измайлово в моем присутствии неоднократно перед верующими высказывал антисоветские измышления. Так, например, в июле или августе месяце 1949 года, заканчивая читать одну из проповедей в церкви с. Измайлово, Крестьянкин стал клеветать, что, якобы, Советская власть вела гонение на церковь. Он перед верующими говорил: «Братья и сестры! Мы с вами переживаем такое время, когда нашу церковь хотели низвергнуть, хотели прекратить ее существование. Но церковь православную не удалось закрыть тому, кто это хотел сделать (под этими Крестьянкин подразумевал Советскую власть). Церковь наша восторжествовала. Она снова открыта. Она живет и будет жить в веках несмотря ни на какие преграды. Врата адавы не одолеют церковь. Тогда же говоря о пятилетию интронизации патриарха, Крестьянкин сказал: «Нам надо больше молиться за нашу церковь. Церковь наша живет несмотря на то, что волны ересей, расколов и особенно неверия, ежеминутно грозят затопить церковный корабль».

На очной ставке 1 августа эта женщина свидетельствовала:

«В начале 1950 года Крестьянкин, читая проповедь и ссылаясь на историю Христианства, говорил нам верующим, что в наше время люди забыли бога, забыли свой христианский долг. Многие из нас, заявлял он, в период войны, не считаясь с тем, что всем было тяжело, по высоким ценам продавали свои продукты, как, например, картошку и мы должны были только этим и питаться. Кроме того, Крестьянкин своими проповедями и публичными исповедями много привлек народу к посещению Церкви, в том числе значительное количество молодежи. Вот все, что я могу показать о Крестьянкине».

Вопрос арестованному Крестьянкину: А эти показания свидетеля вы подтверждаете?

Ответ: Да подтверждаю. В своих проповедях и публичных исповедях я говорил верующим, что они забывают свой долг христианина, так как в тяжелое время войны многие из них по высокой цене продавали продукты питания и наживались на народном бедствии. Не отрицаю и того факта, что я действительно всей системой своей проповеднической работы, которую строил на священном писании привлек к посещению храма и приобщил к религии значительное количество народа, в том числе и молодежь.

Отец Иоанн, подтверждая показания певчей, пытается внести в них правку о том, что его проповеди не измышления, не клевета, но спасительные слова Священного Писания, обращенные к верующим.

19 апреля 1950 года священник-сослужитель дал показания на отца Иоанна.

Вопрос: Что вам известно о политических настроениях Крестьянкина?

Ответ: Крестьянкин настроен антисоветски. Перед верующими он выдает себя за «прозорливого» и «исцелителя», и поэтому верующие говорят о нем как о «святом».

Вопрос: Какими фактами вы можете подтвердить антисоветские настроения Крестьянкина?

Ответ: На протяжении 1949 года, читая проповеди в церкви с. Измайлово, Крестьянкин неоднократно в моем присутствии высказывал перед верующими клеветнические измышления на Советскую действительность. Антисоветские измышления Крестьянкина сводятся к следующему: «В древние времена христиане строили свою жизнь на любви друг к другу, к своим ближним, к Христу, а в настоящее время вся наша жизнь проходит в пороках. У нас повсюду обман, ложь и предательство. Люди без стыда и совести предают друг друга. Нет больше святой семьи. Мы видим нравственное падение женщин и девушек, которые ведут развратную жизнь. Молодежь наша развращена. У нас поругано и обесчещено таинство брака и акт рождения детей. Мы видим повсюду пьянство и распущенность. Какое падение морали и нравов! И все это потому, что сеется безбожие, что люди забыли бога. Не обольщайтесь земными благами,

не бойтесь жизненных испытаний. Будьте твердыми в вере несмотря на то, что вам ставятся всякие преграды».

Вопрос: Выше вы показали, что Крестьянкин перед верующими выдает себя за «прозорливого» и «исцелителя». Расскажите более подробно об этом?

Ответ: О Крестьянкине как о «прозорливом» «святом» человеке и «исцелителе» мне приходилось слышать как от верующих так и от сослуживцев. Кроме того я сам видел, как он в церкви села Измайлово в августе месяце 1948 года производил какие-то движения с чашей в руке над женщиной средних лет, которая была больна. Своими молитвами он как бы исцелял ее от болезни. При этом в Церкви верующих не было. Часто в церковь приезжают неизвестные лица и спрашивают, в том числе и у меня: «Где тут батюшка Иван, который бесов изгоняет». Причем, к Крестьянкину, как к «прозорливому» неоднократно в 1949 году приезжала неизвестная мне женщина из гор. Ленинграда. Во время служб в церкви Крестьянкин делает какие-то особые неестественные движения руками, поднимает кверху голову, читает с особой интонацией молитвы и этим всем воздействует на верующих, в частности на малоустойчивую молодежь, разжигая религиозный фанатизм. Кроме того мне известно от сослуживцев, что Крестьянкин совершает не-

легальные обряды крещения на квартире у проживающей по Первомайской улице (в селе Измайлово) схимонахини Марии⁹. У нее он крестит взрослых женщин и девушек.

Священник неслучайно произносит имя старицы-схимонахини, хотя сам он ее и о ней знать ничего не мог. Оперативная информация об отношениях Крестьянкина со схимонахиней «засветилась» в восьмом допросе.

20 апреля записаны показания отца диакона. Они на те же темы, что и двух предыдущих свидетелей, но очень немногословны и не содержат новой информации. На вопрос, что он знает о Крестьянкине, случайно или умышленно, но он дает показание, которое, как и многая другая ложь в этом следственном деле, не обращает на себя внимание следователя. Лжи уже так много, что еще одна не меняет дела.

Он говорит:

«Мне известно со слов Крестьянкина, что он родился в гор. Орле в семье железнодорожника...»

Эту ложь отец Иоанн обличил при последнем своем допросе, рассказывая о своей семье.

Проповедь отца Иоанна о блудном сыне стала притчей во языцех.

«В начале февраля месяца 1950 года читая проповедь о «блудном сыне» Крестьянкин в моем присутствии в церкви с. Измайлово перед верующими, высказал клевету на советскую действительность. Он сказал примерно так: «Братья и сестры! Блудный сын уйдя от отца, вынужден был жить и питаться вместе со свиньями потому, что ему нечего было есть. Нам, братья и сестры, по-

ложение блудного сына должно быть понятным, ибо мы все, в наше время в период войны переживали то же самое. Мы на войну отдавали все, все свои тряпки, даже последнюю рубашку. Нам же продавали одну картошку и ту по дорогой цене, и мы вынуждены были как блудный сын питаться ею.

19 февраля 1950 года в той же церкви с. Измайлово, также в моем присутствии, читая проповедь о «прощеном воскресении» Крестьянкин снова высказал антисоветские измышления: «Наши дети перестали верить в бога, не слушаются своих родителей, стали распущенными и развращенными. Все это потому, что сейчас время такое, что детям прививается безбожие». Других антисоветских измышлений со стороны Крестьянкина я не помню.

Три человека лжесвидетельствуют на подследственного. Как и чем вынудили их дать согласие стать соучастниками преступления – послать ни в чем не повинного человека на страдания, туда, где выжить можно лишь чудом? Говорить о певчей не приходится. В каждом слове ее показаний и в духе их проглядывает циничное безразличие к обвиняемому и к его будущему. Она исполняла свою работу.

Но вот собратья-сослуживцы, они оба равнодушны к тому, что с ними происходит. Священника повергает в обморок доброжелательный вид отца Иоанна и его пастырское приветствие. А ведь это желание исчезнуть, раствориться, не участвовать в злодеянии. Жива, еще жива душа его, и она страдает. И кто знает, горькая память о своем падении – не прошла ли через всю жизнь с ним, омрачая и светлые ее минуты.

Отец диакон дает показания сквозь зубы. Кратко, монотонно выговаривает данные ему установки, всем своим видом показывая, что его лучше исключить из дальнейшего процесса. Очную ставку с подследственным ему даже и не предложили.

Отец Иоанн однажды на вопрос, заданный ему о священнике, исполнявшем поручения чекистов, сострадав падшему, проговорил: «И священник-то он был хороший, и семьянин – кормилец чад своих... – не произнес на него укоризны, а завершил свою защитную речь: – ...А ты-то знаешь ли, как поведешь себя в подобной ситуации, если еще и угрожать будут не тебе, а твоим детям?»

Показания свидетелей при несомненной их тенденциозности и лживости дают возможность живо ощутить одновременно и атмосферу допроса, и даже манеру поведения отца Иоанна в храме, его обращение с прихожанами и их отношение к нему. В них нетрудно распознать очевидную ложь и, отсеяв ее, увидеть образ истинного пастыря словесных овец, почувствовать дух его бесед. По свидетельским показаниям понятно, что не бывает он один. Вокруг него всегда толпа прихожан разного возраста, напряженно слушающих живое сердечное слово священника. И он вникает в каждую проблему, отвечает, не думая о стоящих поблизости осведомителях, которые запоминали все, что может пригодиться для доноса. Его теплое внимание и понимание привлекают к нему молодежь.

Пока речь шла о показаниях штатных свидетелей, отец Иоанн своими ответами, елико возможно, вносил в них смысловую правку, но когда следователь стал приоткрывать перед ним оперативную информацию о его священнической деятельности, стало понятно, что от этого он не только не может, но и не должен отказываться, ибо в этом его служение Богу. Отец Иоанн стал вдохновенно свидетельствовать о своем служении: «Да, крестил, да, жалея молодежь, помогал

им». Он не скрывал, что сердцем принял слова Господа: «Приходящего не измену вон».

Для отца Иоанна переход от свидетельских показаний к информации от самих органов произошел при упоминании священником имени схимонахини Марии. Ему стало понятно, что знает о ней не он, об окормлении старицы никто из новых сослуживцев знать не мог. Это было сокровенное дело отца Иоанна, известное лишь самым близким. Да и следователь на допросах без протокола не скрывал информации, полученной через услужливых агентов: «газовщиков», «электриков» и прочих благодетелей, приставленных к схимонахине органами. Иногда в разговорах с подследственным пересказывал его беседы с монахиней. Ничего крамольного, касающегося политики, там не было, но и само понимание положения церковной жизни на данный момент было преступлением.

Протокол восьмого допроса отца Иоанна, 3 августа 1950 года, о схимонахине Марии (Марии Станиславны Щедриной) приводим полностью, без поправок и исправлений ошибок (не следует удивляться, что фамилия, имя и отчество схимонахини в следственном деле искажены. Не поправил следователя и отец Иоанн, оставив тем убедительнейшее доказательство того, что все в этом деле не заслуживает доверия).

Вопрос к отцу Иоанну: вам известны лица, которые так же как и вы высказывали отдельные антисоветские измышления?

Ответ: Нет, такие лица мне неизвестны.

Вопрос: Неправда, Щередину Лидию Степановну вы знаете.

Ответ: Да, Щередину Лидию Степановну я знаю.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы с ней познакомились?

Ответ: В начале 1948 года умер священник церкви «Иоанна Воина», что находится на улице Якиманка, Вознесенский Александр, который являлся духовным отцом Щерединой. После его смерти духовным отцом Щерединой стал я, и она для удобства переехала на жительство в Измайлово. Проживая в Измайлово, Щерединая стала посещать церковь, где я служил, кроме того, я как ее духовный отец ходил к ней на квартиру и, таким образом мы с ней стали знакомы.

Вопрос: Каким образом получилось, что вы стали духовным отцом Щерединой?

Ответ: Еще при жизни священника Воскресенского¹⁰, последний меня просил, чтобы я после его смерти стал духовным отцом Щерединой, и я здесь только выполнил его просьбу.

Вопрос: Кто такая Щерединая?

Ответ: О Щерединой я знаю очень немного. Это человек преклонного возраста, примерно около 70-ти лет, болезненный, одна нога ампутирована. В прошлом являлась схимонахиней, то есть высшим монашеским постригом, когда человек отрывается от всего мирского. В монастыре она находилась или в гор. Одессе или в гор. Кивее, сейчас точно не помню, имеет родственника в Москве – брата. Больше мне о ней ничего неизвестно.

Вопрос: Вы часто бывали на квартире Щерединой?

Ответ: Нет, не часто. Ходил я к ней только в период ее болезни для совершения религиозных обрядов причащения и соборования.

Вопрос: Это не совсем верно. Вы у Щерединой бывали и в обычное время, проводили с ней время за чашкой чая. Почему умалчиваете об этом?

Ответ: Не отрицаю, я бывал у Щерединой и в обычное время, были случаи, когда проводил время за чашкой чая, но в таких случаях я бывал не один, а вместе с другими служителями религиозного культа измайловской церкви.

Вопрос: Установлено, что общаясь с Щерединой, вы с ней неоднократно вели антисоветские разговоры. Показывайте об этом.

Ответ: Ничего об этом показать я не могу. Никогда антисоветских разговоров с Щерединой или с кем-либо еще я не вел. Все мои беседы с Щерединой сводились только к религиозному вопросу.

Вопрос: Вам известны политические настроения Щерединой?

Ответ: Никогда в наших с ней беседах политических вопросов мы не касались, а поэтому о ее политических настроениях мне ничего не известно.

Допрос окончен.

Протокол мною прочитан, ответы с моих слов записаны правильно. [подпись]

Да истинно ли записаны ответы подследственного? Мог ли он, исповедуясь у отца Александра, исказить его фамилию? А следовательно

все равно, что Вознесенский, что Воскресенский. Так и проходит по протоколу отец Александр под двумя фамилиями.

И где же в этом протоколе признание отцом Иоанном навязываемой ему вины? Категорично и определенно он опять отвергает ее:

«Никаких антисоветских разговоров с Щерединой или с кем-нибудь еще я не вел».

Но его свидетельство зависает в безжизненном пространстве, что создано вокруг него. Паутина, которую плетет следователь, опутывает правду показаний подследственного.

Все сфабрикованное дело Крестьянкина было абсурдно и нелепо. Причиной гонения на него стала именно проповедь веры, нравственной жизни, бескомпромиссная верность Церкви фактически вменялась ему в вину. Властные структуры без колебаний отправляли священника на гибель, а его запуганную паству надеялись вернуть в теплохладное состояние, граничащее с безверием.

Огромное количество грамматических и других ошибок – это типично для протоколов следственных дел. Перевернутые имена, искаженные фамилии и обстоятельства – на все это никто не обращал внимания по вполне понятным причинам: обычная малограмотность и спешка, но и подсознательное чувство, что все это – ложь, имеющая лишь вспомогательное значение при расправе с намеченной жертвой. Понятно, что и сами показания подследственного почти всегда приводятся весьма приблизительно, и он с этим практически ничего не может поделать: ведь невозможно добиться, чтобы следователь записывал все дословно или вносил исправления чуть ли не в каждом слове, не говоря уж о смысле. Хорошо, если самое главное не исказит так, чтобы «намотать» побольше срок. Именно в этом и состояла основная цель следователя, он не отпускал свою жертву, пока не добивался своего. Это была неравная борьба с заранее известным кон-

цом. Подследственному же необходимо было устоять хотя бы в том, чтобы никого не выдать и не оступиться духовно.

Отец Иоанн, говоря о себе и даже признавая себя в чем-то виновным, ничего не рассказал ни об одном человеке такого, что могло бы его хоть сколько-нибудь скомпрометировать в глазах советского «правосудия». Когда же следователь начинал вымогать конкретные имена, отец Иоанн неизменно ссылаясь на беспамятство. Он напряженно слушал и всматривался в следователя, чтобы не сказать того, что тому еще неизвестно. Отец Иоанн не потерял контроля над собой, не сломался, но, сохраняя полное самообладание, спокойно шел навстречу страданию лагерных лет, соблюдая свое сердце в благодатном мире и кротости. В тесноте и скорби он умолял Господа о помощи и укреплении душевных сил, о вразумлении свыше. И не уязвлялось его сердце ни расслабляющим унынием, ни малодушием. Сохраняя благодатную веру и надежду на Господа, отец Иоанн в горниле выпавших на его долю испытаний приобрел такую духовную силу, которой до конца своих дней врачевал немощные человеческие души.

Следователю Ивану Михайловичу Жулидову тяжело пришлось в этом деле. Если бы он знал Священное Писание, то на всем протяжении следственного дела Крестьянкина он, несомненно, слышал бы одни и те же слова: «Иван, Иван, почто гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна». Но глух и слеп был молодой человек – капитан службы госбезопасности. Тьма незаконных деяний сотрудников этого ведомства непроницаемой стеной преграждала путь свету к их сознанию. Дух истины и правды был им недоступен. Следователь Жулидов должен был исполнить свой «долг» вопреки всем преградам, даже вопреки явной истине. Уже на втором допросе еще ничего не говорившего подследственного он обличает в неискренности. На третьем он, фактически не начав следствия по делу, нетерпеливо предъяв-

ляет Крестьянкину обвинение в антисоветской агитации и, решив, что достаточно устроил его, на полтора месяца оставляет в одиночестве для размышления. Возвратясь и не найдя арестованного сломленным, следователь нагнетает истерию при допросах. От допроса к допросу звучит в протоколах его окрик о сокрытии Крестьянкиным конкретных фактов враждебных проявлений, о клевете на советскую действительность.

Раздражение следователя нарастает и выплескивается на страницы протоколов в виде невообразимых в устах отца Иоанна речей, избличающих самого составителя протоколов. Как же нужны следователю признания этого симпатичного священника и как тот этого не хочет понять и помочь делу, ведь изменить ничего нельзя, все о нем давно решено.

Протокол пятого допроса подследственного Крестьянкина Ивана Михайловича от 27 июля 1950 года становится ключевым. По замыслу следователя, он должен стать неоспоримым доказательством преступности арестанта. И в этом же протоколе совершенно очевидно и то, что следователь нужный ему смысл показаний вписал в ответы отца Иоанна такими словами, что они обличают ложь и фальсификацию написанного.

Вопрос: Следствию известно, что вы систематически группировали вокруг себя молодежь, которую обрабатывали в реакционном направлении, разжигая в ней религиозный фанатизм. Дайте об этом более подробные показания.

Ответ: Не отрицаю, действительно за время моей службы священником в Измайловской церкви города Москвы с 1945 года и до последнего момента мне удалось значительное количество молодежи приоб-

чить к религии и церкви. В своих проповедях и исповедях я доказывал необходимость веры в бога, при этом не останавливался перед клеветническими измышлениями о том, что в нашей советской действительности якобы имеет место бытовое разложение, падение нравов и человеческой морали. Во всех таких случаях я свои проповеди прикрывал священным писанием из евангелия и творениями так называемых святых отцов.

В результате всей системы моей проповеднической работы среди молодежи, проживающей в окрестностях измайловской церкви, заметно возросло стремление к религии и вере в бога. В церкви во время богослужения можно было видеть большое количество верующих в возрасте 16–20 лет, усердно молящихся богу. Кроме того, когда мне становилось известно, что среди верующих из числа молодежи есть лица, не исполнившие в свое время религиозные обряды крещения или венчания, предлагал последним совершить эти обряды и мои предложения всегда принимались.

Я крестил много молодых девушек и юношей, в том числе и комсомольцев, в возрасте от 15 до 20 лет, соблюдая при этом все, что относится к этому акту.

Вопрос: Крещения девушек и юношей все производили в церкви?

Ответ: Как правило, крещение я производил в церкви, но были случаи, когда по просьбе тех лиц,

которых должен был крестить, крещение производил у них на дому.

Вопрос: Следствию так же известно, что в своих проповедях и исповедях вы систематически доказывали недопустимость принадлежности молодежи к комсомольской и пионерской организациям. Вы это признаете?

Ответ: Да, признаю. Такие внушения верующими с моей стороны были, как в 1948 году, а также и позднее. Но я только хочу внести уточнение в этот вопрос, что это делалось мною не во время проповедей и исповедей.

Вопрос: А как же?

Ответ: Ко мне как к священнику после богослужения верующие часто обращались с различными вопросами и просили дать им тот или иной совет. Среди вопросов были и такие, когда верующие просили моего совета, как им поступить в отношении воспитания своих детей, которых они желают видеть религиозно настроенными, и вести в этом направлении воспитание, но их дети являются или комсомольцами, или пионерами и сильно увлекаются работой этих организаций и их воспитательной ролью, что мешает осуществить желание родителей. На такие вопросы я доказывал верующим, что воспитание детей является их родительской обязанностью и очень серьезным делом, что родители их должны воспитывать так, как считают лучше сами, и не полагаться в та-

ких случаях на желание и стремление детей. Если родители хотят своих детей воспитывать в религиозном направлении, советовал я, то вся работа с детьми должна быть подчинена только этому направлению, детей надо приобщать к религии, к церкви и, конечно, ~~также~~ они не должны состоять членами ни в комсомольской ни в пионерской организациях.

Вопрос: Это не совсем так. Предлагаем показывать правду.

Ответ: Ничего другого на это ответить я не могу. Я показал только то, как было в действительности.

Допрос окончен.

Протокол мною прочитан, ответы с моих слов записаны правильно. [подпись]

Стоит, наконец-то стоит под этим явным признанием подпись. Но даже такой протокол, составленный по всем правилам обвинения самим Жулидовым, его почему-то не удовлетворяет. «Это не совсем так. Предлагаем показывать правду» – последние слова следователя в этом протоколе. Что же мешает следователю безоговорочно принять всю эту писанину за признание Крестьянкина? Мешает многое, если не сказать все. Одна надежда, что читать эти протоколы не будут, а если и пролистают, то люди из того же ведомства, что и Жулидов, а значит, бояться нечего. Но он все же чего-то побаивается. Совесть не в его власти.

В деле отца Иоанна нет показаний, им написанных. Это объясняется тем, что в 1950-е годы использовались стандартные обвинения: в антисоветской агитации и пропаганде, в клевете на советскую дей-

ствительность, и следователи поднаторели в написании нужных им показаний, что значительно ускоряло и упрощало процедуру. А главное, смысл показаний арестованного был в их власти. Протоколы показаний на допросах отца Иоанна дают понять очень многое. При этом совершенно очевидно, что пишет их он не сам. Об этом свидетельствуют неграмотность записи и стиль изложения. Возможно ли поверить, что церковный человек, с детства исполненный благоговения ко всему святому, говорил: «Я свои проповеди прикрывал священным писанием из евангелия и творениями так называемых святых отцов»? Или: «Я при каждом богослужении, обращаясь к верующим с призывом почитать «господа бога», разжигал в них религиозный фанатизм», «отправляя очередной религиозный обряд при большом скоплении верующих» (речь идет о служении литургии на праздник Божией Матери). «Чтобы мои слова больше запали в сознание паствы и чтобы больше приобщить граждан к религии и посещению церкви, я, играя на их религиозных чувствах, говорил, что в наше время много христиан отошли от веры божьей, стали обольщаться земными благами...»

И таких «шедевров», явно избобличающих их составителя, масса.

Неожиданно для отца Иоанна обрелись и еще свидетели его «преступлений». Письма. Несколько писем, изъятых у него в квартире при обыске. Следователь предъявил ему поочередно три письма.

Первое на пяти страницах. Отец Иоанн дает показание:

«Это письмо девушки Нины написано в форме исповеди, где она, как религиозно настроенный человек, кается в своих грехах. Кроме того, в этом письме она спрашивала моего совета о том, поступить ей в члены ВЛКСМ или не надо. Я ей никакого совета не давал, так как письмо мною было полу-

чено за несколько дней до ареста, и я Нину не видел. Если бы я встретил Нину до ареста, то разъяснил бы ей, что пребывание в комсомоле несовместимо с ее религиозными настроениями».

Вот он, желанный ответ.

Вопрос: Другими словами, вы бы рекомендовали Нине в члены ВЛКСМ не вступать?

Ответ: Да, я бы рекомендовал Нине в члены ВЛКСМ не вступать.

Следователь, окрыленный успехом, предъявляет второе письмо на 19 страницах, которое начинается словами: «Благословите, отец Иоанн».

Ответ: Да, это письмо также адресовано мне одной молодой девушкой, которую я несколько раз видел в измайловской церкви во время богослужения. Ни фамилии, ни имени ее я не знаю.

В этом письме есть слова: «Прошу прощения, что вторично осмеливаюсь у вас отнимать считанные минуты», – следователь выпытывает, сколько всего писем было от этой девушки?

Ответ: Только одно письмо.

Вопрос: Не верю. Почему скрываете о получении от нее других писем?

Ответ: От неизвестной мне девушки я получил только одно письмо, которое мне сейчас было предъявлено, но до этого девушка обращалась ко мне устно и просила уделить ей несколько минут времени для того, чтобы она могла рассказать мне свои сокровенные тайны, а так как у меня времени не было, я ей в этом отказал. После чего она

спросила у меня разрешения написать об этом в письме, на что я согласился, и письмо это было ею написано. Очевидно, исходя из этого, она и пишет, что вторично обращается ко мне.

Разговор о неизвестной девушке ничего не дал следователю, но он не отступает.

Вопрос: Веронику Лясоцкую вы знаете?

Ответ: Веронику Лясоцкую я знаю как прихожанку измайловской церкви, однако лично с ней незнаком.

Вопрос: А письменную связь вы с ней поддерживали?

Ответ: Я лично с Лясоцкой никакой связи не поддерживал, она же мне года 3-4 тому назад почтой прислала одно письмо.

Следователь предъявляет письмо Лясоцкой, написанное на двух страницах, которое начинается словами «Отец Иоанн», и предлагает вспомнить его содержание.

Ответ: Насколько я припоминаю, это письмо носит для меня хвалебный характер. Лясоцкая восхищается моей службой и умением проникнуть в сознание верующих и донести до них слова веры в бога и правоту священного писания.

Немного же собралось компромата на подследственного из писем.

Протокол седьмого допроса от 3 августа 1950 года о проповеди в неделю о блудном сыне. О ней, как сугубо антисоветской, показания трех штатных свидетелей. Допрос длится шесть часов.

Вопрос: Вы среди верующих измайловской церкви рассказывали проповедь о «блудном сыне». При

этом возводили клевету на советскую действительность.

Ответ: Я категорически это отрицаю. При чтении мною верующим проповеди о «блудном сыне» я руководствовался только историей священного писания христианской веры и клеветы на советскую действительность не возводил. Подробные показания о содержании этой проповеди я дал на очной ставке со свидетелем I-го августа 1950 г.

Вопрос: Допрошенный нами по этому вопросу свидетель показал, что ваша проповедь о «блудном сыне» носила антисоветский характер. Вы признаете это?

Ответ: Нет, не признаю. Я хорошо помню, что ничего клеветнического в этой проповеди на советскую действительность сказано не было.

Вопрос: Не верю. Зачитываем вам показания свидетеля от 20 апреля 1950 года. (Показания оглашаются.) Вы их подтверждаете?

Ответ: Ознакомившись с показаниями свидетеля по вопросу моей проповеди о «блудном сыне» я признаю то, что действительно я ее верующим читал в феврале 1950 года, где говорил, что история «блудного сына» такова, что когда он оказался вынужденным добывать себе пропитание своим трудом, то попал в немилость таких людей, которые имели достаточно всех видов питания, чтобы создать ему лучшие условия жизни, но их скупость и жадность к обогащению до-

ходила до того, что этот «блудный сын» вынужден был питаться домашними отходами вместе с животными. Рассказав эту историю из священного писания, я призывал верующих к тому, чтобы они не уподоблялись тем богатым людям, которые поставили «блудного сына» в положение животного. И здесь же рассказал, что надо признать, что среди верующих христиан есть нехорошие люди, которые в тяжелые года военного времени, когда народ отдавал все свое последнее на нужды войны, имея запасы продуктов, продавали их по высоким ценам населению и наживались, таким образом, на народной нужде. Вот существо моей проповеди. Никаких обобщений и клеветы на советскую действительность здесь не было.

Признание отца Иоанна только в том, что он действительно эту проповедь говорил, но клеветы в ней на советскую действительность не было.

Следователь оставляет ответ его без внимания и продолжает допрос.

Вопрос: Зачитываем вам показания того же свидетеля в отношении второй вашей проповеди о «прощенном воскресении», которая по своему содержанию носила антисоветский, клеветнический характер (показания оглашаются). Вы подтверждаете эти показания свидетеля?

Ответ: В основном показания свидетеля о содержании моей проповеди о «прощенном воскресенье» правильны.

И опять отец Иоанн вносит правку в смысл им сказанного:

– В этой проповеди я говорил верующим о прощении обид и оскорблений друг другу, если таковые имеются, что дети должны просить прощения у своих родителей за проявленные ими непослушания, что всех этих правил требует священное писание и церковные установления. Наряду с этим я заявлял, что в этой части священное писание и церковные установления многими не соблюдаются, так как в наше время дети перестали верить в бога, не слушают своих родителей, стали распущенными и развращенными. Все это потому, говорил я, что сейчас такое время, что прививается безбожие...

Допрос окончен.

Протокол мною прочитан, ответы с моих слов записаны правильно. [подпись]

Допросил: Ст. следов. I отд-я 6 отд-а 5 упр. МГБ СССР. Капитан [подпись]

Где же в ответах отца Иоанна признание в клевете на советскую действительность? Отец Иоанн проявил при этом допросе особую настойчивость. Ведь в нем шла речь о принципиально важных для него вещах, и он остался непреклонным.

7 августа 1950 года состоялся предпоследний, девятый допрос отца Иоанна. Его спросили, подтверждает ли он свои прежние показания? Он подтвердил. Подтверждает ли показания свидетелей, с которыми ему были даны очные ставки? Подтвердил и их.

Вопрос: Есть ли какие-либо ходатайства?

Ответ: Заявлений у меня нет, я имею одно хода-

тайство, сводящееся лишь к тому, что я не отрицаю и признаю, что совершил преступление, за которое должен нести определенную ответственность, однако я просил бы, чтобы мне была предоставлена возможность окончить четвертый курс московской духовной академии, где я учусь, и просил бы разрешить проживать на это время при академии в общежитии, а затем, по окончании ее, просил бы дать возможность мне выехать в Почаевский монастырь на постоянное жительство. Других ходатайств у меня нет.

Ответ отца Иоанна следователю не был ни формальностью, ни лукавством, не был он и юродством, но явил ту грандиозную и глубокую работу, что проделал в нем Дух Божий за период следствия. Из области активной деятельности волею обстоятельств он перешел в область Духа, и перед ним раскрылось в ином свете и его прошлое, и настоящее, и даже будущее. А с этим вопрос о покаянии и исповедании своей человеческой немощи и греховности выступил в ряд первостепенных. Осужденник – он в прахе и пепле, в раскаянии о своем несовершенстве – стоял на суде Божиим, и суд человеческий уже мало значил для него. Поставленный Господом пред величием духовных задач и в свете их увидев всю предыдущую жизнь, он взывал в сердце: «Боже, милостив буди мне грешному». Его молитвенный вопль разверз Небеса. Неслучайно, с благодарностью вспоминая то блаженное время, отец Иоанн говорил: «Теперь уж какая молитва, молитве лучше всего учит суровая жизнь. Вот в заключении у меня была истинная молитва, и это потому, что каждый день был на краю гибели. Молитва была той непреодолимой преградой, за которую не проникали мерзости внешней жизни». Следователю же и сви-

детели слышали только отголоски того, что происходило в душе осужденника: «Да, говорил, да, виноват, да, признаю, да, должен нести ответственность и наказание». Кто мог понять, что стоит он сейчас пред Господом и в начале той жизни, что поведет его к высотам Духа. Прощения Божия послушника были удовлетворены полностью. Он поселился в общежитии – бараке на 300 человек и продолжил учебу в такой академии, где потребовали духа и жизни, требовали настоящей веры, настоящей православной учености, настоящего познания христианства. Господь перевел его в Свою Высшую Духовную Академию.

«Христиане первых веков знали, что царство зла открыто и нагло восстанет на Царство Божие и будет воевать на Церковь Христову, что многие не выдержат этого огненного искушения и погибнут в водвороте соблазна. Зная все это, христиане первых веков отнюдь не содрогались перед грядущими ужасами. <...>Так же радостно и бодро, с такою же уверенностью в победе и с такою же готовностью принести Христу и Его Церкви все свои силы и способности должны ожидать и сыны Русской Православной Церкви грядущее на нее испытание...» – эти слова были сказаны митрополитом Сергием (Страгородским) в 1905 году – в преддверии грядущего на Россию и на Церковь гнева Божия.

Испытание на Церковь пришло. И Церковь в нем породила подвиг веры новомучеников и исповедников Российских. Отец Иоанн – человек Церкви. И он с готовностью прошел до конца своей жизни по страдальческому пути, начертанному ей Господом. Он свидетельствовал: «И кто освободит нас от нахлынувшего на Россию бедствия? Но неужели это все только дела рук человеческих, неужели Промысл Божий ушел из нашей жизни, оставя нас на произвол человеческих страстей и вражьей тирании? Нет, быть этого не может.

А значит, камо бежим от лица Божия, от гнева Божия, от любви Божией? Любовь Божия возвела нас на Крест, и только этот Крест нам во спасение. И спасаемся Спасителем нашим. На Него же уповаем и в самые неспасительные моменты жизни».

Испытание это продолжается и поныне. «Надо много и много перестрадать и глубоко каяться всем, только покаяние через страдание спасет Россию», – писал святой афонский старец Аристоклий¹¹. Отец же Иоанн, сам прочувствовав животворящую силу страданий, нередко повторял: «Настало такое время, что надо каждой скорби в ножки поклониться и ручку ей облобызать».

8 августа 1950 года был последний допрос, который содержит собственный, хотя и краткий рассказ отца Иоанна о своей семье и о себе. Он называет имена своих родных, потому что они и так известны следователю из собранных сведений. 9 августа 1950 года в дело вложена медицинская справка о том, что Крестьянкин Иван Михайлович практически здоров и к физическому труду годен. Эта справка выдана в Лефортовской тюрьме НКГБ СССР.

8 августа была и последняя встреча отца Иоанна со следователем И. М. Жулидовым. Вряд ли Жулидов не понимал, кого судит, кто перед ним стоит. Но, подобно Пилату, умыл он руки свои и не произнес таких нужных душе его слов: «Я не нахожу в Нем вины» (Ин. 19:6). Его приговор был: «Повинен смерти!» Как это все знакомо! Живет евангельская история, живет и в наши дни. «Кто хочет по Мне идти, да отвержется себя и возьмет крест свой и по Мне грядет». Таков путь спасаемых, и другого нет. Память же о Жулидове отец Иоанн пронес сквозь всю свою долгую жизнь. И никакие события – ни радостные, ни трагически-скорбные – не стерли ее и не заслонили. «Хороший был человек, хороший, да жив ли он? – помолчав, продолжил: – Жив, жив, но очень уж старенький». На вопрос келейницы, хотел бы ба-

тюшка с ним встретиться сейчас (разговор состоялся в 2004 году), отец Иоанн поспешно ответил: «Нет-нет, Боже упаси. А вот альбом-то «Встреча со старцем», бывшим его «пациентом», я бы ему послал в напоминание о делах давно минувших дней и о том, что я-то вот все еще жив милостью Божией». Чем, какими впечатлениями вошел этот человек в память бывшего арестанта, в память сердца старца Российского? Молитвенно помнил его отец Иоанн. Жалел ли, скорбел ли о душе его? Но ни одного осуждающего слова не произнес он о следователе, не вынес суда о том, кто осудил его на трагические по-человечески, а по-Божьему светлые годы учебы в Божией истинно Духовной Академии. И духовное богатство, которое приобрел отец Иоанн за эти годы, исполнило его сердце любовью и состраданием ко всякой душе, скорбящей и озлобленной грехом, и нашли в его сердце место и следователь Жулидов, и собратья, и все-все, кого встретил он на своем жизненном пути.

Обвинительное заключение было составлено 10 августа, утверждено 22 августа 1950 года.

Крестьянкин Иван Михайлович обвинялся в преступлениях, предусмотренных статьей 58-10 ч.1 УК РСФСР, в том, что «будучи враждебно настроенным к советскому строю, проводил антисоветскую агитацию. Клеветнически отзывался о государственном строе, обрабатывал советских граждан в реакционном направлении». Предлагалась мера наказания – 7 лет ИТЛ с отбытием срока наказания в лагере строгого режима Каргопольлаг.

Следствие окончилось, но тюремные испытания для отца Иоанна продолжались еще три месяца. 9 августа для хлебного фургона широко распахнулись ворота Лефортовской тюрьмы. В этом безобидном на вид транспорте с Лубянки был доставлен единственный арестант – Крестьянкин, которого там ждала камера-одиночка. Его уединение

и безмолвие несколько раз нарушали «подсадные утки» и допросы, не оставившие о себе следов в протоколах. Не все можно было предать огласке и в позднейшее время. Краткое свидетельство отца Иоанна о пребывании в Лефортовской тюрьме осталось: «На допросы, как правило, вызывали по ночам. Накануне кормили только селедкой, пить не давали. И вот ночью следователь наливает воду из графина, а ты, томимый жаждой и без сна несколько суток, стоишь перед ним, освещенный слепящим светом ламп». Что еще хотелось узнать следствие об этом светлом, прозрачном осужденнике?

В середине августа арестанта перевели в Бутырскую тюрьму в камеру с уголовниками. Там в молитве он провел еще полтора месяца, и здесь началось его знакомство с преступным миром, что очень помогло ему в дальнейшем.

3 октября 1950 года начальник Бутырской тюрьмы получил для исполнения наряд «об отправке осужденного за антисоветскую агитацию КРЕСТЬЯНКИНА Ивана Михайловича в исправительно-трудовой лагерь сроком на семь лет, считая срок с 29 апреля 1950 года» в Каргопольлаг МВД ст. Ерцево Северной ж.д.».

Документальные сведения об аресте и следствии отца Иоанна содержатся в следственном деле. Не нужно думать, что все находящееся в нем, заслуживает полного доверия. Как и все такие дела, оно требует определенного навыка в прочтении, умения отделить сухие информативные сведения от сфабрикованного обвинения, нередко заранее написанного, подтасованных свидетельств, материалов вымученных очных ставок. Тем не менее, научившись читать между строк, найдешь во многих следственных делах настоящие мученические акты, величайшие примеры стойкости в исповедании веры и правды.

Следственное дело отца Иоанна оставляет, как это ни парадоксально, светлое и даже радостное чувство, какое позднее испытывал

всякий в его присутствии, когда, бывало, посадит он пришедшего рядом с собой на диванчике в своей келье и ласково беседует от души к душе.

Как последователь и служитель Христов, полный веры и рождаемого ею мужества, пошел он сквозь мрак лжи, навстречу неизвестности лагерных бед и скорбей, предав свое настоящее и будущее воле Божией всесвятой и премудрой.

Понял иерей, что Дух Божий призывал его к испытанию верности и любви. И в простоте сердца вверился он Христу.

Я ВО ВСЕМ, КРОМЕ ПРАВЕДНОСТИ, ПОДОБЕН ИОВУ

Չէջեալ շահուցանալ շահեցնեմ հոգսով - ժողովրդապետները շարունակեցին
մոռուլուցնել և բարեկեցութեան շահուցանել և շարունակել, քանզի շահուցանելու
և կեանքի շահուցանելու համար շահուցանելու, շահուցանելու համար հոգսով
ժողովրդները և շահուցանելու համար շահուցանելու համար շահուցանելու համար
ժողովրդները շահուցանելու համար շահուցանելու համար շահուցանելու համար
ժողովրդները շահուցանելու համար շահուցանելու համար շահուցանելու համար
- շահուցանելու համար շահուցանելու համար շահուցանելու համար շահուցանելու համար

8 октября 1950 года заключенного Крестьянкина с вещами вывели на тюремный двор. Там в строгом порядке уже стояла колонна арестантов, отправляющихся отбывать наказание. Ярославский вокзал. Столыпинские вагоны. Их заполнили до отказа. Не было ни провожающих, ни плачущих, ни сочувствующих. Только безгласный конвой отчужденно стоял вдоль цепи отверженных.

Кончился московский период жизни священника Иоанна Крестьянкина.

Шесть дней прошли под монотонный перестук колес, в тесноте и духоте табачного дыма. Кому-то приглянулось блестящее пенсне подслеповатого соседа. Отец Иоанн долго наугад шарил вокруг, но тщетно. Начинались проблемы новой жизни.

14 октября распределительный пункт Каргопольлага принял даровую рабочую силу. Стране нужен был лес, много леса, а значит, и много рабочих рук. Сам лагерь растянулся на 600 километров почти до Архангельска. «Столица» его находилась на железнодорожном полустанке Ерцево*, здесь обосновался лагерьный «штаб», где распределяли прибывших по ОЛПам – отдельным лагерьным пунктам. 20 дней

---

* Ерцевская железная дорога с момента своего зарождения и до настоящего времени находится в ведении учреждений пенитенциарной системы. Ее ранняя история неотделима от истории Каргопольского исправительно-трудового лагеря (Каргопольлага). В 1937 г. на месте нынешнего поселка Ерцево появилась первая «зона» (исправительно-трудовой лагерь). В 1938 г. были открыты головные участки железнодорожной линии, ведущей от станции Ерцево в западном направ-

провел отец Иоанн в ожидании своего назначения. Жизненное странствие приостановилось. Томительно шло время. 25 октября 1950 года, будучи еще в Ерцево, в день пятилетнего юбилея своей иерейской хиротонии он пишет письмо близким:

«Я по милости Божией жив и здоров. Памятный для меня день провел в духовной радости и мысленно-молитвенном общении со всеми вами. Слава Творцу за все Его благодеяния к нам недостойным!»

3 ноября его на два дня перебросили в ОЛП № 5 в пос. Волокша, потом еще на месяц в ОЛП № 9 пос. Чужга, и только 3 декабря определилось место его лагерной жизни на 2 года 8 месяцев и 9 дней. Отец Иоанн впоследствии вспоминал свое прибытие на ОЛП № 16 пос. Черный. Сам он всегда называл это место Черная Речка, так вошла она в его сознание и память по первому впечатлению.

Север. Декабрь месяц. Настоящие морозы. Этапу надлежало пройти через неширокую, но поистине «черную» речку. Вот так вспоминал батюшка этот «переход»:

«Мост через бурлящий глубоко внизу поток был редко настлан шпалами, на которые выросли гребни льда. Очевидно, по этому настилу частенько проходили пополнения новых насельников. Конвой с собаками шел по трапу рядом с этим зловещим мостом. Заключение, уставшие от долгого пути, с котомками за плечами прыгали по шпалам. Двое шедших впереди до меня сорвались на глазах у всех, но это не обеспокоило охрану. Это были плановые убытки. Река принимала жертвы в свои ледяные объятия. Я простался с жизнью. Зажмурился и без того невидящие глаза (очков-то не было), позвал на

лени. Эта местность быстро стала лагерным районом. От главной магистрали отходили ветки, ведущие в глубину лесных массивов. Вдоль магистрали и на ветках строились лагерные пункты, вблизи которых заключенные производили заготовку леса. Расстояние от поселка Ерцево до старинного города Каргополя довольно значительное. Несмотря на это, прежнее название – Каргопольяг – продолжало фигурировать в официальных документах.

помощь святителя Николая, он уже не раз спасал меня. «Господи, благослови!»

И оказался на другом конце настила на твердой земле. Сердце прикикло к защитнику. Он, только он перенес меня, даруя жизнь». Страхования первого дня знакомства на этом не кончились. Когда подошли к проходной в зону, треск проснувшегося громкоговорителя спугнул тишину, заставив всех вздрогнуть. Сломанный допотопной техникой голос прорывал: «В этапе есть священник, к его волосам не прикасаться!»

Кто мог знать, что это Божие веление о Своем слуге? Ни во время следствия, хотя арестованных брили в момент поступления в тюрьму, ни в лагере никто не посягнул нарушить этот неведомый откуда пришедший приказ. Ожидание очередной грядущей беды на мгновение мелькнуло в сознании отца Иоанна и исчезло, поглощенное реальностью дальнейших событий. Этап уже растянулся по плацу, и началось распределение по командам. Еще один вражий набег пришлось испытать ему в этот день. Когда выкликнули фамилию Крестьянкина, уголовники вдруг дружно грохнули:

– Это наш батя, наш!

В ответ бесстрастный голос произнес:

– Ну, раз он ваш, то с вами и пойдет.

И переключка двинулась дальше, оставив Крестьянкина в тревожном ожидании. Когда всех распределили, отца Иоанна отправили в барак на 300 человек с трехъярусными нарами, где преимущественно жили политзаключенные. Первый же лагерный день показал отцу Иоанну, что такое «хождение по водам», когда идти надо только верой, ибо ты человек незащищенный. Начиналась жизнь по неведомым ему ранее законам. В Бутырской тюрьме он впервые встретился с той средой, в которой Промысл определял его жить. В тюрьме даже самые заматерелые уголовники были связаны незримыми цепями

порядков этого особого учреждения. В лагере все менялось, здесь они чувствовали себя хозяевами, их законы вступали в жизнь во всей силе. Лагерное начальство не конфликтовало с ними, используя в своих целях. Отцу Иоанну, как и многим солагерникам, предстояло учиться жить, чтобы выжить. Зловонная матерщина была постоянным фоном лагерных будней, укрыться от нее было нигде. Иногда то тут, то там раздавались взрывы какого-то утробного смеха, больше похожего на страдальческие вопли. А то, перекрывая гул, в него камнем падало зловещее слово, предвещающее конфликт и кровавую разборку.

Незабываемым впечатлением осталась в памяти отца Иоанна первая лагерная баня. Он не раз вспоминал эту трагикомичную историю:

«Получив неподъемную деревянную шайку и обмылок, все стали смывать с себя поты тюремных скитаний. Я это мыло и воду использовал, чтобы намылить голову. Подхожу к баку с водой, возле него страж из уголовников. Прошу: «Дайте водички?» – «Не положено». Неожиданно из соседнего бака слышу голос, в нем, оказывается, кто-то моется. «Батя, ты чего там? Иди сюда!» – это вор в законе голос подал. Иду. «Давай шайку, – начерпал, – используешь, приходи еще». Так я первый раз помылся. Остальным пришлось ходить намыленными до следующей бани».

Промысл Божий – творческий созидатель жизни спасительной! Что за программа предусмотрена в Нем для человека? Что за профессора дают уроки духовных наук? Отец Иоанн, размышляя над своим прошлым, говорил: «Помышлял ли я о таком проявлении воли Божией? Конечно, нет... А Господь переводит меня на другое послушание – в заключение, к новому руководству, к новой пастве. Так помимо нашего понимания и осмысливания ведет Господь по жизни нашу утлую лодчонку Своей твердой рукой». Человек, укорененный в вере, при-

зывался к жизненному подвигу на Крест, и в нем «безумие» нездешнего мира должно было противостать тому, что кипело вокруг, за что грызлись обезумевшие в безбожии люди, где был забыт не только Бог, но и само человеческое достоинство. Русский священник был отправлен миссионером в земной ад, чтобы тихостью, спокойствием и кротостью принести туда память о Божественной любви. Сам отец Иоанн постигал Истину о том, что христианин – всегда воин, что нет ему покоя, всегда в борьбе с собой, со злом. А награда – чистая высокая душа и ничего больше.

«Лесоповал – вот главное, чем занимались невольные обитатели Каргопольлага. На десятки, быть может, сотни километров от Ерцева тянулись в разных направлениях, через леса и топи, нити железных дорог, а к ним, как бусины, были привязаны ОЛПы, обнесенные высокими заборами жилые зоны, с бараками внутри для заключенных. Вокруг каждого такого ОЛПа разбросаны были делянки, где пилили, валили и разделявали лес, где заготовленный лес трелевали к железной дороге и там грузили на платформы. Это был тяжелый физический труд, все больше ручной. Это и было типичным советским лагерем, и сотни таких лагерей, подобно сыпи, были разбросаны по всему лицу советской страны», – пишет о лагере в своей книге «Дорога в Австралию» узник Каргопольлага В. Кабо.

Сам отец Иоанн вспоминал, что и ему почти год пришлось проработать на лесоповале, на общих работах. Он рассказывал, как раскачивался на деревьях, вызывая у рабочих сочувствующие возгласы. Кто-то валил этот вековой лес, а он должен был задавать направление падающему дереву... Не очень-то слушались щуплого работника гиганты.

Во тьме неволи, в ярме непосильного труда потерялись следы первого года жизни заключенного Крестьянкина. Что видел он за это время, что слышал, что переживал? Тайна. Кругом был раз-

лит злой яд греха и смрадных болезней души и тела, отравляющих все вокруг.

Трудовой день заключенных начинался в шесть утра, без подкрепления едой, понуро, под брань конвоя месили они грязь, следуя до делянок. Это участок, не окруженный забором, но строго охраняемый. Повсюду на вышках стояла вооруженная охрана. И был случай, когда один заключенный пытался сбежать из этой зоны. Он закамуфлировался «под куст» и начал ползти. Передвигался так несколько часов. Такие вещи могли делать только настоящие опытные уголовники, уже прошедшие в лагерях не один срок. И все бы прошло удачно, но где-то в самом конце ему изменила выдержка, он чуть ускорил темп. Охранник на вышке заметил движение, наугад выстрелил и убил удальца.

Зимний мраз, весеннюю распутицу, летний вар и комариную вражду – все познал за это время послушник Божий Иоанн, а наипаче тяжел для него был враждебный дух, нарушающий и закон природы, и совести. И тем острее воспринималась им трагедия окружающей жизни, чем ярче проступали в нем вражьи черты, погребая первозданный дар Божий человеку – Его образ и подобие.

Сердце священника оплакивало непостижимые пути падения человека, но все увидело и все приняло покаянным воплем за всех как за собственный, личный грех. Его молитва стала светильником посреди этой смертной тьмы. Молитвой он отдавал Богу все обстоятельства каждодневной лагерной жизни, себя и всех окружающих. Сам же сочувственным вниманием устремлялся утешать и ободрять пребывающих во мгле уныния. Сохранилось несколько коротких воспоминаний самого отца Иоанна:

«Получив посылку от духовных чад, я раскладывал ее содержимое на паечки под матрасом по числу нуждающихся в настоящий момент в утешении. И как радовали меня потеплевшие, а иногда и слезой про-

Дорогой или Крестнику!

Благодаря безразличию всем чужим людям, особенно же по отношению к себе, по отношению к Богу, по отношению к Родине (к Родине и к себе), по отношению к людям от Бога в этом мире.

Вспомните Крестнику и забудьте обо мне и, конечно, не забывайте. Вспомните меня и помните от Бога в любви и по-настоящему, а не по-настоящему. П.У. Я пишу, а вы обо мне, а вы обо мне. Вспомните в этот день все, что вы помните и помните и помните - вы помните меня. Вспомните - вспомните, помните обо мне, о том, что вы помните и помните в этом мире.

Вспомните. Помните, если только вы помните. Вспомните себе, вспомните себе, вспомните себе (вспомните), вспомните в душе себе. Помните и помните в душе. Помните по душе, по душе. Помните:

П.У. Я пишу, а вы обо мне, а вы обо мне. П.У. Я пишу, а вы обо мне.

светлившиеся глаза, доселе пугающие мрачной непримиримостью к жизни и людям. Но однажды в посылке оказался единственный свежий помидор. Разделить его было невозможно, отдать целиком стало жалко. Полюбовавшись им, я скрылся под одеяло и надкусил помидор. И тотчас послышались возгласы: «Кто-то ест свежие помидоры!» Для меня же исчез и аромат, и вкус. Давясь, я заглотил помидорину, чтобы скорее исчезло о ней всякое напоминание, заодно и угрызения моей совести».

А вот и еще одно воспоминание о вторжении вояки свободной жизни в лагерную неволю именно ее ароматами.

«Я лежал на третьем ярусе своей вагонки совсем больной. Внизу в ба-раке шла своя жизнь. Вдруг в нос ударил пряный запах домашнего уюта и забот – так могла пахнуть только колбаса домашнего приготовления. В голове промелькнула мысль: «Вот съел бы такую сосисочку и непременно бы поправился». И не успел я еще освободиться от навеянного ароматом помысла, как услышал голос: «Иван Михайлович, а Вы не съели бы сосисочку?» И Богом данное угощение действительно оказалось целебным. На другой день я был уже на ногах».

Облегчения он не искал, не пристраивался. Вспоминая прошлое, говаривал: «Все принял, за все благодарю, и за радость познания дотоле неведомого, да и за горе (всего бывало, всего достаточно). Но для моей же пользы – значит, так Богу угодно было. Только вот пить из дорожной колесницы да из ржавой консервной банки я не смог, а все пили, такая была жажда от жары и от голода».

Весной явилось для отца Иоанна искушение. Объявили призыв добровольно поработать на лесосплаве. Условия предложили самые соблазнительные – день за два, вполночь сократят срок. Отец Иоанн какое-то время обдумывал заманчивое предложение. Подсчитывал, предполагаемый срок освобождения, из семи пройдено полтора, оста-

нется самое большее три года. Но молитва остановила мечтания. С тех пор вопрос «а по-Божьему, как?» прижился в душе его.

А кто-то и согласился. Позднее узнали, что тем, кто ушел на лесосплав, срок заключения сокращать не пришлось. Многие погибли: кто ушел под воду, кто смертельно простудился, оставшиеся в живых стали полными инвалидами. Для отца Иоанна это стало наглядным уроком, и появилось дерзновение во всем просить у Бога благодати вразумления. В его письмах лагерного периода, сохраненных духовными чадами, нет ни вздохов, ни жалоб, только однажды в октябре 1951 года, когда к концу приближался первый год его работы на лесоповале, в письме мелькнуло:

«Я во всем, кроме праведности, подобен Иову».

Осмысливая этот тяжкий во всех отношениях период жизни, он писал на волю скорбящим и унывающим до ропота чадам:

«Вся земная жизнь наша – непрерывное чередование многих и разнообразных радостей и скорбей, происходящих исключительно по воле Божией, соответственных нашим духовным и телесным силам. При всех скорбных обстоятельствах жизни, по совету преподобного Серафима, необходимо чаще – с должным вниманием и вдумчивостью – читать книгу праведного Иова (обратив свое внимание особенно на 2 гл. 9–10 ст.). Тогда в сердце и устах наших не будет ни одного слова ропота на Господа Бога. А душа ваша, покоряясь во всем воле своего Небесного Отца, будет неустанно восхвалять Его следующими словами: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века».

И еще одна устрашающая туча нависла над лагерным трудником: он стал катастрофически терять зрение. И не в это ли время, когда для него стал тускнеть дневной свет, Господь приоткрыл его зрение духовное, дал ощутимо соприкоснуться миру иному?

«Состояние моего зрения требует все более и более строгого режима. Пишу и читаю только с помощью лупы, т. к. никакими очками моя близорукость не корректируется. Но при всех моих скорбях я постоянно благодушествую и преизобилую духовной радостью, делясь ею со всеми ищущими ее. За все благодарю Господа, укрепляющего и утешающего меня, раба Своего». Кратко, очень кратко и прикровенно говорит отец Иоанн о внутреннем, щадя душевный покой своих чад, он опускал повествование о суровой и часто жестокой повседневности. Имеющий духовный разум поймет, а для младенцев во Христе – внешнее, земное.

Так лесоповал стал для отца Иоанна местом, где духовно ощутил он Божие присутствие и особенную Его помощь, где во мрак, обступивший его душу и обессиленное тело, вошел Господь, преобразив Собою увядающую жизнь. И все скорби, в том числе и лагерные, стали восприниматься им как дар Божий. Ожили и наполнились реальным содержанием слова «сила Божия в немощи совершается». И стал он послушником Промысла Божия на всю оставшуюся жизнь. Там, в земном аду, свершилось духовное становление отца Иоанна Крестьянкина. С этого времени его жизнь во всей полноте ее проявлений стала служением Богу, претворив в служение и обычное человеческое дело. И в нем самом все освятилось и просветлело от озарившего его Невечернего Света, он встал на сокровенный путь жизни.

Напряженный быт лагерной жизни, где так часто являлась внезапная и бессмысленная гибель, не позволял строить планы на будущее, учил, всецело отдаваясь Богу, молиться. Иисусова молитва позволяла обнимать христианской жалостью и любовью всех и все сущее вокруг. Сам будучи заключенным в лагере, он увидел в окружающих страшный гибельный плен – плен души.

Контингент людей в лагере был самый разнообразный, кого только здесь не было: ученый и студент с клеймом политзаключенного,

колхозники от сохи и работяги от станка, был даже художник, после войны прибыло немало католиков из Прибалтики и из Западной Украины, были и священнослужители. Но самым распространенным был уголовный элемент. Они, по меткому официальному определению, «социально близкие» советской власти, составляли лагерную элиту, на которую негласно, но и не скрывая этого, опиралось лагерное начальство. О жизни этого сословия вспоминает в своей книге «Рук Твоих жар» Левитин-Краснов¹², в то же время отбывавший свой срок в Каргопольлаге: «Преступный мир был расколот. Он делился на блатных и ссученных. Причем их взаимная борьба порождала очень острые коллизии и почти всегда оканчивалась кровью... Повод для войны – отношение к начальству. Настоящий блатной – «вор в законе» – нигде и ни под каким видом работать не должен. За него работают мужики. Он имеет свою особую форму... на шее крестик. Он вор в законе. Может хватать за горло «мужиков» – нашего брата, грабить, убивать, но с санкции старшего блатного. Таковы блатные. Когда было господство блатных, деньги не отнимали. Они установили в лагере строгий порядок, но за это должны были получать налог – некоторый процент от зарплаты «работяг». Что касается ссученных, то их идеология следующая: мы – воры и ворами умрем, но здесь, в лагере, никого не трогаем и сотрудничаем с начальством. Занимают должности нарядчиков, бригадиров, некоторые умеют и сами неплохо работать. На каждом лагпункте господствует определенная «масть». Есть лагпункты, где преобладают ссученные; здесь очень туго приходится блатным. Если сюда попадает блатной, его ссучивают. Для этого выработан строгий и четкий церемониал... После этого он уже сам ссученный, и теперь его будут резать блатные... Вообще блатные, да и ссученные, долго не живут, не более 40–45 лет. Старика блатного вы не встретите. Противоестественный образ жизни дает себя знать».

Без описания лагерной жизни сталинских времен невозможно представить, какую страшную реальность воплощенного на земле ада переживали люди там, в бараках, запертые на ночь снаружи, в атмосфере безраздельно господствующего зла. Резня была делом обыденным и на ОЛПе «Черный», и тем, кто сам не попадал в стихию кровавых разборок, приходилось видеть, как вытаскивают из бараков трупы. Отец Иоанн только однажды, вспоминая то время, изменившись в лице, произнес с содроганием: «Несут его, он уже мертвый, а лес рук тянется еще и еще вонзить нож, чтобы утолить разбушевавшуюся в душе стихию зла». Когда отец Иоанн был уже в другом лагере на Гавриловой Поляне*, в ОЛПе «Черный» убили жену начальника режима, некоторое время она работала вместе с отцом Иоанном в бухгалтерии и многим в зоне очень помогала. Батюшка отозвался на смерть ее письмом: «Печальное известие о смерти Полины меня очень поразило. Г. М. (супруг убиенной) и его детям выразите и от меня лично глубокое сердечное соболезнование. Сохраним же все мы о ней светлую и добрую память, принадлежащую ей по достоинству, а об упокоении ее бессмертной души (доброй и отзывчивой) в Царствии Небесном будем молиться. Вечная память!» У батюшки не было пустых слов, он поминал убиенную рабу Божию Полину до конца дней своих.

Не осталось свидетелей о лагерной жизни отца Иоанна на ОЛПе «Черный», но сохранились его письма двум матушкам, которые прошли по жизни за своим духовным отцом начиная со дня его рукоположения. Иркутянка Галина Черепанова¹³ и москвичка, вдова Матрона Ветвицкая¹⁴ самоотверженно подняли с ним ношу его страдальческих

---

* Гаврилова Поляна – ОЛП № 1 – существовала с 1939 по 1954 г. В лагерь на Гавриловой Поляне отправляли не всех заключенных, а лишь тех, у кого были какие-то серьезные легочные болезни, вроде туберкулеза, или инвалидов. Больных в ослабленном состоянии даже переводили сюда из других лагерей. Построили более десяти бараков. Заключенных здесь было около семи тысяч.

лет, разделили тревоги страннической жизни на приходах, служа ему от трудов рук своих. Письма, адресованные им, позволяют воспроизвести картину жизни отца Иоанна в заключении. За 1951 год их сравнительно мало, оно и понятно. До писем ли изнемогающему от непосильных трудов. Зато с 1952 года на адрес Матроны ежемесячно шла корреспонденция со штампом Ерцева для москвичей. По лагерному режиму заключенным в месяц можно было написать два письма и получить одну посылку. Второе письмо отец Иоанн отправлял в Орел сестре, а в нем весточки и орловчанам. Многого надо было суметь написать в одном письме: утешить скорбящих, вразумить неразумевающих, ободрить изнемогающих от болезней. Слава Богу, сохранившему для нас эти письма – документы, ставшие свидетельством неземной силы воздействия Божия Промысла на жизнь, преобразования душевного человека в духовного.

6 августа 1951 года отец Иоанн пишет: «Радуюсь и благодарю за все нашего Спасителя. Радости и скорби – наши постоянные спутники жизни, посылаемые нам от Господа, которые надлежит нам принимать с благодарностью и полной покорностью во всем Его Святой воле, спасти нас хотящей, «ободритесь; это Я, не бойтесь» (Мф. 14:27). «Помощь моя (наша) от Господа, сотворшего небо и землю».

Только так, по немногим словам, можно было догадаться об особых обстоятельствах и переживаниях батюшки. 28 августа 1951 года отец Иоанн оставался еще на лесоповале: «Я еще продолжаю работать в прежней должности. Все будущее должно быть предоставлено водительству Промысла Божия. Слава Всевышнему за все Его благодеяния», – пишет он.

А 19 февраля 1952 года неожиданно сообщает своим адресатам: «В настоящее время я жив и здоров, но зрение мое очень слабое и отрицательно сказывается на общем состоянии моего слабого организма.

Имеется надежда на перемену рода моей работы в ближайшее время, которая должна будет облегчить напряжение моих больных глаз, потому что она будет протекать – в большей части – при естественном дневном освещении».

Ровно через месяц, 19 марта, отца Иоанна перевели на работу в бухгалтерию и поселили в барак, который назывался административным. Окончился для арестанта Крестьянкина первый лагерный 1951 год. Он завершился тем, что Евангельское учение светом своим вплелось и пронизало душу. Сугубые трудности послушания, привыкание к среде и обстановке – все было позади. Но до конца заключения остались с отцом Иоанном постоянное напряжение от непредсказуемости лагерной жизни, забота о своем духовном делании, о чадах и о тех, кто был рядом и нуждался в поддержке.

Познав особенности пребывания на Кресте лагерной жизни, отец Иоанн применился к обстановке, активно помогали ему в этом и мирносицы. Одно только осложняло их добрую помощь и поддержку: они плохо вписывались в рамки послушания, что в лагерных условиях было крайне необходимо. Решительная и активная Галина, ходившая в Иркутске по тюрьмам с передачами репрессированному духовенству, привыкшая к самостоятельности, не представляя лагерной обстановки, усердствуя в заботах о духовном отце, доставляла ему немало тревог. На протяжении всего времени их общения и переписки то и дело в письмах звучат просьбы прислушиваться к его советам: «...Еще раз прошу всех вас о том, чтобы никто не нарушал установленного графика отправки посылок и этим самым ставил меня в весьма затруднительное положение (известное только мне). Нужно ли возить воду на воеводу... Поймите это и не обижайтесь на меня, т. к. людей смелых и всегда готовых жить за чужой счет у нас имеется много. Удовлетворить их всех невозможно, а если не сделаете этого, тогда ос-

таются недовольными. Поэтому мне нужно иметь только самое необходимое и в строго ограниченном количестве, чтобы ничего не бросалось в их завистливые глаза. Трудно, конечно, убеждать (с кротостью) другого в том, что им не познано на своем опыте. Но как бы то ни было, все же к просьбам духовного отца необходимо внимательно прислушиваться и исполнять их».

«Первый ваш гостинец оказался менее вкусным и приятным, чем последний, т. к. он послан самовольно (без моего согласия). В этом снова вами было проявлено непослушание, которое, полагаю, больше повторяться не будет. Не советую вам нарушать свой долг послушания, а поэтому ничего лишнего сверх необходимого никогда присылать не надо. Излишние заботы о теле – излишнее бремя для души и духа, устремленного к Богу и ищущего соединения с Ним. Порядок посылки гостинцев прошу не нарушать».

В это же время отец Иоанн вынужден был до минимума ограничить и переписку. Чем вызваны такие изменения, известно только ему, он ограждает внешних от переживаний лагерной жизни.

«Ввиду сокращения нашей переписки вы постарайтесь письма собрать от всех, желающих написать мне несколько слов в утешение, и прислать их с Паней, чтобы не нарушать установленного нами нового порядка их отправки, вызванного крайними обстоятельствами. Так нужно», – пишет он, не объясняя причин.

Но плохо, плохо слышат его чада, видно, задачи у изгнанника и бывших на воле разные. Не выдержав упрямства «матушек», отец Иоанн призывает на помощь Евангелие: «Я не могу говорить с вами как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Без моего согласия от посылки мне чего-либо лишнего воздерживайтесь. Об этом много раз я вам говорил и писал. Забывать про это не рекомендую. Как можно чаще приводите себе на память и ставьте в пример се-

стер пр. Лазаря: Марфу и Марию в момент посещения их дома Дорогим Гостем... по учению Которого все небесное и духовное должно быть при любых жизненных обстоятельствах превыше всего земного и скоропреходящего».

С самого начала его пребывания на ОЛПе «Черный» в переписке с близкими просматривается еще одна особенность. Каждое письмо заканчивается длинным перечнем просьб. Сначала это заказы собратьев по несчастью: «Просьба одного истинного христианина и моего послушника, согласно прилагаемому письму: лекарства от ревматизма, наиболее сильные и эффективные, в достаточном количестве, лекарства на осенне-зимний период, от головной боли, капли от желудочной боли. От гриппа, мазь от насморка. Краски для художника» – и опять список.

Через некоторое время появляется еще один постоянный адресат-проситель: «О просьбах нашего учреждения я вторично пишу, сейчас им необходимо прислать следующее: «бумаги писчей 3000 л., скрепок, кнопок, лент для пиш. машин 10, счетных линеек 5 шт., арифмометров и т. д. Дошло дело и до больших заказов. «Администрация почти каждый день спрашивает меня о том, когда вы сможете приехать. Поэтому прошу вас, – обращается отец Иоанн к своим чадам, – написать, когда, исходя из ваших возможностей, вы намереваетесь (предполагаете с Божией помощью) приехать к нам и привезти заказ (пишущие машинки). Все мелкие частные просьбы убедительно прошу также исполнить с надеждой и любовью».

Ожидая приезда мироносиц и зная неумный нрав Галины, отец Иоанн предупреждает их письмом: «Не повторяйте ошибок прошлого года. Не утруждайте себя чрезмерными заботами обо мне недостойном и не отягощайте себя непосильными материальными затратами, т. к. каждый рубль добывается вами упорным повседневным трудом, часто лишаящим вас нормального отдыха и покоя».

А духовные чада, желая хоть сколько-нибудь облегчить участь отца, сбивались с ног, бегая по Москве, исполняли поручения как администрации, так же и всех, кто к батюшке обращался из заключенных. Пришлось им даже принимать и лагерных работников у себя дома, давая приют командированным. Появлялся человек с запиской от батюшки: «Дорогие мои! Податель сего письма является... прошу принять с присущей вам любовью и радушием. Заранее за все благодарю».

Чего только не делали жены-мироносицы – духовные чада отца Иоанна: приобретали по спискам просимое, отправляли посылки, курсировали между Москвой и Ерцевым, доставляя заказы лагерной администрации. Но случалось и так, что, привезя заказ «учреждения», в обратный путь они отъезжали, не повидавшись со своим духовным отцом. По свидетельству солагерника В. Кабо, за время пребывания на Черной Речке они ни разу не встретились с ним наедине. Всегда их разделяло ограждение и бдительный страж. Никаких поблажек и нарушений лагерного режима не допускалось. Но отец Иоанн не прерывал свою благотворительность ни по отношению к заключенным, ни к начальству, а расстроеным путникам вослед посылал утешительные письма: «Радуйтесь и не унывайте! Веруйте и усиленно молитесь за себя, и за меня многогрешного, и за всех! Продолжайте все делать с любовью и терпением до конца! Господь да поможет вам во всех ваших добрых и полезных делах! Не смущайтесь и не поддавайте под влияние предчувствий и людских разговоров, которые не всегда подтверждаются фактами. Подражайте во всем мудрым девам и спаситесь. Спасайтесь о Господе, укрепляющем нас!»

С марта 1952 года появляются в письмах пространные списки книг для отца Иоанна. Труд стал полегче, и он начал пополнять свои знания, да и в лагере у него уже объявились чада: «Необходимо прислать: два Евангелия (Новый Завет) малого размера, книгу о Христе – изло-

жен. в письмах дочери (еврейки) со своим отцом, членом Синадриона, Библию, такого образца, как у выпускников д. семинарий, напечатан. очень ярким черным шрифтом, в обмен на имеющуюся у меня, т. к. читать ее мне очень-очень трудно, даже с лупой. Глаза тупеют. «Краткий курс Ц. истории» – Малицкий, «Чинопоследование Бож. Литургии» – Георгиевский А. Изд М.П.1951 г., Краткий толковник на книги Свящ. Писания В. и Н. Завета». Появились в письмах приписки еще и такого содержания: «В посылке на имя П. Г. пришлите, пожалуйста, крестики со шнурочками, один из них серебряный, иконки малого размера, венчики и молитвы разрешительные, жидкость для удаления татуировки».

По прочтении книги он отправлял обратно, а по почте к нему следовала новая партия. Отец Иоанн периодически смущался за причиняемые чадам хлопоты: «Заранее за все вас благодарю. Простите меня за все просьбы, которым, видно, конца не будет: одна следует за другой. Прошу вас за это на меня не обижаться. Все слабости мои вам хорошо известны. Но я твердо верю в то, что все ваши труды – великие и малые – Господь не оставит без награды. Все мои долги Он берет на Себя. Веруйте и вы в это, и ваша несомненная вера не будет посрамлена! «Друг друга тяготы носите».

В это же время особой заботой отца Иоанна стало приобретение лекарств для болящих узников. По новому внутреннему распорядку присылаемые в посылках медикаменты на досмотрах вынимали. Надо было изыскивать возможность доставлять их другим путем. Очень помогала в этих делах жена начальника режима Полина Егоровна. На ее имя и стали посылать посылки с лекарствами. А болящих в лагере было много, и всех, кто попадал в поле зрения отца Иоанна, он обнимал своей заботой и любовью. «Дорогие мои! С вашего постоянного согласия я осмелюсь обращаться к вам, мои милые, с новыми просьбами.

Приготовить лекарственный состав для юноши, страдающего туберкулезом, чтобы ему легче было перенести весенний период времени, нитки для вышивки (мулине) – просительница прекрасный человек. Не забудьте положить самую элементарную славянскую азбуку и краткий словарик, нужные одному филологу во временное пользование». «Пришлите пластырь для удаления мозолей, а также и другие крайне необходимые медикаменты, в которых ощущается частая потребность у больных». И благодетельствованные батюшкой и его духовными чадами люди не оставались безучастными к их вниманию и любви. Москвички получали трогательные благодарственные письма.

«Уже несколько дней, как я люблюсь книгами, Вами присланными, я не мог собраться написать Вам несколько строчек и Вас поблагодарить. Я очень рад, что так скоро получил все то, что давно желал и стремился приобрести. Теперь радуюсь одновременно за книги, за то, что есть на белом свете хорошие люди и что еще творятся чудеса, но жалею, что пришлось Вам много ходить и трудиться, чтобы удовлетворить желания какого-то «буквоеда». И это своего рода «дуализм». Деньги не обязуют. С деньгами легко рассчитаться, и я надеюсь это сделать. Но я чувствую обязанным за ваше бескорыстие, отзывчивость и благодушие, которые обязуют, как каждый благородный поступок. Каждый человек чувствует это по-своему. Мне лично полученные книги – побуждение и напоминание, что нужно трудиться, чтобы Ваши заботы обо мне не были напрасны».

Сохранилось воспоминание об отце Иоанне насельника того же ОЛПа В. Кабо: «Я прочитал Библию – всю, от начала до конца. Эту книгу книг дал мне Иван Михайлович Крестьянкин... Познакомился я с ним весной 1951 года*, когда отца Иоанна сняли по состоянию здоровья с общих работ. Помню, как он шел своей легкой стремительной

---

* Здесь в дату вкралась ошибка, их знакомство произошло в 1952 году.

походкой – не шел, а летел – по деревянным мосткам в наш барак, в своей аккуратной черной куртке, застегнутой на все пуговицы. У него были длинные черные волосы <...> была борода, и в волосах кое-где блестела начинающаяся седина. Его бледное тонкое лицо было устремлено куда-то вперед и вверх. Особенно поразили меня его глаза – вдохновенные глаза духовидца. Он был чем-то похож на философа Владимира Соловьева, каким мы знаем его по сохранившимся портретам. Иван Михайлович – так звали его в нашем лагерном быту, так звал его и я – поселился рядом со мной, на соседней «вагонке». Мы быстро и прочно сблизились. Одно время даже ели вместе, что в лагере считается признаком взаимной симпатии. Когда он говорил с вами, его глаза, все его лицо излучали любовь и доброту. И в том, что он говорил, были внимание и участие, могло прозвучать и отеческое наставление, скрашенное мягким юмором. Он любил шутку, и в его манерах было что-то от старого русского интеллигента. Много и подолгу беседовали. Его влияние на меня было очень велико. Этому способствовало и то, что задолго до встречи с ним интерес к религии у меня уже был... а тюрьма и лагерь еще усилили, обострили во мне религиозное чувство... Я встречал немало православных священников и мирян, но, кажется, ни в одном из них... не проявилась с такой полнотой и силой глубочайшая сущность христианства, выраженная в простых словах: «Бог есть любовь». Любовь к Богу и к людям – вот что определяло все его поведение, светилось в его глазах, вот о чем говорил он весь, летящий, устремленный вперед...»

В 2007 году В. Р. Кабо прилетел из Австралии в Москву. С благодарностью вспоминал далекое прошлое, отца Иоанна, дарованного ему Богом в юности. «Теперь уж и моя жизнь клонится к закату, и должен засвидетельствовать, что два человека всегда шли со мной рядом по моему жизненному пути – это моя мама и отец Иоанн Крестьянкин,

хотя его я видел последний раз в 1976 году». На вопрос, как относились в зоне к отцу Иоанну, Владимир Рафаилович, удивленно глянув на вопрошающего, произнес: «К нему все без исключения относились хорошо. Я не могу припомнить, чтобы было как-то иначе. Этот необыкновенный человек обладал способностью привлекать людей, возбуждать к себе любовь. И это потому, что он сам любил людей. В каждом человеке он стремился разглядеть его духовную природу. Достоинство личности было для него высшей ценностью. Человека, способного принять и понести в себе Божественный свет, он видел и в закоренелом преступнике. Эту черту отца Иоанна я наблюдал много раз, видел, с какой открытостью, любовью он говорит с профессиональным вором, с человеком, несущим на себе тяжелый груз прошлых преступлений. В этом, я думаю, и был величайший смысл его пребывания в лагере. Блатные, и те были к нему снисходительны, но для них это было почти проявление любви. А вот и пример их отношения к нему. Незадолго до его перевода в инвалидный лагерь Гаврилова Поляна начальство поручило отцу Иоанну раздавать зарплату заключенным. Отказаться было невозможно. Лагерные послушания выбору и обсуждению не подлежали. И случилось то, чего и должно было опасаться, чемодан с деньгами у него похитили. Наказание известное – суд и добавление срока. Весть о его беде зашелестела по ОЛПу. Через день чемодан с деньгами ему вернули полностью. Принес его сам старшой, тогда была власть блатных».

Не было у отца Иоанна лицепрятия, утешая скорбящих и болящих, он не обходил ласковым словом и гостинцами из посылок ни уголовников, ни шпану. Это продолжалось до тех пор, пока не пришел к нему их глава с приказом: «Вот что, батя, меня можешь угощать, а им, бесенятам (так величал он подчиненных) ни-ни». Видимо, батюшкина благотворительность нарушала внутренний порядок и дисциплину в их среде.

12 сентября 1952 года по состоянию здоровья отец Иоанн был освобожден от канцелярской работы и отправлен в дезкамеру, выжаривать от паразитов рабочую одежду заключенных.

«Что касается моего физического зрения, то оно, конечно, не улучшается, а только постепенно ухудшается, – пишет он, – но ничего крайне опасного не происходит. По болезни глаз я освобожден от бухгалтерской и канцелярской работы. Много писать никому не обещаю, но по милости Божией надеюсь, конечно, не очень часто, я буду иметь возможность писать вам, своею собственной Иоанновой рукою, не два-три слова, а немного больше. Высылаю вам, дорогие мои, третий букет засушенных цветов, в знак моей сердечной благодарности за все ваши заботы обо мне недостойном и о всех находящихся со мною».

Цветы! Проявлением Божией силы, премудрости и любви они появились в зоне в укор кругом царящему бесчинию. Отец Иоанн начал их выращивать, чтобы наблюдать в них возрождение жизни, ее полноту, когда его перевели с лесоповала. Это стало потребностью его души. С июня 1952 года он был ими озабочен особенно. В каждом письме напоминание сначала о семенах, потом, по мере их роста, о своих наблюдениях.

«Посаженные цветочки, хотя медленно, но растут – напрягая все свои силы. Надеемся, что и у нас они будут цвести во славу Божию и нам на утешение. Заниматься их разведением доставляет огромное удовольствие. Они нам о многом напоминают, а главным образом, о высочайшей премудрости их Творца и нашего общего Создателя».

Он жив, не погиб, радуется солнцу и цветам, разделяющим его неволю. Так появились гербарии, созданные руками иерея Иоанна. Утешая ими своих духовных чад, он пишет: «...Я многогрешный, по воле Всевышнего разлучен с вами лицом, а не сердцем, дышащим одной лишь любовью к Богу и ближним. По милости Божией и под покро-

вом Матери Божией я благодушествую – за все благодарю Его день и ночь. Слава Богу за все, все!»

Будучи в узах, отец Иоанн не оставил духовничества. Для чад, живущих на свободе, постоянно звучит напоминание, что свидетельствовать о своей вере надо жизнью, в которой все должно быть для Бога и во славу Божию. В этом тайна единения с Богом и друг с другом. Преображение душ совершается в Церкви и только Церковью. И придет такое время, когда услышим, как зазвучит в нас: «Не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Это цель наших трудов, исканий. Об этой истине отец Иоанн свидетельствовал и своей жизнью. Во всех наставлениях уже заговорил его личный опыт, полученный в суровых лагерных условиях.

«Призываю на всех вас Божие благословение, осеняющая сила которого сохранит всех вас в истинной христианской вере, твердой и непоколебимой до конца дней вашей жизни, в смиренном послушании и искренней любви к Матери Церкви и друг ко другу; в постоянной готовности хвалиться только своими немощами, благодушно перенося их и почитая себя за ничто, чтобы через все это всегда обитала в вас сила Христова, могущая соделать всех надеющихся на Него наследниками Своего нескончаемого Царства Небесного. Уповайте на Него и спасены будете Им!»

31 октября 1952 года он пишет: «Радуюсь и скорблю вместе с вами. Действенность святых молитв всех своих духовных детей я постоянно ощущаю душой и сердцем. Благодаря молитвам Церкви мой внутренний мир наполнен одной Божией любовью, а душа, постоянно стремясь к вечности, все переносит с радостью и покорностью во всем воле Божией, хотящей всех нас спасти и привести в Царство Небесное. Никогда ни о чем не беспокойтесь! Бодрствуйте и не унывайте! Молитесь и за все воздавайте благодарностью Господу».

Отвечая на письмо человека, стоящего перед серьезным выбором, отец Иоанн терпеливо объясняет, как следует подходить к делу: «Заранее необходимо серьезно подумать и, по возможности, все взвесить на весах благоразумия: все плюсы и все минусы. Решение такого жизненно важного вопроса должно всецело зависеть не от настойчивости и упрямства, а от глубокого, с Божией помощью, рассуждения, сопровождающегося молитвой с упованием, смирением и кротостью. Господь всевидящ, а мы все весьма близоруки. Поэтому усердно помолимся Ему, чтобы Он согрел наши сердца Своей Божественной Любовью и просветил наши ограниченные умы Своей благодатью, указывающей всем прямой путь к истинному счастью и благополучию в жизни временной и вечной. Прибегнем все к молитвенному ходатайству святых, чтобы Господь по их молитвам и по молитвам Своей Пречистой Матери устроил все наши дела по Своему Божию Промыслу, который превыше всех наших дум, гаданий и опрометчивых решений. И так положимся во всем на волю Божию и подчиним ей свою собственную волю, не только добровольно, но и при наличии внутреннего и непринужденного расположения духа. Господи, да будет воля Твоя!» И позднее он частенько будет повторять: «Детки, бездумно жить нельзя».

Отец Иоанн живо откликается на всякую беду и скорбь своих чад. В семье Воробьевых пала корова, батюшкино письмецо и молитвы несут надежду и утешение: «С коровой, конечно, нелегко, но и без нее трудно вам. При семейном согласии и общей усердной молитве к Богу испросите, по молитвенному ходатайству Матери Божией и св. мученика Власия, Его Божественного благословения на приобретение новой кормилицы-коровушки. И если Богу будет угодно начинаемое вами дело, то оно непременно должно увенчаться успехом. По вере вашей все и да будет. Бог, утешающий смиренных, утешит и всех вас». Коровка не замедлила явиться на двор.

Не имея возможности писать каждому лично из-за лагерных ограничений и плохого зрения, он посылает назидания и утешения нуждающимся в них через своих постоянных помощниц, поздравляет чад с их памятливыми датами, с великими христианскими праздниками.

«Вы мою просьбу исполните, – обращается он к мироносицам, – раздайте все посланное с любовью по назначению. Мне очень хотелось и многим другим послать в утешение поздравительные открыточки, но не смог этого сделать. Но ничего. Они простят меня за все. Слава Богу и за то, что удалось мне сделать с Его помощью».

Для самого отца Иоанна праздники были ощутимым подкреплением сил, они отмечены письмами, полными особого духовного торжества. Он и там продолжал жить в Церкви и Церковью. «Торжество великого христианского праздника Святой Троицы. В эти дни при полном спокойствии духа, духовно-радостном настроении я много-много раз возносил славословие и благодарение Всевышнему за все Его великие и неизреченные благодеяния ко мне недостойному. Вспоминал всех своих духовных детей, призывая на них Божие благословение и благодать Святого Духа, Утешителя всех истинных христиан. Все праздничные дни протекли в самой возвышенной духовной радости, которой лишит нас никто не в силах, ибо она от Бога исходит».

«Шлю вам и всем Божие благословение, поздравляю с праздником Божией Матери – Заступницы усердной всего христианского рода и праздником, предшествующим первому, совершаемым Православной Церковью для прославления памяти Великого Игумена Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, покровителя всего иночества, а также учащихся и учащих, и всех с верою и любовью постоянно прибегающих к его теплому предстательству пред Престолом Всевышнего».

«В Почаевской Лавре сегодня день торжества, вселяющего в наши души и сердца надежду и утешение. Да сохранит Господь по молитвам

Матери Божией всю монастырскую братию и нас всех живыми и здоровыми на долгие-долгие годы!» Он вспоминает не только церковное событие, но и все то, что пережил некогда и сам там в день этого праздника. Не выпал этот узник и из череды церковных постов. Как только вошел в ритм лагерной жизни, письма его стали извещать, что и он проходит сквозь приготовительные недели: «Белой муки, если только представится возможность, нам пришлите к Масленице, а гречневой крупы к Великому Посту».

«Христос Воскресе! Мысленно я всегда с вами, мои дорогие, – пишет он семье, находящейся в сугубо тяжелых обстоятельствах, – а особенно в эти великие и радостные дни. Аз недостойный всегда готов разделять с вами все ниспосланные вам от Бога радости и скорби. <...> Путь вашего земного странствия тоже тернистый. Но вы не должны ослабевать духом, идя по нему, ибо каждый из нас должен понести свое бремя без воздыханий, «Бог возлагает на нас бремя, но Он же и спасает нас» (Пс. 67:20) «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он... подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего...» (Пс. 22:1). Этими и многими другими размышлениями св. праотца Давида утешайте и ободряйте себя на своем многоскорбном жизненном пути. Зло побеждайте любовью, а земные горести – долготерпением! Бог – наше прибежище и сила! Только на Него будем уповать и Им же спасаться. Он с нами всегда. И став у сердца каждого из нас, недостойных, и тихо-тихо стуча в него, Он произносит: «Не бойся, дитя мое, это Я – Твой Небесный Отец, Спаситель, Заступник, Утешитель, пришедший выслушать все твои просьбы ко Мне, облегчить твои страдания, даровать тебе радость и утешение как идущему по стопам Моим. Ибо Я – Бессмертный Бог, который Своим Божественным всемогуществом может исполнить всякое благое желание любого смертного человека, глубоко верующего

в Меня». На этом я и заканчиваю свое письмецо. Простите за все. Письмо писал поспешно в темноте. Да благословит вас всех Господь и да сохранит!»!

Исполненный чувства глубокой благодарности к своим помощникам и ко всем помнящим его, он благодарит Бога за их служение: «Я благодарю и радуюсь, за все благодарю Господа, осыпаяще-го меня грешного Своими бесконечными милостями. Слава Ему Человеколюбцу за все-все! Ни в чем не имею недостатка: во всем ощущается Св. Промыслительная десница Божия и беспредельная любовь верных чад Его ко мне, убогому узнику. Любви Его неть предела! А в ваших душах и сердцах, мои милые, гнездятся еще излишние беспокойства о моем настоящем благополучии. Не переставайте вместе со мною многогрешным за все славословить нашего Творца и Промыслителя и творить посильные добрые дела любви и милосердия. Шлю вам Божие благословение и сердечную благодарность за вашу искреннюю любовь ко мне, как к отцу, и за ваши постоянные заботы обо мне, как о друге». «А в знак взаимной моей искренней любви к вам прошу принять от меня недостойного мои убогие дары – баночку лесной брусники и бидончик с вареньем из лесной малины. Все приготовлено лично мною и послужит вам в утешение. Хоть оно и не очень высококачественное, но зато приготовлено с большим усердием и в условиях необычной жизни. Кушайте на здоровье и за все благодарите Бога, милующего и утешающего нас грешных».

Но пришло серьезное огорчение для отца Иоанна и в общении с чадами. Между ними явились неудовольствия друг другом, обиды и зависть. Пытаясь кротко их вразумлять, он часто повторяет им призыв к любви. Но плохо слышат омраченные души. Враг через них добирался до его мирствующей и в скорбях души. Отец Иоанн опять и опять обращается к ним, изливая печаль любящего сердца: «Никому из вас,

моих дорогих духовных детей, не тесно было в моем кротком, смиренном и любвеобильном сердце, а мне в сердцах ваших тесно из-за того только, что они все были заполнены всем омрачающим свет истинной христианской любви, которая одна только и должна пребывать в наших сердцах, очищаемых благодатью Святого Духа и питаемых вместе с бессмертной душой Святыми Христовыми Таинами. Ваш духовный отец вынужден был молчать до того момента, когда внутри всех вас над застарелым гневом и обидами снова восторжествует святая любовь, водворяющая везде и всюду дух радости, мир и тишину. При наличии всего этого я теперь считаю возможным просить вас, мои дорогие, не исключая никого, прочесть вдумчиво, с большим благоговейным вниманием послание ап. Павла к Ефесянам 4 главу (полностью). Руководствуясь его мудрыми наставлениями, вы непременно спасетесь. Вам, мои милые, хорошо известно, что я очень далек от всякого лицепрятия. Кто из вас стоит ближе к Богу, тот и ближе к моему любящему всех вас одинаково сердцу. <...> Не могу, мои дорогие, чтобы не поскорбеть о том, что все вы, дети мои, очень душевные, но еще не совсем духовные. А последнее совершенство, конечно, выше первого. Совершенствуйтесь! «Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступивши, некоторые уклонились в пустословие».

А между тем на воле между близкими продолжались распри. Отец Иоанн, читая между строк их письма, решает, как он говорит, «последний раз» напомнить всем о главном для благоугождения Богу и спасения души. Его сердце, согретое Божественной любовью, остро чувствует тьму, помрачавшую близких ему людей.

«Дети, любите друг друга, т. к. отсутствие между некоторыми из вас, мои дорогие дети, взаимной любви, к которой я непрестанно призываю всех вас, меня очень печалит. Всегда надо помнить о том, что

при отсутствии должной любви к ближним ничто не может быть угодно Богу. Поэтому всемерно старайтесь искренне любить друг друга, дабы каждое совершаемое вами доброе дело являлось угодным Богу и приносящим пользу вам. Seriously подумайте об этом, и тогда станет для вас все ясным и понятным. Это мое последнее вам напоминание. Больше ни единого слова я не буду писать вам об этом, так как по данному вопросу мною было написано вам довольно много, но положительных результатов до сего времени еще не достигнуто. Терпеливо ожидаю. Моя совесть чиста и спокойна, а за своею вы сами следите. Она ведь является оком нашего нравственного сердца, положенного Самим Творцом. Неотъемлемый мой долг состоит в том, чтобы я, недостойный, всегда и всем был доволен и за все благодарен Богу, милующему и утешающему меня грешного».

Таковыми испытаниями сквозь скорби шел отец Иоанн, чтобы в них обрести чистую жизнь, направленную на великую цель, проникнутую духовностью, делом, служением.

В ноябре 1952 года его перевели на жительство в землянку, он сообщает об этом в своем письме чадам: «По милости Божией с 22 ноября я уже проживаю (вдвоем) в отдельной маленькой комнатке, расположенной при дезкамере, где я, как инвалид, помогаю своим посильным участием в повседневном труде: очистка снега на небольшом участке и различные другие мелкие, вполне посильные послушания. Жить в новом, довольно уютном уголке гораздо спокойнее и тише. Его мы постепенно привели в надлежащий порядок, после чего он начал напоминать нам собой монашескую скромную келью, которая, если, конечно, будет угодно Богу, в праздничные дни должна будет принять более благоустроенный вид благодаря вашим неустанным работам обо мне недостойном. Занавески, клеенка, а главное, елочка должны придать нашему уголку еще более праздничный вид и воскре-

силь в памяти недавнее прошлое, хотя отчасти, и утешить нас. Среди общей обстановки наш уголок является райским. Помолитесь, чтобы Господь пробавил ко мне грешному Свою милость и продлил мое пребывание в этом месте. Слава Ему за все-все!»

О новом месте жительства отца Иоанна вспоминает В. Кабо: «Иван Михайлович покинул наш барак. Ему и еще одному заключенному, немолодому уже человеку, разрешили поселиться в землянке, вырытой неизвестно кем и когда на территории лагеря. И они жили теперь в этой землянке вдвоем. Однажды отец Иоанн пригласил меня к себе. Я спустился по нескольким ступеням вниз в небольшую комнату, слабо освещенную через окно под самым потолком. Стены обшиты деревянными плахами, двухэтажные нары, столик, покрытый клеенкой, тумбочка. Икон не помню, их скорее на стенах и не было, чтобы не волновать начальство. Необыкновенная чистота, порядок, уют. Надо сказать, что Иван Михайлович, в каких бы условиях ни находился, умел создать вокруг себя особую атмосферу опрятности и «благолепия». То, что я увидел, была настоящая подземная келья – явление в условиях советского концлагеря поразительное. Представляю, что значила, после барака, возможность такого уединения для отца Иоанна, который с юных лет чувствовал в себе призвание к монашескому образу жизни. Но только десять месяцев суждено было ему жить в этих условиях. В сентябре 1953 года его внезапно увезли».

Время шло, миновал еще год пребывания в заточении. Наступил 1953 год. Никаких изменений в лагерной жизни не намечалось. Об узнике Каргопольлага отце Иоанне частенько через Галину Черепанову справлялся митрополит Николай (Ярушевич)¹⁵, посылая ему благословения и утешительные весточки. Батюшка с глубоким благоговением принимал архиерейское благословение. Он писал в ответ: «Я радуюсь и благодарю Господа, утешающего меня, убогого изгнанника.

Аз недостойный иерей всегда пребывал, пребываю и буду продолжать с Божией помощью пребывать в полном послушании Его духовному руководству и во всем неуклонно следовать его святительскому совету. «Я стал как мех в дыму, но уставов Твоих не забыл» (Пс.118:83).

Отец Иоанн, поздравляя духовных чад митрополита с его юбилеем, писал: «Насколько велик и ценен для Церкви наш дорогой юбиляр, настолько же я, многогрешный, незаметен и ничтожен, и не по достоинству, а исключительно по особой милости Божией носящий высокое звание пастыря словесных овец. Помолимся все за двух высоких юбиляров – Св. Патриарха и митрополита Николая, чтобы Господь продлил годы их жизни на радость и утешение всей христианской паствы, а всех нас по их святым молитвам сохранил во всяком благочестии, чистоте и долготерпении».

22 февраля 1953 года, отвечая на настоятельные просьбы чад о возможности привезти для него в лагерь Св. Причастие, отец Иоанн им в письме объясняет свой взгляд на этот важный для него вопрос: «Всякое действие, мои дорогие, хотя и душеполезное, но совершаемое священником без ведома и благословения правящего архиерея Святой Церкви, конечно, при наличии такового, не может являться угодным Богу и спасительным для души верующего в Него христианина. О Святых Христовых Таинах я вам потому ничего не писал, что из-за необычной жизненно-бытовой обстановки, окружающей меня со всех сторон, в которой почти все люди, за исключением немногих отдельных лиц, позволяют себе непрерывно курить табак, сквернословить и допускать многие другие виды невозддержания, я вынужден был, конечно, с глубокой скорбью питать свою душу только лишь агиасмой и артосом, страшась и думать о том, что являясь огнем невещественным, опаляющим недостойно хранящим его. На данный момент бытовые условия жизни, правда, очень немного, но все же изменились в луч-

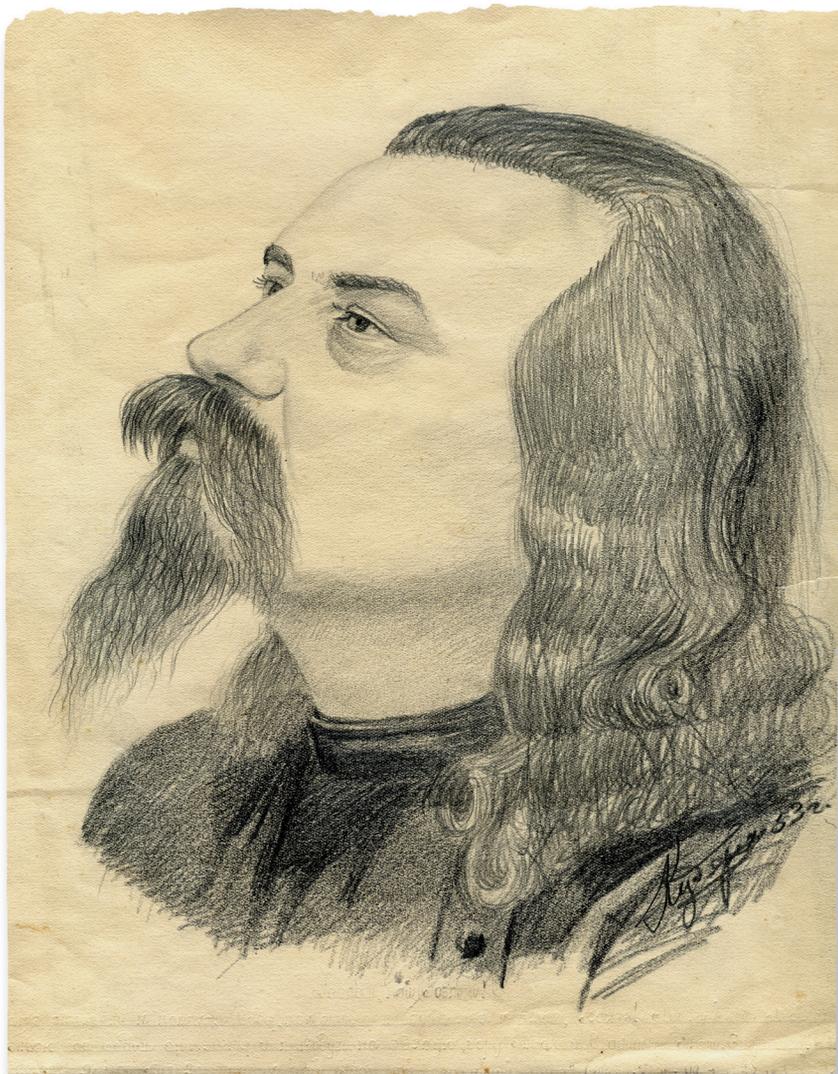
шую сторону, конечно, лично для меня. За разрешением вопроса о Причастии страшная жертва Животворящего Тела Владычня, к Которому я не приступал почти уже три года, как находящийся в затруднительных обстоятельствах, убедительно прошу вас обратиться только к дорогому Дедушке, так как только его благословение будет являться для меня строго обязательным. Его заранее за все-все сердечно благодарю, целую благословляющую руку и, смиреннейше припадая к его стопам, прошу его дальнейших молитв обо мне недостойном его послушнике. Бог мира и любви да пребудет всегда среди нас».

Первый раз отец Иоанн причастился в заключении весной 1953 года, когда он жил в землянке. Матрона с Галиной по благословению митрополита Николая везли Святые Дары, вложенные в освященный хлеб, как в ковчежец.

Труды, труды, жизнь как она есть и кто как умеет. Для отца Иоанна приближалась еще и весенняя страда, в Москву летели письма – просьбы о цветочных семенах. Даже в лагерь весна несла свою живительную силу. Не надеясь ни на что, все же чего-то ждали. Но то, что принесла с собой весна 1953 года, на мгновение повергло лагерь в безмолвие, взорвавшееся затем воплем стихийной необузданной радости.

Этот незабываемый март вспоминает В. Кабо: «Я встретил отца Иоанна около нашего барака, он, как всегда не шел, а словно летел, в его руках была газета. «Вот, смотрите, Сталин в гробу – мечта русского народа». Услышав это, я подумал: кто-кто, а Иван Михайлович знает свой народ. И он не мог быть равнодушен к происходящему в мире, в своей стране, но дела земные он понимал в каком-то высшем смысле, смотрел на них в отношении к Богу и вечности».

После смерти Сталина в лагерном режиме начало что-то меняться. Многие жили ожиданием амнистии. Вскоре близкие получили письмо от бабушки, надеждой взволновавшее их души.

«Много-много людей с радостью и любовью, с напутственным Божиим благословением я проводил домой. А над оставшимися, в том числе и надо мною недостойным, да будет воля Господня. Утешаю и ободряю всех своих односельчан».

Сам же отец Иоанн мирствовал и оставался невозмутим. Поздравляя чад с праздником Святой Троицы, стремясь одновременно и ободрить их и вернуть на стезю надежды только на Бога и Его Промысл, он пишет им: «При постоянном содействии благодати Св. Духа продолжайте, мои дорогие, жить верою, укрепляться надеждою, гореть любовью к Богу и друг ко другу и смиряться покаянием перед своим Творцом». Чуть позже, проникая духом в нарастающее напряжение ожидания, в котором жили его близкие, он опять пытается вернуть их на стези духовного восприятия всего происходящего: «Напомню всем вам слова Священного Писания: «Многие ищут благосклонного лица правителя, но судьба человека – от Господа» (Притч. 29:26). Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие? «...Ибо не навек оставляет Господь. Но послал горе, и помилует по великой благости Своей» (Плач 3:31–32). «Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа» (Плач 3:26). «Он дает утомленному силу и изнемогшему дарует крепость. Утомляются и ослабевают и юноши, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновляются в силе, поднимут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся». Не унывайте, мои дорогие! В утешение моим сестричкам и всем вам посылаю свой портрет, нарисованный художником с натуры».

Для отца Иоанна и его близких жизнь постепенно вошла в обычную колею, каждый делал опять свое, определенное ему за три года послушание. Неожиданно их письменная связь прекратилась, и когда 22 сентября 1953 года мироносицы получили весточку, на конверте стоял другой адрес. Ситуация прояснилась. «Спешу в самой краткой

форме сообщить о себе. Я здоров. Все обстоит вполне благополучно. Только зрение мое несколько не улучшается: оно по-прежнему очень слабое. С 12 по 21 сентября я находился в пути следования на новое место жительства».

Для заключенного Крестьянкина начинался новый этап. И опять: «Ин тя пояшет и ведет аможе не хоцещи». Он не успел забрать свои книги и кое-какие вещи, находившиеся за зоной. Прощай, лагерная келья – землянка, прощайте все, с кем подняты тяготы трех лет неволи, впереди неизвестность.

С 13 сентября 1953 года лагерные документы Каргопольлага извещают, что заключенный Крестьянкин отбыл в инвалидный лагерь Гаврилова Поляна.

«Место, куда мы прибыли вчера, по природным и климатическим условиям значительно лучше. Слава Богу за все! Порядок посылки писем остается прежний. С 14 октября на Волжском побережье установилась чудная погода: теплая и солнечная. Русская золотая осень радует и ободряет всех. У меня все благополучно. Радуюсь, благодарю и за все благодарю Господа», – сообщает отец Иоанн 21 октября 1953 года. Об этапе на Гаврилову Поляну сохранился рассказ батюшки: «Помню, как вели нас – колонну арестантов в Куйбышеве, навстречу детишки маленькие. Еще всех букв не выговаривают. Воспитательница молоденькая им говорит про нас: «Вот, детки, враги народа идут», а они глазенки таращат, повторяют: «Вляги, вляги», а сами так ласково на нас смотрят, улыбаются».

На высоком правом берегу Волги, немного выше Самары, которая в советское время была переименована в Куйбышев, находилось место приюта для заключенных инвалидов. Предыстория этого лагеря символична. В свое время в Самаре строился тайный объект – «сталинский бункер», готовилось место для вождя на случай опасности.

Все в этом бункере было учтено и приспособлено, чтобы он мог в течение долгого времени управлять страной при экстремальных обстоятельствах. А за городом, дублируя городское сооружение, в живописном месте на природной террасе, с запада прикрытой холмами, а на восток открывавшейся к Волге, была построена для него еще и правительственная дача. Здесь на природе выросло мощное каменное здание, которое могло полностью удовлетворить нужды пожилого правителя. Но дача, как и бункер, так и не были востребованы. И чья-то незаурядная фантазия превратила это правительственное великолепие в инвалидный лагерь для заключенных, оставив ему старое лирическое название местности Гаврилова Поляна. Здание дачи стало административным корпусом, а вокруг него наскоро построили десяток деревянных бараков, баню и еще кое-какие хозяйственные сараи. Все это обнесли оградой с вышками для охраны. По иронии судьбы правительственное сооружение превратилось в захудалый лагерь для провинившихся пред правительством людей. Собрать по всей стране несколько тысяч болящих эков труда не составляло. «Доходяги», как неофициально звали насельников, были заняты кое-какой посильной работой, и поскольку проку от них не было, кормили их плохо. По свидетельству заключенного, «...лагерь заброшенный. Почти не кормят». В 1953 году началось этапирование в этот инвалидный лагерь заключенных, изработавшихся в Каргопольлаге на тяжелых трудах – лесоповале и лесосплаве. Ставшие там бесполезными, гуманной системой они были определены на Гаврилову Поляну. Завозили заключенных партиями. Отец Иоанн был переведен в сентябре, А. Левитин-Краснов из того же Каргопольлага прибыл в феврале. На место умерших поступила новая партия – доживать здесь свой век. От Волги до лагеря руками заключенных была проложена дорога, вдоль которой тянулись лагерные захоронения. Для заключенных с севера было в этом

лагере немаловажное преимущество – мягкий климат. В отношении питания приходилось приспособливаться каждому самому.

А. Левитин-Краснов вспоминает в своей книге «Рук Твоих жар» о лагере Гаврилова Поляна: «...Перегнали нас на новый лагпункт – Гаврилову Поляну. Надо перебраться через Волгу, забраться на довольно высокую горку. Приехали мы туда в феврале. Река замерзла. Перевозили нас через Волгу на грузовиках. Своеобразное это место – Гаврилова Поляна – исключительно живописное, на возвышенности, вид на Волгу. Когда-то это было любимое место для пикников самарского губернского общества.

Теперь здесь инвалидный лагерь... Огорожен забором с вышками. Деревянные бараки. Сюда посылают инвалидов абсолютно неработоспособных.

Две больницы; туберкулезники, блатные; один так называемый полустационар, где обретаются эпилептики, кретины, старики под семьдесят лет. В инвалидных бараках – тоже старики по 58-й статье, выражаясь по-лагерному, «доходяги».

Здесь много было религиозных людей. Много колоритных типов. Прежде всего духовенство.

Наибольшей популярностью пользовался среди заключенных отец Иоанн Крестьянкин. Человек по натуре веселый, добродушный, несказанно мягкий. Он священник и инок с головы до пят. Но он священник, и этого достаточно и для прихожан, и для властей. Для прихожан – чтоб в короткое время стать одним из самых популярных священников в Москве; ну а для властей этого тоже вполне достаточно, чтобы арестовать человека и законопатить его на много лет в лагерь. В лагере возил на себе, впрягшись в санки, воду. Много молился. Все лагерное население к нему сразу потянулось. Всеобщий духовник.

Начальство без конца его допекало и грозило тюрьмой. Приставили к нему специального наблюдателя – толстого здорового придурка из проворовавшихся хозяйственников. Запомнилась мне на всю жизнь почти символическая картина. Сидит на скамейке хозяйственник, читает газету. А за его спиной по площадке, окаймленной кустарником, бегают взад и вперед отец Иоанн. Только я понимаю, в чем дело. Это отец Иоанн совершает молитву. Он близорукий. Глаза большие, проникновенные, глубокие. Несколько раз, приходя в барак, заставал его спящим. Во сне лицо дивно спокойное, безмятежное. Как ребенок. Не верится, что это взрослый мужчина.

Гуляя с ним по лагерю, у него исповедовался. Чистый, хороший человек».

«Веселый человек» – таким многие воспринимали отца Иоанна, это его свойство поражало и обитателей ОЛПа «Черный»: как в таком месте и в таких тяжелых обстоятельствах веселость не умерла, не заглохла, но сквозь безнадежный мрак надеждой высвечивалась для окружающих.

«Веселость! Не насмешка, а такое солнце внутри – всему улыбается, всему добро, всему свет. Веселых людей очень мало, потому что мало чистых. Веселость есть состояние «без греха». <...> А прожить жизнь и не поддаться... Свет и веселость ребенка еще почти природа, свет мудреца и святого – подвиг и труд... без самоограничения нет силы, нет здоровья духа, а значит, нет веселости. Аскетизм ведет к веселости», – пишет свои наблюдения о божиих людях русский писатель Б. Зайцев. Печатью веселости был отмечен и отец Иоанн. Это свойство души он пронес и сквозь все невзгоды жизни и часто задавал молодежи вопрос: «Почему вы не радуетесь, унываете и тяготитесь жизнью? Если бы мне Господь даровал к моим 90 еще столько же, я бы и тогда не устал жить и радоваться и Бога благодарить». И он не терял

времени, жил наполнено и деятельно всегда и везде. Об источнике радости жизни он говорил так: «Я в трех тюрьмах сидел. Глядя на меня, разве скажешь это? А все прошло. Вспоминаешь как сон. До ареста служил на приходе в Москве. Всегда в подряснике ходил, только на лесоповале не смог, а так везде в нем. Шустрый был, ну и натерпелись блюстители порядка из-за меня, я везде в подряснике – в трамвае ли, по городу ли пешком. А время-то уже другое было, надо бы мне понять. Не понял! Они меня по этапу и направили. Уж чего я только не видел там! Чего только не претерпел! Все, всякие грехи к сердцу прилагались, но совесть чиста. Как зато теперь хорошо! Если бы вы знали, как хорошо про все это вспоминать и знать, что я совесть сохранил. От этого и на сердце легко и радостно!»

Чистота души и совести – вот источник всякого блага для человека, зеницы его ока, воспринимающие радость Божьего мира.

В первых же письмах отца Иоанна с Гавриловой Поляны чувствуется его беспокойство и забота о близких. Он просит сообщить новый адрес сестрам Танечке и монахине Евгении, а также всем своим постоянным корреспондентам. И еще одно обстоятельство волнует его – оставленные на Черной Речке книги. Да и новое место воспринималось как начало пути в заключение. Опять, опять предстояло применяться к людям, начальству, режиму. И если погода и природные условия радовали прибывших с севера, то лагерный режим оказался такой же жесткий и немилостивый, как на ОЛПе «Черный». «Вот уже прошла целая неделя, как я нахожусь в совершенно иной жизненной обстановке, во многом резко отличающейся от предыдущей, которую часто вспоминаю. Здоров. Все обстоит благополучно. Обмениваться письмами будем по-прежнему два раза в месяц: одно письмо Танечке, а другое – всем вам. Убедительно прошу посылок мне не присылать. Так надо и так будет...» Что за трудности диктуют такой тон писем, оста-

лось тайной. Из кельи на двоих, пусть и лагерной, снова попасть в барак с его шумом и многолюдством и часто беспределом, но опять звучат его слова: «Слава Богу за все, все!» «На Волгу люблюсь ежедневно, конечно, издали. Впечатление от всего окружающего могло бы быть гораздо больше, если не препятствовало бы этому мое крайне слабое зрение. Но ничего. Надо всегда всем быть довольным и за все благодарить Бога, милующего и утешающего нас».

«Скорби, скорби! Когда же они кончатся или ослабнут? Но надо ли им кончаться? Не в них ли сокрыта тайна моего спасения? Опять пред взором спасительный Крест, и слышен голос: «Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет». Да, все при мне. Спаситель со мной! А скорби и страдания земной жизни, они до конца, они и свидетельствуют о правильном пути, о пути, начертанном Христом. Господи, благослови! Иду дальше!»

Письмо от 17 октября 1953 года посвящено другу по Духовной академии П. А. – это иеромонах Троице-Сергиевой Лавры отец Сергий Голубцов. Они вместе учились, оба были устремлены к монашеству, но в 1950 году каждый пошел к нему своим путем, определенным Богом. Павел, так звали отца Сергия до монашества, поступил в братию Лавры, а отец Иоанн – в Каргопольлаг. Была ли между ними личная переписка, осталось неизвестным, но в сохранившихся письмах к «матушкам» нередко являются имена Павла Голубцова, отца Сергия Орлова, отца Николая Голубцова. Вот и в этом письме, получив от него известие о готовящейся архиерейской хиротонии, отец Иоанн посылает ему свой привет: «П. А. шлю свое взаимное приветствие с земным поклоном, и целую, и сердечно благодарю его за молитвенную память обо мне. Его душевное настроение мне хорошо известно. Ему, конечно, хотелось бы и дальше продолжать свою кроткую и скромную иноческую жизнь в стенах Лавры, горячо люби-

мой им, но если Промысл Божий призывает его на более высокое и ответственное служение Церкви Христовой, то ему необходимо, как уже приобретенному доброе свидетельство от внешних, со смирением поднять его на свои немощные плечи с твердым упованием на Того, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения, а так же на Покров Матери Божией и своего Небесного покровителя. Совершается все то, что предсказано ему ранее его духовным руководителем. Заранее поздравляю его, целую святым целованием, прошу его святого благословения и постоянных святых молитв. Радуюсь и молюсь».

Через месяц, 26 декабря, обеспокоенный болезнью П. А. – отца Сергия, отец Иоанн пишет: «Приветствую дорогого П. А. и прошу взаимно святых молитв его. Я молюсь об укреплении его физических сил, ослабленных перенесенной болезнью, вызвавшей неизбежность срочной операции, а за то, что он, по молитвенному ходатайству своего небесного покровителя, пока оставлен в стенах его обители для продолжения св. дела, радуюсь вместе с ним и благодарю Бога. «Жизнь наша подобна плаванию». А все происходящее в ней всегда совершается по благому Промыслу Божию. Итак, молитва наша услышана, и благое желание исполнено, а намерение руководства на время отклонено». Отсрочка архиерейской хиротонии отцу Сергию дана была только до 1955 года.

Постепенно обживаясь в инвалидном лагере, отец Иоанн приступил и тут к негласному духовничеству, и вскоре в письмах на волю звучали обычные просьбы: «Прошу прислать мне фотокарточку мамочки (взамен отправленной мною Танечке), лекарства... привезите с собой крестики и несколько иконок маленьких (Спасителя и Б. М.), совершите заочное отпевание за Александра, Виктора, Виктора. Заранее за все-все благодарю».

Ко дню Ангела Матроны отец Иоанн посылает своим помощницам подарок, один на двоих. И такой же просит их переслать сестричке, «пусть она немного утешится, т. к. кроме нас почти никого не осталось, кто бы готов был с любовью порадовать ее». Подходил к концу 1953 год. Именно в это время зазвучала в письмах отца Иоанна особенная забота и тревога о сестре и ее о нем. Они росли вместе, и их детская дружба не претерпела от времени изъяна, а переросла в трогательную заботу друг о друге и обоюдную любовь. Письма от сестры ежемесячно приносили ему весточки из Орла о родных и близких. Январские письма 1954 года несколько настораживали. «Дорогой наш братец! Шлем свой искренний привет с пожеланием всего наилучшего. Как здоровье, как зрение, а то мы беспокоимся. За полученное 12/1 письмо большое спасибо, за память и утешения. Этот день я чувствовала себя ничего, а вообще последнее время здоровье неважное. Вспоминаю про тебя, дорогой братец, часто, а в этот день особенно. У нас пока живет В. Ф., здоровье ее не улучшается. Врачи говорят, что болезнь неизлечима. Ухаживает за нами Маня (монахиня Евгения), пошли Бог здоровья ей, пожила бы для нас. А то она тоже стала слабая и плохое зрение. В нашем доме все стали слабые, больные, но говорят, умирать не хочется, будем ждать, пока возвратится наш Батюшка. А так, конечно, путь неизбежный. Но что делать, будем надеяться на Господа. Погода стоит холодная, сильные морозы, но о нас не беспокойся, топливо есть, в квартире тепло. Нового пока ничего нет. Все родственники и знакомые шлют привет и желают всего наилучшего. Еще раз шлем привет, крепко целуем, обнимаем своею любовью. Твои сестры. За посланную от нас маленькую посылочку не обижайся, хочется послать».

В феврале 1954 года тайно от брата Татьяна Михайловна Крестьянкина подала кассацию о пересмотре дела Крестьянкина Ивана Ми-

хайловича. Что это было? Вещее знание о близкой смерти или предчувствие любящего сердца руководствовало ею? Ответ-отказ ей пришел скоро. Тогда чада стали настоятельно просить, чтобы батюшка от себя послал прошение о помиловании, на что он в письме от 26 февраля ответил им тоже отказом: «Хлопоты, предпринятые моей сестрой, я считаю излишними, а какое-либо добавление к ним со своей стороны – совсем ненужной затеей. Полагаю, что я не ошибаюсь. Вооружимся лучше еще большим терпением, приносящим огромную пользу для каждого из нас, и несомненным упованием на нашего общего Ходатая и Утешителя. Да простит Он всех нас, а мы друг друга от всего своего сердца, и да увенчает полным успехом все наши надежды, возлагаемые нами на Него с истинной верою... Заранее и преждевременно не составляйте никаких планов или предположений на будущее время. Да будет на все воля Господня! Ибо Им сказано: «...Кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею». «Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающего, но от Бога милующего». Время и сроки от нас сокрыты. Поэтому усердно прошу всех вас словами св. ап. Павла «подвизаться со мною в молитвах за меня (и моих собратьев к Богу)»... «дабы мне в радости, если Богу угодно, прийти к вам и успокоиться с вами». «Буди, Господи, буди».

А 14 марта совершенно неожиданно отец Иоанн получил извещение о смерти сестры. «Сообщаю вам, мои милые, о тяжелой утрате, постигшей меня, – смерти дорогой и любимой моей сестрички Танечки. Такова воля Божия. Скорблю и молюсь о ней... А вас убедительно прошу усердно помолиться в храмах Божиих об упокоении ее бессмертной души в обителях Царства Небесного, и не забудьте о скорбящей и болящей сестре Евгении». «Ваше подробное письмо о кончине милой Танечки меня еще раз убедило в том, что Господь знает нужду каждого из нас прежде нашего прошения, ибо, посетив меня, находя-

щегося в необычных условиях жизни, очередной скорбью, одновременно тотчас же и утешил меня тем, что все мои сердечные желания Он вложил в ваши сердца, которые с любовью, абсолютно добровольно, исполнили все то, что должен был бы сделать я, провожая свою любимую сестричку в последний путь». И опять только молитва утоляет переживания и смиряет душу в послушание Промыслу, и ею он следует вослед сестре, провожая до врат Царства Небесного.

Весна 1954 года насытила отца Иоанна слезами сверх меры. Тихо, мирно ушла из жизни самая близкая ему родная душа. И почти сразу Каргопольлаг прислал ему зловещее напоминание о господствующем там хаосе жестокой злобы. После отъезда на Гаврилову Поляну вдруг прервалась его связь с близкими людьми, оставшимися на ОЛПе «Черный». «Молчание Полины и неисполнение данного ею мне обещания меня крайне поражает. Прошло уже пять месяцев. Может быть, что-либо неожиданное и серьезное произошло в ее семействе?» И вот известие о ней пришло. «Подробности о смерти Полины нельзя читать без боли в сердце и слез». Зверское убийство, наглая безвременная смерть доброй многолетней матери, безотказной помощницы болящим и скорбящим узникам. А сколько таких наглых смертей пришлось видеть отцу Иоанну за весь период заключения? Сколько болей вместило его любвеобильное сердце, сколько потрясающих душу скорбей? То, что он видел, переживал, пережил, живому и равнодушному уже не забыть и не успокоиться. Теперь вот дети остались без матери. Зачем? Но, подчиняя хаос нечеловеческой злобы и человеческих безобразий высшей цели, отец Иоанн тут же пишет: «Ее кончина не была мирной и безболезненной. Но Господь, чадолюбивый Отец, зная все извилины ее бессмертной души, светлой и доброй, соизволил допустить такую мучительную кончину, которой убелились и украсились ее одежды, восполнились пробелы ее внутренней духовной жизни, дабы соделать ее

достойной наследницей Своего Небесного Царствия. Такова воля Господня! Да дарует Он ее бессмертной душе небесный покой и да сотворит ей вечную память. Мужа и деток да сохранит и помилует!»!

Миновал 1954 год. По-прежнему сокровенной остается внутренняя молитвенная жизнь заключенного Крестьянкина, он практически ничего и никому не сообщает о себе. Только иногда из писем становится ясно, что он равно оплакивает и погибших, и губителей. Очевидно, в этом даже и был смысл его пребывания в концлагере. Увидел, прочувствовал и сердцем понял находящуюся в демонической стихии родную Россию. Но не только гибель показал Господь Своему ученику, в этом же аду он увидел и великую силу и могущество Божией Любви, когда погрязшие в пучине греха преображались ею. Чувства и вопль благоразумного разбойника ходатайствовали об их спасении. И там же сам отец Иоанн, облагодетельствованный от Господа даром – светом Евангельской любви, устремился расточать его без меры, не считая, всем без исключения. «О, если бы мы всегда надеялись на Бога... Тогда бы все наши добрые желания никогда не оставались неисполненными», – слышали от него многие. Еще в период следствия отец Иоанн понял, что «чем скорее сердце примет Богом данное, тем легче нести благое иго Божие, и бремя Его легкое. Тяжелым оно становится от нашего внутреннего противления».

7 февраля 1955 года Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, постановила оставить дело заключенного Крестьянкина без изменения. Это был суд человеческий. В то же самое время Божие определение об иерее отце Иоанне возвестил саровский старец святой Серафим. Он явился ему с благостной улыбкой и словами: «Будешь свободен». Так суд человеческий Божиим велением был без прекословия устранен. Не посрамил Господь упования Своего ученика-послушника.

15 февраля 1955 года, в день празднования Сретения Господня, отец Иоанн был освобожден. Воспоминание этого дня хранила его память: «Яркий морозный день, снег празднично искрился на солнце и поскрипывал под ногами. У ворот «учреждения» стоит белый конь, запряженный в розвальни, упругий, весь – готовность к движению, к свободе». Он и повез завершившего учебу в Небесной Академии на труды в мир.

Самым дорогим и ценным приобретением этих пяти лет была для отца Иоанна молитва. Она стала его дыханием, сердцебиением, жизнью. Постепенно в ней он стал слышать моментальный ответ на любое свое мысленное обращение к Богу. Отец Иоанн иногда вспоминал, как зарождалась и вызревала в нем молитва за эти годы. Он укрывался под одеялом на третьем ярусе своей вагонки; уходил молиться в заброшенный барак, ища уединения; болтался с молитвенным воплем на деревьях, не чая остаться в живых; замирал в молитве о бесчинствующих, когда рядом лилась кровь. Но однажды, в самый разгар очередного вражьего разгула в бараке, он почувствовал, что молитве ничто не мешало. Она сокрыла его непроницаемым облаком. «Глас хлада тонка» потрясающим впечатлением вошел в душу и осенил ее неземной тишиной и миром.

С этого момента самодвижная молитва запульсировала в сердце иерея Иоанна. Благодарность, славословие Господу да его смирение хранили этот Божий дар от вопрошавших и любопытствующих в тайне. На вопрос об Иисусовой молитве отвечал, что для монашествующих она обязательна, для мирян желательна. В разговорах же о духовной молитве не участвовал. Однажды только, останавливая напористость разглагольствования на эту тему, сказал: «Чтобы говорить о ней и понимать, о чем говоришь, надо повисеть на Кресте, да еще и не зная, сойдешь с него или тебя будут снимать».

Многолетием почтил Господь жизнь отца Иоанна. Путь еще в полстолетия отмерил Он Своему послушнику, чтобы тот пронес свидетельство о том, что Божия благодать ныне и присно и вовеки та же и что жить ею Богом и в Боге можно во все времена и при любых обстоятельствах.

Кануло в вечность былое. Ушли из жизни правые и виноватые, оставив свой след в истории Родины и ей предоставив решать, что в ней было «за» и «против» человечности и человечества.

И в XX век, по-человечески трагический, была, есть теперь и будет до конца времен Истина, поколебать и тем более истребить которую невозможно.

Был и есть грех, который со временем лишь обильнее раскроется в жизни как знамение апокалиптического времени. Есть у Бога пределы злу для живущих на земле.

Но всегда был, есть и навечно будет Промысл Божий, таинственными путями созидающий жизнь. Разгадать Его гордому человеческому уму не дано, Его постигает верой лишь смирение. А выбор за Бога или против Бога предлежит всем, в какое бы время человек ни жил.

И только Крест Христов, посреди земли насажденный, для одних – камень соблазна и преткновения, для других путь за Христом, по неложному слову Святого Евангелия, есть Путь спасения. Только Крест Христов и у Его подножия поднятый человеком свой крест дают цену человеческой жизни.

Мученики и исповедники – Божия Нива, Крест России – Победа, непобедимая над вражьей дерзостью, восстающей на Бога. И пролитая ими в Чашу Христову Кровь вопиет о том, что не забыта Россия милостью Божией. Он принял живую жертву от нее.

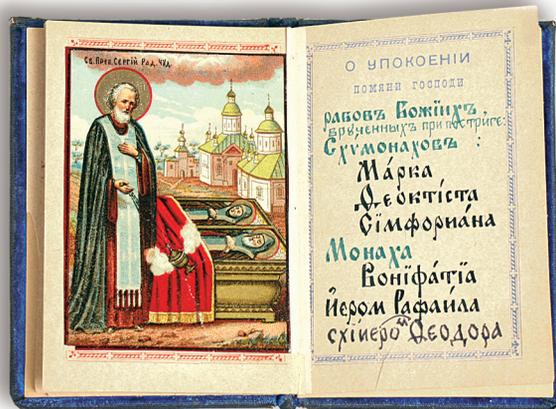
И с Крестов новомучеников звучит грешной, но православной стране завет, их жизнью и самой смертью явленный. Надо, надо нам его помнить!

«А по-Божьему как?» – общая черта спасительной жизни. По-Божьему россиянам надлежит отвергнуться человеческих измышлений и принять веления Промысла Божия, взяв крест свой, следовать за Христом, куда бы Он ни повел.

Голос Церкви Российской слышен с Голгофского Креста митрополита Петроградского Вениамина¹⁶: «Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам... Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией».

Вторит новомученикам и глас народный, в простоте сердца несущий Правду Божию сквозь безмерные тяготы и страдания того же лихолетья: «Видно, так Богу угодно. Значит, так надо. Плохо Господь не сделает!»

В 1989 году восьмидесятилетний старец был реабилитирован. Он отнесся к этому спокойно, а точнее, равнодушно, будучи свободным от условностей обстоятельств, всю жизнь оставаясь рабом Божиим, чем дорожил от всего сердца.

Генеральная прокуратура
Российской Федерации

ул. Б. Дмитровка, 15а
Москва, Россия, ГСП-9, 101999

30.09.2005 № 13-2393-05

181500, Псковская обл.,
г. Печоры, ул. Международная, д.5
Псково-Печорский монастырь

Архимандриту Иоанну (Крестьянкину)

Входящий № 58
05 октября 2005 г.

Уважаемый отец Иоанн!

Генеральной прокуратурой Российской Федерации рассмотрено обращение наместника Сретенского монастыря Архимандрита Тихона о Вашей реабилитации.

Установлено, что Вы были незаконно осуждены (репрессированы) по постановлению Особого Совещания при МГБ СССР от 6 сентября 1950 года по ч.1 ст.58-10 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию» и заключены в исправительно-трудовой лагерь сроком на 7 лет. Освобождены 14 февраля 1955 года.

Прокуратурой Союза ССР на основании ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 и начала 50-х годов» 15 июня 1989 года Вы реабилитированы.

Приложение: на 1 л.

Генеральный прокурор
Российской Федерации

С уважением!
В.В. Устинов В.В. Устинов

ПИСЬМА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

*Письма к Галине Викторовне Черепановой
и Матроне Георгиевне Ветвицкой**

4 декабря 1950 г.

Дорогие мои!

Поздравляю вас всех, родных и близких, с праздником Введения Божией Матери, благословляю и от всей души желаю всем вам всего-всего лучшего в вашей жизни. Пресвятая Дева да преисполнит ваши души и сердца Любовью к Ея Возлюбленному Сыну, друг ко другу и ко всем!

Предпоследнее краткое письмо (9), которое вами еще не получено, мною было отправлено в начале второй половины текущего месяца, с вложением в него записочки для бабушки К. П. Теперь, возможно, оно вами уже получено, а поэтому прошу вас сообщить мне о нем. А также подтвердите получение моего письма с просьбой выслать наложенным платежом часы, в котором я писал вам о получении теплых вещей. Жду срочно вашего ответа. Еще раз подтверждаю получение от вас зимних вещей и гостинцев (в двух коробочках), присланных 22 с. м., двух последних писем (от 18.XI и 26.XI), и за все сердечно вас благодарю. Вкусными гостинцами многие угощались и вспоминали дорогую именинницу. Две общие тетради (в клеточку) мною получены своевременно. А также два кратких и два пространных письма (о которых я сознательно ни разу не упомянул в своих ранее посланных письмах). Я терпеливо ожидал, пока вы хотя немного успокоитесь. Время – лучший врач.

Никому из вас, моих дорогих духовных детей, не тесно было в моем кротком, смиренном и любвеобильном сердце, а мне в сердцах ваших

---

* В личном архиве Г. В. Черепановой и М. Г. Ветвицкой сохранилось более 100 писем отца Иоанна из заключения (1950–1955).

тесно из-за того только, что они все были заполнены всем омрачающим свет истинной христианской любви, которая одна только и должна пребывать в наших сердцах, очищаемых благодатью Святого Духа и питаемых вместе с бессмертной душой Святыми Христовыми Таинами. Ваш духовный отец вынужден был молчать до того момента, когда внутри всех вас над застарелым гневом и обидами снова восторжествует святая любовь, водворяющая везде и всюду дух радости, мир и тишину. При наличии всего этого я теперь считаю возможным просить вас, мои дорогие, не исключая никого, прочесть вдумчиво, с большим благоговейным вниманием, послание ап. Павла к Ефессянам, 4 главу (полностью). Руководствуясь его мудрыми наставлениями, вы непременно спасетесь.

Вам, мои милые, хорошо известно о том, что я очень далек от всякого лицепрятия. Кто из вас стоит ближе к Богу, тот и ближе к моему любящему всех вас одинаково сердцу.

Мы же с вами, мои дорогие, как я полагаю, уже в достаточной мере взаимно засвидетельствовали истинно христианское расположение друг к другу. Нам не о чем беспокоиться и тужить. Напрасны все ваши страхи, сомнения, оправдания по всем тем вопросам, о которых мне никто ничего не писал.

«И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу. А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде: у Него нет лицепрятия».

Не могу, мои дорогие, чтобы не поскорбеть о том, что все вы, дети мои, очень душевные, но еще не совсем духовные. А последнее совершенство, конечно, выше первого. Совершенствуйтесь! «Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступивши, некоторые уклонились в пустословие».

Дорогого собрата о. Сергия поздравляю еще раз с принятием бла-

годати священства и целую его святым целованием, а его матушку (свою духовную дочь) поздравляю с духовной радостью и шлю ей Божие благословение. Да поможет им во всем Господь! Пусть не забывают чаще молиться обо мне, недостойном собрате и духовном отце.

Радуюсь и благодарю Бога за то, что вам представилась возможность утешить его своим скромным подарком. А также за успехи милого мальчика Алешеньки, которому прошу передать Божие благословение и мой взаимный сердечный привет и благополучный исход дела на службе Г. В. Передайте Божие благословение и мое приветствие с присоединением сердечной благодарности за все дорогим В. В. и Е. Серг.

Не нарушая общий график отправки посылок, в удовлетворение искреннего желания Е. С., необходимо ей уступить свою очередь – 20/XII, т. к. 6/I б. г. день ее именин.

Свой же скромный, конечно, очень маленький, гостинец к Рождеству Христову вы можете прислать вскоре по получении моего настоящего письма (вместе со всеми нижеперечисленными предметами).

Ваши гостинцы, независимо от времени их присылки, всегда хранятся до великих праздников и памятных дней. Прошу вас об этом не беспокоиться. А также и о присылке денег. Ранее установленный порядок нарушать не надо. Ваше искреннее желание порадовать моих сестричек такими же подарками, какие получили вы, благословляю и одобряю. Срок исполнения будет всецело зависеть от вас: как скоро вы сможете прислать требуемый материал.

Срочно высылайте: материал для туфель (две пары)*; краски для художника (по ранее посланному заказу) с указанием их стоимости; струны для гитары 10 комплектов (с указанием стоимости); лекарство – желудочный сок. Все перечисленное, вместе с гостинцами к Рождеству Христову, высылайте на мое имя. Это разрешаю я вам сделать ради вашего утешения.

Отдельной посылкой к Новому году вышлите на имя П. Г. следующее: елочные игрушки (сделайте набор на свое усмотрение), конечно, и «дедушку Мороза», и свечи с подсвечниками. В том числе лично для меня свечечки елочные с подсвечниками и елочный дождичек.

«Иллюстрированную историю» (которая у Володиной мамы), «Большой Академический словарь», который послан от нас Танечке, а вы должны будете получить от нее и прислать мне. Вы об этом пишете ей сами. Я ее уже об этом просил. Вы ей только напомните и попросите ускорить его присылку вам. Потрудитесь сделать все с Божией помощью и разобрать мое нынешнее письмо, которое я написал вам особенно поспешным почерком и при очень слабом электрическом свете. Простите меня убогого за все, все. Очень спешил ответить. Бог мира и любви да будет среди вас! Да благословит вас всех Господь и да сохранит!

Будьте здоровы!

* В него можно вшить пятьдесят рублей денег, не больше.

24 апреля 1951 г.

Дорогие мои крестницы!

Спешу выразить вам свою сердечную благодарность за поздравление, пожелания и все подарочки (включая и живые цветы), полученные мною от вас в день своего рождения. Такого внимания и заботы обо мне я, конечно, не заслуживаю. Все это я принял от вас с любовью и по смирению, а не по достоинству. 11/IV с. г. я провел, слава Богу, хорошо. Вспоминал в этот день всех своих родных и друзей и – мысленно – был среди них. Всех-всех, помнящих обо мне, благословляю, сердечно благодарю и желаю всего лучшего в жизни.

Копировальную бумагу, если только представится возможным, купите ее, высылайте заказным наложенным платежом (бандеролью), включая в сумму ее стоимости и все расходы за пересылку по

почте, по след. адресу: ст. Ерцево, Сев. ж.д., Архангельской области У.Ч. № 16 Бухгалтерии.

Прибор для бритья, с приложением счета или кассового чека на его стоимость, высылайте посылкой.

В данный момент я жив и здоров, и у меня все по-прежнему обстоит благополучно, чего от души желаю всем, всем вам.

Алеша пусть приложит все свои усилия и старания к учебе, чтобы потом глубоко не сожалеть ему о потерянном времени в продолжение всей последующей его жизни. Пусть он поведет жестокую борьбу со своей ленью и легкомыслием, в плену у которых он, как юноша, сейчас находится, и тогда все его труды увенчаются победой, доставляющей большую радость и утешение в будущем как ему самому, так и горячо любящей его матери. Учиться и учиться – вот его основное дело в настоящее время. Все необходимые благоприятные условия для осуществления этой задачи, стоящей пред ним, ему созданы. Надо усиленно начать трудиться. Желаю ему в этом благом и полезном деле (прежде всего для него самого) полного успеха, т. е. сдать экзамены по всем предметам на отлично и быть в числе лучших учеников переведенным на следующий курс техникума.

Что же касается непослушания, то в этом повинны не только дети, но и сами взрослые. В своем первом письме я убедительно просил вас не присылать мне посылки, т. к. все необходимое у меня имеется, а вы все же поступили по-своему. Отказывая себе в необходимом, вы присылаете мне то, без чего я вполне могу скромно жить. Вам хорошо известно о том, что я с самых первых, еще юношеских лет усердно тружусь и всегда, довольствуясь своим честным трудовым заработком, не позволял себе ничего излишнего сверх требуемого для поддержания физической жизни. Я всегда стремился помогать другим чем только мог, и при этом сам всячески избегал того, чтобы жить за счет труда

других. Такова моя принципиальная жизненная установка, и я искренно желаю держаться ее до конца дней своей жизни, если в этом деле поможет мне Господь. Вспомните труды ап. Павла, и для вас все станет ясным и понятным. М. Г. необходимо поддерживать свое слабое здоровье и проявлять всемерную заботу о родном сыне до тех пор, пока он прочно станет на путь самостоятельной жизни. Г. В. не надо забывать также о самой себе и своем личном материальном положении, которое вполне может быть уподоблено птичьему положению и правам.

Наташеньке крайне необходимо серьезно заняться своим здоровьем и здоровьем своей любимой мамочки, чтобы потом не испытывать жгучих и горьких упреков от внутреннего голоса совести (неподкупного судии). Пока она еще жива, надо по-настоящему любить ее и утешать своей нежной близостью к ней и постоянной готовностью исполнить всякое, даже малейшее требование ее благоразумной родительской воли. В этом выражается вся сущность священного долга детей перед своими родителями, за исполнение которого всем обещано долголетняя счастливая жизнь на земле...

Вот и все то, о чем я решил написать вам в этом письме. Надеюсь все будет исполнено. Для меня вполне достаточно будет того, если вы изредка будете иметь возможность присылать мне немножко сухариков, чая и сахара. Ничего другого присылать мне не надо. За все ваши заботы в продолжение полугода приношу глубокую сердечную благодарность. Два последних м-ца, при вашем содействии, проведены мною прекрасно, а на будущее еще раз прошу вас не беспокоиться обо мне и ничем себя не утруждать. Надеюсь, мою просьбу вы выполните и этим самым будете способствовать сохранению моего внутреннего спокойствия, которое для меня дороже всего.

Все излишнее меня обременяет. Вы должны это понимать и во всем поступать благоразумно, сообразуясь с моими желаниями и просьбами,

основанными на глубоком рассуждении. Об этом же я просил и своих сестер. Я твердо уверен в том, что все вы вместе согласитесь с моим мнением и будете поступать во всем так, как это подсказывает нам здравый смысл и логика.

Будьте здоровы!

P. S. 1) Журнал «Ж.М.П.» я получил. Благодарю.

2) Книгу А. Критского я должен возвратить или сестре, или вам. Напишите, кому.

3) Лекарство, хотя медленно, но помогает. Пришлите, пожалуйста, календулы и арники для полоскания горла и что-либо особо целебное от ревматизма и кашля, который при простуде многих мучит. За все создаваемые мною вам хлопоты прошу прощения.

Жду ответа.

Нед. и И-н. <Недостойный иерей Иоанн>

10 августа 1951 г.

Дорогая М. Г.!

Шлю Вам, мальчикам: Алеше и Мише Божие благословение и сердечный привет с самыми наилучшими пожеланиями. Спаси Вас Господи за все Ваши непрестанные заботы обо мне недостойном!

Радуюсь вместе с Вами за учебные успехи Алеси и одновременно скорблю о его еще большем, чем прежде, внутреннем охлаждении чувства веры в Бога и любви к Нему и Его св. храму. Предоставляя его будущему водительству Промысла Божия, Вам, пока он находится с Вами, необходимо продолжать делать ему свои родительские наставления. За исполнение их ему гарантируется успех во всем, а за пренебрежение к ним – полная неудача. Если ему трудно согласиться с этим теперь, то он позже убедится в истинности этого положения на личном опыте своей дальнейшей жизни. Пусть всеми мерами оберегает себя от легко-

мыслия юности и постепенно обогащается благоразумием и рассудительностью. Пусть не удаляет от себя страх Божий: «Начало премудрости – страх Господень», а еще больше приобретает его и свято бережет его внутри себя, если только он по-настоящему стремится стать умным и счастливым человеком. Над этими жизненными вопросами я советую ему серьезно призадуматься, т. к. от этого зависит дальнейший успех его жизни. Помогите Господи! За Ваше настоящее материальное благополучие благодарю Бога и молю Его, чтобы Он и на будущее не оставлял всех вас своими щедрыми и богатыми милостями.

Порядок о посылках (мною рекомендованный) должен сохранить-ся без всяких изменений и на будущее время. Всего присылаемого вполне достаточно в дополнение к тому, что я имею на месте за свои труды. Слава Богу за все! Берегите свое здоровье и не переставайте усиленно заботиться о своем внутреннем совершенствовании. Последнее превыше всего.

О том, что не представилось возможности увидеть друг друга лично, не скорбите. Таково Божие произволение, и за все Ему слава и благодарение.

Да укрепится среди вас мир, любовь и взаимное согласие. И да воздаст Всевышний за все ваши добрые дела сторицею!

Не забывайте меня многогрешного в своих святых молитвах!

Будьте здоровы! Храни вас всех Господь!

Н/и. И-н <Недостойный иерей Иоанн>

12 ноября 1952 г.

Дорогая М. Г.!

Приветствую Вас, моя дорогая, с праздником Божией Матери, поздравляю с днем вашего Ангела и от всей души желаю Вам бодрости сил и духа, постоянного души спокойствия и полного благополучия

во всем на много лет. Вашего единственного сына Алешеньку (молюсь за него), всех родных и близких поздравляю с дорогой именинницей, а особенно Г.В.

В этот радостный день для Вас, моя добрая, и для Вашей сподвижницы Г., пишу к вам обоим, потому что вы составляете одно: одну простую любящую душу и всескорбящее сердце, всегда готовые на непринужденное совершение любых христианских подвигов и добродетелей во славу имени Божия, словами, заимствованными из письма одного из русских классиков <...> к своим друзьям, преисполненными такими же чувствами чистой любви и благодарности к ним, какими всегда полно и мое сердце к вам за все ваши постоянные заботы обо мне на протяжении всего времени, и благодарить вас, мои милые, за все доставляет мне особое внутреннее наслаждение: «Для того все приятно делать, кого любишь, а вы меня любите, за что да наградит вас Бог много, много! Много есть людей, которые говорят мне тоже, что они меня любят, но любви той я не доверяю: она шатка и подвержена всяким изменениям и влияниям. Вы же любите меня во Христе, а потому и любовь ваша вечна, как самая жизнь во Христе».

«Буди, Господи, буди!»

И Бог да хранит вас на всех путях вашей земной жизни на много, много лет и да благословит.

[Подпись].

Февраль 1953 г.

Дорогие мои М. Г., Г. и Наташенька!

Свое первое общее письмецо ко всем вам троем я позволю себе начать словами ап. Павла: «Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа; и молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве» (Флп. 1:8–9); «...что вы

всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас...» (1 Фес. 3:6). «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп. 2:4).

Я уверен в том, мои дорогие, что никто из вас не сомневается в наличии всех этих святых и благородных чувств и в моем пастырском сердце по отношению ко всем вам – моим духовным детям и что вы со смирением исполните то, о чем я намерен вас просить.

Вы, конечно, всегда готовы и горите искренним желанием приехать ко мне все вместе и доставить этим самым мне большую радость, но из-за невозможности осуществить это наше взаимное желание в текущем году, по причинам от нас независящим, я вынужден убедительно просить приехать на самое кратчайшее время только одну из вас. Причем дорогую Наташеньку, история болезни которой мне очень хорошо известна, прошу и молю даже и не думать о поездке ко мне в этом году, т. к. это, безусловно, отрицательно повлияет на ее слабый организм, а чрез это могут усугубиться страдания как мои (лично), так и всего нашего семейства. Пусть она серьезно бережет свое слабое здоровье как ради своей любимой мамочки, так и ради всех нас, любящих ее.

В утешение моим сестричкам и всем вам посылаю свой портрет (написан художником с натуры). Подлинник отправьте сестрам, а фотокопии оставьте себе и одну пришлите мне, если, конечно, представится возможным, с приложением своего мнения о работе художника, который сам пожелал в один из вечеров, в течение 2–3 часов, запечатлеть мою недостойную физиономию на листе альбомной бумаги. Строго не судите. Ничего другого послать не могу. Приветствую и благословляю Ел. Серг. с семьей (пусть не унывает), Ан. Матв. (пусть бодрствует), Евг. Серг. с семьей (благодарите за любовь и внимание), Лелю с семьей (поздравьте Левочку с днем Ангела) и всех-всех.

Ответное письмецо Евг. Серг. пришло позднее. Сегодня написать его я не успел из-за недостатка времени.

Да благословит вас всех Господь и да сохранит!

Будьте здоровы!

P. S. В. А., Катеньку, Коленьку и всех родных благословляю и целую.

Обязательно поставьте его в известность о своей поездке. Объясните ему все создавшееся положение.

3 июля 1953 г.

Дорогие мои!

С любовью и кротостью я, недостойный, шлю вам, мои милые, всем родным и близким Божие благословение и свое искреннее пастырское приветствие. Снова призываю вас всех к покаянию и достойному соединению со Христом, т. к. по слову ап. Павла: «Вы же – Христовы, а Христос – Божий» (1 Кор. 3:23). Да поможет вам всем Господь, по молитвам святых апостолов Петра и Павла, отложивши на время свои бесконечные дела и обязанности, совершить этот св. и спасительный (неотложный) христианский долг, предуготовляющий бессмертные души наши к жизни вечной. Дорожите временем! Не морите голодом и жаждой свои бессмертные души, ибо плоть желает противного духу, а дух противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы (Гал. 5:17). С глубочайшим смирением, из глубины своих верующих сердец, воззовем же к Спасителю душ и телес наших: «Иисусе, Боже сердца моего, прииди (грехами умерщвленную мою душу воскреси) и соедини мя с Тобой навеки».

Я здоров. Все обстоит вполне благополучно. Радуюсь и благодарю Бога за все-все... Все необходимое, по милости Пастыря предивного и вашим неустанным заботам я имею. Слава Ему за все. Вы же, мои дорогие, придерживаясь во всем христианского благоразумия, также

обязаны проявлять соответствующие заботы и о личном здоровье. Берегите свои слабые физические силы, требующие отдыха и покоя после постоянного и напряженного труда и повседневных хлопот о других. Их крайне необходимо освежить и подкрепить в летнее время. Постарайтесь с Божьей помощью это сделать в этом году и этим порадовать меня и близких вам людей. Только при наличии хорошего здоровья вы сможете с Божией помощью продолжать трудиться, работая своими руками, и уделять от своего честного труда посильную лепту многим ближним, в т.ч. и мне, убогому изгнаннику. Позволю себе надеяться, что ради общего блага мой добрый отеческий совет вами будет исполнен.

Так как я после вашего отъезда перестал номеровать свои письма, поэтому прошу вас, пожалуйста, подтвердить еще раз получение моих писем, посланных через вас для о. Н. Г., о. С. Г., Вл. Ал., Г-на и Лели В-ой. Вы мне ничего не написали о посещении вами Дедушки (после вашего возвращения в Москву). Напишите. Жду. Посылаю конверт с письмами некоторых лиц для хранения на некоторое время. Посылаю коробочку с живыми цветами. Посылаю три коробочки с дарами утешения: одну – вам, другую – К. П. и третью – Воробьевым. Радуйтесь и благодарите Господа!

Перехожу к своим очередным просьбам. 1) Пришлите (обязательно) с П. Г., если только она будет возвращаться через Москву, или же с Володиной мамой (которая намеревается посетить нас в июле) следующее:

- а) крестики со шнурочками,
- б) иконочки мал. размера,
- в) богоявленскую Воду «агиасма»,
- г) Евангелие мал. размера на русском языке.

Поздравляю вас и всех <...> с праздником свв. ап. Петра и Павла. Приветствую всех-всех (поименно) и милого юношу Ал-ку.

Будьте здоровы! Храни вас всех Бог!
P. S. Обо всем интересующем вас узнаете от дорогих гостей.
Посылаемые цветочки распределите сами. Лимоны лучше присы-
лать целыми. Ничего лишнего и ненужного присылать не надо.

13 августа 1953 г.

Дорогие мои!

Шлю вам, мои милые, всем родным и близким Божие благослове-
ние, свое пастырское приветствие и поздравление с праздниками, глу-
бокую сердечную благодарность за вашу беспредельную любовь и мо-
литвенную память обо мне недостойном, с присоединением взаимных
самых теплых и наисердечных пожеланий в вашей жизни.

Ваше последнее письмо с гостинцами, посланное с Е. О., и гостин-
цы, посланные с П. Е., получены своевременно и полностью.

За все сердечно благодарю вас. А в знак взаимной моей искренней
любви к вам, мои дорогие, прошу вас принять от меня, недостойного,
мои убогие дары – баночку лесной брусники (пересып. песком) и ма-
ленький бидончик с вареньем из лесной малины. Все приготовлено
лично мною и послужит вам в утешение. Посылаемое прошу вас при-
нять с любовью. Хоть оно и не очень высокосортное, но зато пригото-
влено с большим усердием и в условиях необычной жизни. Кушайте на
здоровье, мои милые, и за все благодарите Бога, милующего и утеша-
ющего нас грешных.

Совершенно неожиданно 13 августа с. г. меня посетила Наташа.
Хоть я и усиленно отговаривал ее от этого благого дела, но, видимо,
так Богу было угодно, чтобы она побывала у меня в гостях, на сей раз
с полного и доброго соизволения своей мамы, имея от нее ко мне пись-
мо, и получила Божие благословение и отеческое утешение, в которых
она вместе со своей мамой очень нуждались. Подробности она вам са-

ма расскажет. Прошу вас не сетовать на нее за это, т. к. будущая встреча неизвестно когда состоится. Всегда помните о том, что любовь милосердствует. Наше будущее, как и настоящее, всегда находится в полном и непосредственном подчинении воле Божией, которая на время бывает от нас сокрыта для нашего же блага.

Пребывайте всегда между собою в любви и согласии. Так угодно Господу, а для меня убогого это будет служить большим утешением.

Все принесенное Наташей вы обязательно пришлите мне с Паней. Передайте дорогому Дедушке мой сердечный привет и глубокий земной поклон.

Старайтесь никого не осуждать, а тем более духовных.

Об устроении ваших служебных дел будем усердно молиться Господу, Который по молитвам мученика Трифона все устроит во благо. Только старайтесь избегать работы, связанной с материальной ответственностью. Внутренний покой дороже всего. На появившееся желание у Алеши продолжить свое образование за 9–10 классы средней школы призываю Божие благословение и благословение преподобного Сергия. Да поможет ему во всем Господь! Вы же окажите ему всемерное содействие. Передайте ему мой взаимный сердечный привет.

О Любе будем продолжать молиться Небесному Врачу душ и телес наших, чтобы Он облегчил ее бол. страдания. Ел. Ант. благословляю на новое жительство в Москве и желаю ей здоровья и благополучия во всем. О. С., о. А. и о. В. Ш-ву шлю взаимное пастырское приветствие со святым целованием и глубоким земным поклоном. Пусть не забывают меня убогого в своих драгоценных молитвах пред Престолом Божиим.

О. С. Ор-ву еще передайте от меня отдельный земной поклон и глубокую сердечную благодарность за его искреннюю любовь ко мне, грешному. Приветствую всех-всех своих бывших однокурсников по Академии...

Приветствую и целую Вл. Ал. со всем его семейством и благословляю, скажите ему обязательно о приезде П. Получил ли он мое поздравление?

Приветствую всех-всех своих духовных чад и призываю на них Божие благословение, а особенно на семейство Воробьевых, и молюсь.

Посылаю вам три порожние баночки (как тару) и один шелковый мешочек. Это все вам должно пригодиться.

Письма к Воробьевым

Дорогой и милый друг Л-ка! (Левочка)*

Шлю тебе, мой милый мальчик, Божие благословение, обнимаю тебя своею любовью и нежно целую. Радуюсь за совершенное тобою путешествие. Твое первое коротенькое письмо меня очень утешило. Люби Господа всею душою, всем сердцем и всем разумением своим. Усердно посещай Дом Божий и благоговейно молись в нем Творцу своему, Его Пречистой Матери, св. угодникам Божиим об укреплении веры в твоём сердце и о небесной помощи в деле успешного усвоения нужного и полезного учения. Каждый день с особой любовью и благоговением читай св. Евангелие. Да возгорится еще более и сильнее в твоём чистом детском сердце светильник веры, зажженный Самим Господом, и да даст Он тебе разумение во всем!

Будь послушен во всем своим горячо любящим тебя родителям и всем старшим. Украшай себя кротостью и нежностью. Твое поведение, как дома, так и в школе, всегда должно служить образцом для всех детей, а всех родных, близких и учителей радовать и утешать.

---

* Лев Николаевич Воробьев родился 18 июня 1939 года. Проживает в Москве. Окончив среднюю школу, отслужил в армии, поступил в Московский инженерно-строительный институт. Окончил его по специальности инженер-механик. В настоящее время – пенсионер.

Всех люби! Никого не осуждай! «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12:21). Чаще утешай мамочку своим пением. Береги свое здоровье, планомерно распределяй как часы своих учебных занятий, так и часы своего отдыха. Не ленись. «Лень – мать всех пороков». Молись и трудись. Приобретение глубоких знаний всегда достигается упорным трудом. Будь строг и требователен к самому себе, если, конечно, имеешь искреннее желание по-настоящему учиться и постепенно приобретать истинные научные познания, способствующие еще большему постижению премудрости Творца и Вседержителя.

Радуюсь за проявленный тобой особый интерес к изучению литературы. Старайся больше изучать классиков. Читай только такие классические произведения, которые предназначены для детско-школьного возраста и могут служить духовной пищей как для твоего ума, так и для сердца. Уделяй должное внимание чтению душеполезной литературы. Постепенно приготавливай себя к поступлению в Духовную семинарию. Все трудности, встречающиеся на твоём пути при изучении математики, сейчас же необходимо начать устранять следующим образом: а) серьезно и вдумчиво каждый день упражняться по этим предметам дома, конечно, самостоятельно, всячески стараясь понять внутреннее содержание каждого урока, а не запоминать его механической зубрежкой; б) при разборе непонятных мест, после безуспешных личных напряженных усилий, необходимо прибегать к посторонней помощи: 1) к помощи педагога (к нему надо обращаться) – как можно чаще – во время объяснения уроков и в другое свободное время; 2) к помощи учащихся старших классов, хорошо знающих и любящих данный предмет; 3) к помощи своих родных, конечно, если они в силах будут оказать ее тебе; 4) «Повторение – мать учения».

Все пробелы в своих знаниях по математике нужно немедленно ликвидировать, т. к. в старших классах будет еще труднее одолевать ее

(алгебру, геометрию, тригонометрию). Эту науку надо так же любить, как все другие. Она приучает нас к правильному (логическому) мышлению и рассуждению.

Все языки – при их серьезном изучении – требуют ежедневного (систематического) занятия ими по 1–2 часа, а не урывками, как это делают некоторые легкомысленные учащиеся. Если будешь открывать книгу – учебник иностранного языка только на несколько минут дома, да еще с принуждением, или в школе за 10–15 минут до начала урока, тогда, конечно, никогда не научишься владеть иностранным языком. Прежде всего, надо каждый день упражняться в чтении, чтобы уметь правильно читать и произносить иностранные слова, а потом уже запоминать грамматические правила. Будешь стараться так делать, тогда все трудности останутся позади, и ты с помощью Божией окажешься победителем. При изучении данного предмета, как и при изучении математики, тебе необходима посторонняя помощь, которую, надеюсь, тебе все окажут.

У большинства учащихся, начиная с первых классов II ступени, появляется склонность к разделению всех преподаваемых в школе предметов на любимые и нелюбимые, на важные и неважные. А поэтому, по своему легкомыслию, они начинают одними из них чрезмерно увлекаться, а другим совсем не уделять никакого внимания. Ты так не поступай. Особая склонность к тому или иному предлагаемому предмету, конечно, естественна и допустима, но безрассудное деление всех преподаваемых предметов на нужные и совсем ненужные свидетельствует о легкомысленном отношении к науке. Для общего развития ума человека все является важным и необходимым из того, что содержит в себе истинная наука, приближающая нас к еще большему познанию Премудрости Божией. «Дивна дела Твоя Господи!» Слава Богу за все!

Продолжай усердно молиться Богу за меня недостойного в храме и дома, а я буду возносить молитвы ко Господу о даровании тебе здоровья и успехов в учении, и всем твоим родным здоровья и благополучия на радость и утешение тебе. Много (хотя и поспешно) я написал тебе для твоей пользы. Ко всему будь внимателен и во всем послушен.

Да благословит тебя Господь, да укрепит и да во всем поможет тебе Своею Божественною силою!

Будь здоров!

Христос Воскресе!

Дорогая Леля!*

Шлю Вам и всему Вашему семейству Божие благословение, сердечный привет и благодарность за все ваши добрые пожелания мне недостойному. Будем надеяться, что наши взаимные благие чаяния по воле Божественного Промысла во время, положенное для них, исполнятся.

Радуюсь и благодарю Господа за то, что Он сподобил и Вас посетить особенно дорогие для каждого христианина св. места. Покров Матери Божией да пребудет всегда над всеми вами!

Не падайте духом, дорогие мои, и не унывайте! Всему надлежит быть. Счастлив человек, терпеливо переносящий всякого рода искушения, которыми каждый искушается от лица плоти и диавола, так как он получит венец жизни, обещанный Господом, любящим Его.

«Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы». Поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращать

---

* Ольга Алексеевна Воробьева родилась 11 июня 1922 года в дер. Пряхино Белевского р-на, Тульской обл. В Москве окончила 9 классов средней школы. По болезни больше не училась. Всю сознательную жизнь была на послушании в церкви, в основном певчей на клиросе. Вся семья с 1940 г. духовно окормлялась у Оптинского старца игумена Иоанна (Соколова). После его кончины Ольга перешла к отцу Иоанну Крестьянкину. Сейчас живет в Москве у племянника-крестника Льва Николаевича Воробьева.

внимание надо, потому что слова благоразумного человека – благодать, а уста безрассудного губят его же.

Лучше быть терпеливым, чем высокомерным. Лучше быть всегда готовым к прощению всяких обид людям, чем быть духом своим поспешным на гнев против них.

Внутренний душевный покой обретается только смирением и кротостью.

На основании изречения: «Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие преступления» – я ранее рекомендовал Вам продолжать работать на прежнем месте, но если Господу будет угодно призвать Вас и папу на службу, в тех или других должностях, в другом Его храме, тогда с полной готовностью исполните Его св. волю, благу и спасти нас от излишних переживаний хотящую. Да будет путь Ваш благословен Богом.

Левочку крепко целую и радуюсь вместе с ним за его хорошие успехи в учении. Посеянные добрые семена пусть постоянно и усердно выращивает, т. к. от их плодов всецело зависит успех его дальнейшей жизни. Все здоровье свое берегите.

Об успехе работы надо усердно призвать к себе на помощь св. мч. Трифона, а об устройстве жилища – св. Спиридона. Еще раз призываю на всех вас Божие благословение и молитвенно желаю всем вам всякого благополучия во всех делах. Бог мира и любви да будет всегда среди вас, утешая вас и преисполняя сердца ваши (скорбные) любовью друг ко другу и ко всем!

Будьте здоровы!

Не забывайте молиться обо мне недостойном.

Храни вас всех Господь!

*5 февраля 2006 года,
в воскресенье, в день памяти
Собора новомучеников и исповед-
ников Российских, после ранней
литургии батюшка пригастился
Святых Христовых Таин.
В 9 часов 50 минут утра при
начале поздней Божественной
литургии архимандрит Иоанн
в полном сознании отошел в веч-
ность, приготовленный к смерти
своей жизнью во Христе. Так
в обители умирают праведники:
на ранней литургии за них
молятся о здравии, а на поздней
литургии — о упокоении их души.*

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

ПРОПОВЕДЬ
В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ
ПАМЯТИ СОБОРА
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святей и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? ...и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6:9–11).

Други наши, сегодня праздник молитвенной памяти святых, начало которому было положено тогда, когда они, эти люди, еще жили и только стояли на пороге предлежащего им подвига. И они сами, не ведая того о себе, но пророчески презря будущее России, на Всероссийском Соборе Русской Православной Церкви в 1917–1918 годах объявили: «Установить по всей России ежегодное поминовение молитвенное в день 25-го января или в следующий за сим воскресный день (...) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников».

Они не знали о себе, но Дух Святей, в Церкви почивающий и Церковь ведущий, их устами изрек явно будущее народа Божия на Руси на длительный период ее истории и назвал его «годиной лютой».

И на этом Всероссийском Соборе, восстановившем Богом данной властью на Руси Патриаршество, еще воочию была видна древняя церковная слава России. Но там же ей, этой славе, уже противопоставилось надвигающееся будущее – непримиримая, враждебная сила, ненавидевшая христианство и Крест и обещавшая Русской Церкви подвиг мученичества и исповедничества, доселе редко являвшийся в ней.

Непрекращающиеся гонения, в которых рождалась Вселенская Церковь, казалось, обошли Россию. Русь приняла христианство гото-

вым, выстраданным другими, из рук своего правителя – Великого равноапостольного князя Владимира и вросла в него весьма малыми жертвами. Но могла ли Русская Церковь миновать общий всем христианам путь, начертанный Христом? «...Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая... в темницы, и поведут пред... правителей за имя Мое...» (Лк. 21:12). Это Божие определение о Церкви открылось со всей очевидностью еще с апостольских времен. А для России час испытания ее веры, час подвига за Христа пришел в XX веке, ибо не без России Вселенская Церковь должна была достигнуть полноты духовного возраста и совершенства. Почти через тысячелетие после принятия христианства с небывалой силой на Русскую Православную Церковь обрушилось гонение, движимое активным богоборчеством, целью которого было стереть Церковь с лица земли и изгладить само воспоминание о Боге в сердцах россиян. И цель оправдывала средства. В относительно короткий период – за семьдесят лет – земная Русская Церковь пополнила Небесное Отечество множеством русских святых мучеников и исповедников.

И сегодня второй год мы прославляем всех тех, кто пронес подвиг веры до исповедничества и мученичества в этот новый период истории государства Российского и его Святой Церкви.

Только через семьдесят пять лет постановление, прозвучавшее на Соборе 1917 года, ожило и стало деянием. И в этот день мы совершаем молитвенное поминовение тех, кто пострадал за веру и правду: был расстрелян, замучен, убит, умер от болезней и холода в лагерях – принял мученическую кончину за веру Христову. Сегодня мы называем только восемь имен – восемь первых мучеников, канонизированных Русской Православной Церковью в 1992 году: это священномученик Владимир¹⁷, митрополит Киевский и Галицкий; священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский; священномученик архимандрит

рит Сергей¹⁸; мученик Юрий¹⁹; мученик Иоанн²⁰; преподобномученица Великая княгиня Елисавета²¹; преподобномученица инокиня Варвара²². И только Патриарх Тихон был прославлен ранее, в 1989 году.

Но за ними, поименованными, стоит бесчисленное множество клириков, мирян, имена коих знает один Бог и кои свидетельством своим о вере Христовой «даже до смерти» стали молитвенниками и представителями пред Престолом Божиим за нас, за землю Русскую.

Первый период кровопролитных массовых гонений на Церковь Христову начался после декрета об изъятии церковных ценностей и опубликования в печати списка «врагов народа», первым в котором был Патриарх Тихон, а вслед за ним епископы, священники – вся лучшая часть российского духовенства. На конец 1922 года было расстреляно по суду 2691 человек из белого духовенства, 1962 монаха, 1447 монахинь и послушниц. Это перечень лишь тех, чьи «судебные» дела сохранились, а сколько их, безвестных, убиенных без суда и следствия, предстало пред Богом в убеленных страданием победных ризах.

Первый, кто стал во главе новомучеников Российских, – это Патриарх и отец – Святейший Тихон. Это он своим первосвятительским благословением указал чадам Церкви Российской единственно верный путь в «новой» жизни: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою... Если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова, – благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него», – звучит голос отца. Таков путь Христа, таков путь Его Святой Церкви. Таков путь каждого, кто стал христианином. И Церковь Божия, и подвижник Христов свободно идут на крест и взойдут на него. В свободе – и сила подвига, и его ценность.

Принимая патриарший посох в 1918 году, митрополит Тихон знал предлежащий ему путь и не отрекся от крестного подвига. «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе...» (Иез. 2:10) Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях Российских и предстоит умирание за них, во вся дни», – сказал Владыка Тихон в день своего избрания. И его умирание началось с первых дней.

Против христианства, вооруженного лишь крестом и молитвой, ополчились власть и вся сила зла в безумном порыве уничтожить, растоптать в нем Христа. И Россия во главе со своим Патриархом вступила на свою Голгофу.

Патриарх Тихон в сонме мучеников Российских, казалось, был лишен радости мученического венца, но по силе страданий он стал первым. Его бескровное мученичество было непрерывным в течение долгих семи лет. Ежедневно, ежечасно, до последнего дня жизни, до смерти. Для пользы Церкви он принял подвиг менее видный, более будничной, подвигом и не кажущийся. Он боролся с врагом, его насилием, издевательствами и коварством за свободу Церкви. И Церковь, сохраненная его подвигом, призывает ныне: «Святителю отче Тихоне, моли Бога о нас».

С Всероссийского Собора, не дождавшись его окончания, только получив благословение Богом дарованного Патриарха, уехал на страдание и смерть митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Священномученик митрополит Владимир шестьдесят лет шел по жизни за Богом.

Его жизнь была исполнена трудов и страданий. Ими учился он всегда и во всем исполнять волю Божию. В Церкви он прошел послушание от семинариста до митрополита. В трагической смерти своей жены и единственного ребенка, тогда еще молодой священник, он усмотрел Промысл Божий.

И путь монашеского послушания стал единственным для него до конца дней. Владыка всегда был с народом Божиим как истинный пастырь во всех его бедах. Особенно это поразительно проявилось во время холерной эпидемии и неурожая в Самарской губернии. С крестом и молитвой он появлялся в холерных бараках, совершал молебствия на площадях – бесстрашный воин Христов и пастырь добрый. Он учил, вразумлял, лечил, кормил, согревал. И любовь народная была ему наградой.

Истинное смирение вознесло святителя Владимира на такую высоту, какая только была возможна на положении иерарха. Он с застенчивостью и удивлением говорил о себе, что стал как бы Всероссийским митрополитом, последовательно занимая все основные митрополичьи кафедры России – Москвы, Петербурга и Киева.

Нельзя умолчать об одной весьма важной детали. В 1915 году Владыку перевели на Киевскую кафедру, и он, словно предвидя предлагаемое ему, был удручен. Но на вопрос близкого ему человека: «Не лучше ли теперь уйти ему на покой?» – митрополит Владимир ответил спокойно: «Да, судя по человеческим соображениям, я с вами согласен. А по-Божиему как? Угодно ли испытывать и предупреждать волю Божию? Вот она – общая черта в жизни всех святых людей: «А по-Божиему как?»

По-Божиему митрополиту Владимиру, митрополиту Вениамину, архимандриту Сергию, мирянам Юрию и Иоанну, Великой княгине Елисавете и инокине Варваре надлежало отвергнуться себя, отвергнуться человеческого и взять Божие – крест свой и следовать за Христом. И они, движимые духом любви ко Христу, пошли на подвиг. Они ощущали присутствие Святаго Духа, когда радость становится вечной.

Отстаивая единство Украинской Церкви со Всероссийской Православной Церковью, владыка Владимир незадолго до своей гибели ска-

зал: «Я никого и ничего не боюсь. Я на всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову, за веру Православную, чтобы не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в России там, где оно начиналось». Как перекликаются эти слова его со словами Патриарха Тихона: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза».

И там, где крестилась Русь во Христа, где руками апостола Андрея Первозванного было воздвигнуто знамение победы – Крест Христов, в Киеве, над Днепром, был вознесен на крест преемник апостольского служения священномученик митрополит Владимир, и с этого же места началось крещение Русской Церкви огнем и кровью.

Без суда, без объявления вины, как на разбойника, вышли взять митрополита неведомые, не знаемые никем новые хозяева жизни со штыками и огнем. Издевались над ним, вывели за ворота Киево-Печерской Лавры. А он, воздев руки свои к небу, молился. Потом, благословляя крестообразно обеими руками своих убийц, сказал: «Господь вас благословляет и прощает». Мученик сам благословил смерть свою и вымолил убийцам прощение. «Господь вас прощает!» А распоясавшийся мир зла, не вынося укоризн правды и света, смертельными пулевыми и штыковыми ранами завершил суд над правдой.

Это было первое кровавое злодеяние, и, «судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим... что эта мученическая кончина владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой матушки России», – сказал святой Патриарх Тихон о священномученике митрополите Владимире и о всех будущих священномучениках и мучениках земли Российской, которым должно было явиться вослед за этой первой жертвой.

Через четыре года вслед за митрополитом Владимиром мученичеством завершил свой жизненный путь святитель Петербургской епархии – митрополит Вениамин (Казанский). Он помышлял о мученичестве еще в детстве. И это было так глубоко и сердечно, что Господь исполнил желание того, кто возлюбил Его и всей жизнью своей Господу отдал свое сердце. «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых, – писал о себе владыка Вениамин, – восхищался их героизмом... жалея, что времена не те и не придется пережить то, что они переживали».

Небывалая разруха и голод охватили страну в 1921 году. С ними начались и гонения на Церковь, которые проводились якобы с целью изъятия церковных ценностей. Владыка Вениамин, являя пример высокой христианской любви, благословил передачу ценностей, не имеющих богослужебного употребления, на нужды бедствующих. «Мы все отдадим сами», – говорил он. Но изъятие было не основной целью власть предержащих. Им нужно было устроить показательный судебный процесс над духовенством, обвинив его в заговоре.

Взятый в заточение по этому сфабрикованному делу, владыка митрополит особенно страдал за тех, кто был судим вместе с ним. Страдал от клеветы незаконных судей и от лукавства лжебратьев – новоявленных «иуд» – обновленцев, предающих истину – Церковь.

Напрасно любящая владыку паства ходатайствовала за него, напрасны были и его духовная мудрость, и разум, избобличавшие всякие клеветы на подсудимых. Приговор – «повинен смерти» – ничто не могло изменить. И, ожидая исполнения своей участи, митрополит Вениамин оставляет своим ученикам и сопастырям заповедь – бессмертные слова возвышенной силы. «Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует са-

мых тяжких страданий». «Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение, – пишет он. – Я радостен и покоен... Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией».

На суде в своем последнем слове владыка Вениамин сказал: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре – жизнь или смерть, но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращаю свои очи горе, возложу на себя крестное знамение и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за все».

Незадолго до исполнения приговора близкие получили митрополичий клубок владыки Вениамина, и на доньшке его с внутренней стороны было написано: «Я возвращаю мой белый клубок незапятнанным». По достоверным сведениям, владыка митрополит шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву и крестясь.

Участь владыки разделили и миряне, активные участники в церковной жизни: мученики Юрий и Иоанн, а также священномученик архимандрит Сергей. Архимандрит Сергей, обращаясь к суду, в последнем слове сказал, что монах очень тонкой нитью связан с жизнью. Его удел – богомыслие и молитва, и разрыв этой нити для монаха не страшен. «Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас...» Последними словами его перед смертью были слова молитвы: «Прости им, Боже, не ведают бо, что творят».

«Господи, прости им, не знают, что делают!» – была и последняя молитва Великой княгини Елисаветы, перед тем как черная бездна заброшенной шахты поглотила ее.

Она шла к этой зияющей бездне сознательно, категорически отказавшись выехать из России, когда начались беззакония. Она шла за

Христом, и ее душевным очам оттуда, из бездны, бил свет Воскресения. Что привело ее, аристократку, чужестранку в далекий уральский город Алапаевск, ставший для нее Голгофой? Что отдало в руки неведомых, демонической злобой одержимых людей? Жизненные пути их никогда не могли ранее соприкоснуться. Она видела этих людей первый и последний раз в жизни. Она встретила с ними только для того, чтобы они исполнили над ней приговор неведомо где состоявшегося суда. Но это по человеческому суждению. А как по-Божиему? А по-Божиему это был суд человеческий – «за Бога» или «против Бога».

И Великая княгиня Елисавета, бывшая протестантка, принявшая Православие на своей новой Родине, в России, и возлюбившая Православную Церковь и Россию «даже до смерти», ответила злу. Какой бы приговор ни вынесло ей разнузданное, обезумевшее зло, она примет его как приговор свыше, как ниспосланную ей возможность делом подтвердить то, что составляло смысл и содержание ее жизни.

Любовь к Богу и любовь к людям была истинно смыслом ее жизни, и она привела Великую княгиню на крест. И ее крест вырос и преложился в Крест Христов, и стал ее наслаждением.

Великая княгиня потеряла супруга, погибшего от злонамеренной руки террориста. Своими руками она собирает то, что осталось от любимого ею человека, и, неся в сердце боль страшной утраты, идет в темницу к преступнику с Евангелием, чтобы простить его и привести ко Христу с раскаянием.

Вся дальнейшая ее жизнь в России стала делом милосердия в служении Богу и людям. Великая княгиня собрала сестричество, устроив Марфо-Мариинскую обитель и служа по примеру двух евангельских сестер всем обездоленным и скорбящим. Она вложила в это дело все свои средства, отдала все без остатка и сама отдалась вся до конца. Ее любовь к людям возвращалась к ней ответной любовью людей.

Инокния Варвара, бывшая при Великой княгине-матушке во дни ее трудов, не пожелала оставить ее и в последнем подвиге – умирания. И она восхитила мученический венец своим самоотречением и самоотдачей.

В тяжелые мятежные дни 17-го года, когда рушились устои былой России, когда готовились в лице Государя убить русскую государственность, когда все святое подвергалось поруганию, а святыни Кремля – обстрелу, Великая княгиня Елисавета писала, что именно в этот трагический момент она почувствовала, до какой степени «Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытала такую глубокую жалость к России и к ее детям, – пишет она, – которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не большой ребенок... Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему... Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». «Полностью разрушена «Великая Россия, бесстрашная и безукоризненная».

И из разрухи и пепелища России, из болеей целого народа, из бесчисленных ее смертей звучит глас святой жертвы, утверждающий жизнь: «Святая Россия» и Православная Церковь, которую «врата ада не одолеют», – существует, и существует более, чем когда бы то ни было». Эти слова были написаны ею в преддверии могилы.

«Я... уверена, – продолжает Великая княгиня, – что Господь, Который наказывает, есть тот же Господь, Который и любит». Вот мера ее духовного возраста, вот мера ее истощания. Она уже сама добровольно стала жертвой, и Господь принял ее жертву за Россию, которую она так любила. И ни единой бы власти не имели над ней эти, невесть откуда появившиеся на ее жизненном пути люди-палачи, если бы не было дано им свыше. Всех, кто был с Великой княгиней Елисаветой, побросали в шахту живыми, кроме одного, оказавшего сопротивление.

Они умерли не сразу. Еще долго слышали местные жители Херувимскую песнь, пробивающуюся из-под земли. А Великая княгиня и там, в этой их братской могиле, продолжала делать дело Божие – голова одного из тех, кто был с ней, перевязана была ее апостольником.

Когда через три месяца после смерти мучеников нашли место их упокоения, то увидели, что Великая княгиня лежала на бревенчатом выступе на глубине пятнадцати метров с образом Спасителя на груди, который был благословлен ей в день присоединения ее к Православию. Праведники во веки живут!

И русские новомученики – это те ожидаемые Вселенской Церковью жертвы, кои дополнили число убиенных за Слово Божие. И кто знает, сколько еще продлится то «малое» апокалиптическое время, в кое дозревает земная Церковь до Суда Божия, который отмстит живущим на земле за кровь праведников?

«Новые страстотерпцы Российскойсии, исповеднически поприще земное претекшии, страданьями дерзновение приимшии, молитесь Христу, вас укрепившему, да и мы, егда найдет на ны испытания час, мужества дар Божий восприимем. Образ бо есте лобызающим подвиг ваш, яко ни скорбь, ни теснота, ни смерть от любви Божия разлучити вас не возмогоша».

А мы, взирая на сияние славы сих Российских мучеников с надеждой на возрождение нашей Церкви, нашей Родины – многострадальной России, – из глубины своих верующих сердец зываем ныне: «Святити новомученики и исповедники Российскойсии, молитесь Бога о нас!» Аминь.

31 января (13 февраля) 1994 года

Святини новомученики и исповедники

Росийстини, молитѣ Бога о нас!

Свѣщенномученик

Вениамин

Святитель Тихон

Свѣщенномученик

Владимир

Преподобномученица

Елисавета

Преподобномученица

Барбара

Мученик

Юрий

Свѣщенномученик

Сергий

Комментарии

¹ Священномученик Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович) родился 6 ноября 1880 г. в Москве в семье псаломщика. Обучался в Заиконоспасском духовном училище, затем в Московской духовной семинарии, а с 1900 по 1904 г. в Московской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия и оставлен профессорским стипендиатом. 14 сентября 1904 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона, 19 сентября – во иеромонаха и оставлен преподавателем в МДА. В 1906 г. назначен наместником Яблочинского монастыря на Холмщине. С января 1914 г. – ректор Холмской духовной семинарии. 3 апреля 1916 г. в Москве хиротонисан во епископа Вельского, викария Холмской епархии. Вскоре назначен управляющим Орловской епархии. В марте 1918 г. в Орле был первый раз арестован. Через 4 месяца – повторный арест. В 1922 г. Орловским ревтрибуналом за сопротивление изъятию церковных ценностей вновь арестован и осужден на 7 лет тюрьмы со строгой изоляцией. В 1924 г. освобожден из Орловской тюрьмы по амнистии. В декабре 1926 г. в очередной раз арестован и выслан за пределы Орловской епархии. С ноября 1927 г. – архиепископ Смоленский и Дорогобужский. 11 ноября 1936 г. опять арестован в Смоленске «за антисоветскую агитацию». В 1937 г. осужден и сослан в Казахстан, в Карлаг. В ноябре 1937 г., находясь в заключении, вторично был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к высшей мере наказания. 8 декабря 1937 г. расстрелян под Смоленском в Катынском лесу. В 2001 г. священномученик Серафим (Остроумов) причислен к лику святых и внесен в Собор новомучеников от Орловской епархии.

² Святитель Тихон (Беллавин Василий Иванович) родился 19 января 1865 г. в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии. Закончил Псковскую духовную семинарию, затем Санкт-Петербургскую духовную академию и в светском звании получил назначение в Псковскую духовную семинарию преподавателем. В 1891 г. принял монашество с именем Тихон. Из Псковской семинарии переведен инспектором в Холмскую духовную семинарию, где вскоре назначен ректором в сане архимандрита. В 1898 г. архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского с назначением викарием Холмской епархии. В том же году владыка Тихон был направлен в Американскую епархию в сане епископа Алеутского, в 1905 г. получил сан архиепископа. В 1907 г. вернулся в Россию и был назначен на Ярославскую кафедру. В 1914 г. – архиепископ Виленский и Литовский. После революции и формирования нового Синода владыка Тихон стал его членом. 21 июня 1917 г. Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его своим правящим архиереем. 15 августа 1917 г. на Всероссийском Поместном Соборе Тихон, архиепископ Московский, был удостоен сана митрополита, а затем избран председателем Собора. Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Православной Церкви на канонических началах и возродить Патриаршество. При избрании Патриарха решено

было голосованием всех членов Собора выбрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. Им стал митрополит Тихон. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений. Ситуация осложнялась и внешнеполитическими обстоятельствами. 25 сентября 1919 г., в разгар гражданской войны, Патриарх издал Послание с требованием к духовенству не вступать в политическую борьбу. Летом 1921 г. в связи с голодом в Поволжье он обратился с Посланием о помощи голодающим, направленным ко всем русским людям и народам Вселенной, и благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления. Однако в феврале 1922 г. правительством был издан декрет, согласно которому изъятию подлежали все драгоценные предметы. Согласно 73-му апостольскому правилу, подобные действия являлись святотатством, и Патриарх не мог одобрить такого изъятия, выразив свое негативное отношение к происходящему. Послание Патриарха было расценено как саботаж, в связи с чем он находился в заключении с апреля 1922 г. по июнь 1923 г. Святитель Тихон являлся ревностным защитником неповрежденного Православия в борьбе с обновленческим расколом. Патриарх Тихон скончался 7 апреля 1925 г. 1 ноября 1981 г. был канонизирован Архиерейским Синодом РПЦЗ. 9 октября 1989 г. был прославлен в лике святых Архиерейским Собором РПЦ.

³ Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский Иван Николаевич) родился 11 января 1867 г. в Азамасе Нижегородской губернии в семье протоиерея. Первоначальное образование получил в приходском, а затем в Азамасском духовном училище. В августе 1880 г. поступил в Нижегородскую духовную семинарию, в 1886 г. – в Санкт-Петербургскую духовную академию на историческое отделение. 30 января 1890 г. был пострижен в монашество с именем Сергия, 21 апреля рукоположен во иеромонаха. 9 мая 1890 г. окончил духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1890 г. был направлен в Японию членом Православной духовной миссии. В декабре 1891 г. назначен судовым священником на корабль «Память Азова». В 1893 г. вызван в Санкт-Петербург и становится исполняющим должность доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета в Санкт-Петербургской духовной академии. 13 декабря 1893 г. назначен исполняющим должность инспектора Московской духовной академии. 21 сентября 1894 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах. В 1895 г. удостоен степени магистра богословия за диссертацию «Православное учение о спасении». В 1897 г. вторично направлен в Японию помощником начальника Православной духовной миссии. В 1899 г. определен ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии. В том же году назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, с января 1901 г. – ее ректором. 25 февраля 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 6 октября 1905 г. – архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1906 г. участвовал в сессии Святейшего Синода, председателем

ствовал в Учебном комитете, одновременно занимаясь исправлением текста богослужебных книг. С этого же года – Почетный член Санкт-Петербургской духовной академии. С 6 мая 1911 г. – член Святейшего Синода. В марте 1912 г. назначен Председателем Предсоборного совещания при Синоде. В 1917–1918 гг. – участник Всероссийского Священного Собора в Москве. С 10 августа 1917 г. – архиепископ Владимирский и Шуйский. 28 ноября 1917 г. возведен в сан митрополита. С 16 июня 1922 г. по 27 августа 1923 г. был в обновленческом расколе, затем принес покаяние и был присоединен к Церкви. С 18 марта 1924 г. – митрополит Нижегородский. С 10 декабря 1925 г. – заместитель Патриаршего Местоблюстителя. 12 апреля 1932 г. награжден предношением креста при богослужении. 27 апреля 1934 г. ему присвоен титул «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский» с правом ношения двух панагий. 8 сентября 1943 г. Собором русских иерархов был избран Патриархом Московским и всея Руси. 12 сентября 1943 г. состоялась его интронизация в московском кафедральном Богоявленском соборе. Умер 1 мая 1944 г., погребен в Николаевском приделе московского Патриаршего Богоявленского собора.

⁴ Игумен Иоанн (Соколов Иван Александрович (Алексеевич?) родился в сентябре 1874 г. в Москве. В 1890 г. поступил в число братии Введенской Оптиной пустыни. Там принял постриг в мантию и был рукоположен во иеромонаха. К моменту закрытия монастыря имел сан игумена. После закрытия Оптиной пустыни переехал в Москву и служил в храме мчч. Адриана и Наталии на Мещанской улице вплоть до ареста в 1928 г. До 1946 г. находился в ссылках и заключении. Некоторое время жил в Подмосковье. С 1950 по 1953 г. после очередного ареста был помещен на принудительное лечение в тюремную психиатрическую больницу г. Ленинграда. Оттуда был отпущен на попечение духовной дочери, оформившей над ним опеку. До своей кончины 5 июля 1958 г. проживал в Москве. Похоронен на Армянском отделении Ваганьковского кладбища. Тщанием архимандрита Иоанна (Крестьянкина) на могиле старца установлено мраморное надгробие.

⁵ Иеромонах Серафим (Орлов Сергей Васильевич, 1890–1975) родился в с. Акулово Московской губернии, где в храме Покрова Божией Матери служили священниками его дед и отец. Будущий протоиерей получил духовное и светское образование. После церковно-приходской школы в родном селе и Московского духовного училища при Донском монастыре окончил Московскую духовную семинарию в 1911 г., естественный факультет Варшавского университета, а также Киевский политехнический институт. Вскоре Сергей Васильевич вступил в брак, но через год овдовел. Работал по специальности в колхозах Крыма, Украины, Сибири, затем преподавал в школах Москвы и Московской обл. В июле 1946 г. принимает сан диакона, а 2 августа того же года рукоположен во священника и приписан к Покровскому храму с. Акулово. В 1950 г. священник Сергей Орлов окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В доме отца Сергия на станции Пионерская Белорусской ж/д в разные годы жили и скрывались от преследования властей

многие подвижники Русской Церкви: епископ Арсений (Жадановский), схиигуменья Фонарь (Морджапова) с сестрами, епископ Стефан (Никитин), отец Иоанн (Крестьянкин). У него хранились святые Дивеевского монастыря, и особенное почитание имел прп. Серафим Саровский. По благословению Патриарха Алексия I протоиерей Сергей был келейно пострижен в монашество с именем Серафим. В 1974 г. по болезни ушел за штат, скончался 7 февраля 1975 г., погребен у алтаря Покровского храма с. Акулово рядом с отцом и дедом.

⁶ Преподобный Серафим Саровский (Мошнин Прохор Исидорович) родился 19 июля 1754 г. Решение посвятить жизнь Богу и уйти в монастырь возникло у Прохора в детстве. В 1778 г. он поступил в Саровскую пустынь. 18 августа 1786 г., пробыв восемь лет послушником в Саровской обители, Прохор принял постриг с именем Серафим. Через год, в декабре 1787 г., был посвящен в сан иеродиакона. Он ежедневно служил в храме, непрестанно совершая молитвы и после службы. Господь сподобил преподобного благодатных видений во время церковных служб. Днем преподобный Серафим трудился в обители, а ночи проводил в молитве в лесной пустынной келье. В 1793 г., в возрасте 39 лет, преподобный Серафим был рукоположен в сан иеромонаха. После смерти настоятеля ушел в пустынную келью в нескольких километрах от монастыря, в глухом лесу, где предавался суровому аскетическому подвигу. После подвига отшельничества преподобный взял на себя подвиг молчальничества. В безмолвии старец провел около трех лет, перестав посещать обитель даже в воскресные дни. Плодом молчания явилось для преподобного Серафима стяжание мира души и радости о Святом Духе. Весной 1810 г. возвратился в обитель после 15 лет пребывания в пустыни. Не прерывая молчания, он к этому подвигу прибавил еще и затвор и, никуда не выходя и никого у себя не принимая, непрестанно находился в молитве и богомыслии. В затворе преподобный Серафим приобрел высокую душевную чистоту и сподобился от Бога особых благодатных даров – прозорливости и чудотворения. 25 ноября 1825 г. в сонном видении старцу явилась Богородица вместе с празднуемыми в этот день двумя святителями и повелела ему выйти из затвора и принимать у себя немощные души человеческие, требующие наставления, утешения, руководства и исцеления. Благословившись у настоятеля на изменение образа жизни, преподобный открыл двери своей кельи для всех. В последний период земной жизни он особенно заботился о своем детище – Дивеевской женской обители. Преподобный Серафим преставился 2 января 1833 г. По молитвам преподобного Серафима происходили многочисленные знамения и исцеления на его могиле. 19 июля 1903 г. совершилось прославление угодника Божия.

⁷ Митрополит Антоний (Мельников Анатолий Сергеевич, 1924–1986) – с 1944 г. иподиакон митрополита Алексия (Симанского), будущего Патриарха. С 1945 по 1950 г. обучался в Московской духовной семинарии и академии. В 1950 г. принят в число братья Троице-Сергиевой Лавры, пострижен в монашество и рукоположен сначала во иеродиакона, а затем во иеромонаха. В последующие годы занимался преподаватель-

ской деятельностью, был ректором Минской, а затем Одесской духовных семинарий. В 1964 г. хиротонисан во епископа Белгород-Днестровского, викария Одесской епархии. С 1965 г. епископ Минский и Белорусский, в том же году – архиепископ. Скончался в сане митрополита Ленинградского, погребен в Александро-Невской Лавре.

⁸ Кабо Владимир Рафаилович родился в 1925 г. в Москве. Учился на историческом факультете МГУ, этнограф, специалист по первобытным обществам. 7 октября 1949 г. был арестован и осужден на 10 лет. Отбывал заключение в Каргопольлаге. Освобожден по амнистии 30 августа 1954 г. С 1957 г. работал в ЛО ИЭ АН СССР. С 1990 г. проживал в Австралии. Скончался 4 июня 2009 г.

⁹ Речь идет о схимонахине, в миру Марии Станиславовне Щедриной, духовной дочери отца Александра Воскресенского. Известно, что до революции она была насельницей одного украинского монастыря. В 1948 г. познакомилась с отцом Иоанном. После смерти отца Александра, согласно его благословению, перешла под духовное руководство отца Иоанна Крестьянкина и переехала в Измайлово.

¹⁰ Протоиерей Александр Георгиевич Воскресенский родился в 1875 г. в подмосковном городе Павловский Посад в семье диакона. Окончил духовное училище при Донском монастыре и поступил в Московскую духовную семинарию. В 1898 г. был рукоположен во священника и определен в храм свт. Иоанна Златоуста в село Новлянское Бронницкого уезда, а вскоре переведен в храм свт. Николая родного Павловского Посада. После закрытия храма отец Александр подвергся аресту. Выйдя из заключения, уехал с семьей во Владимирскую область. В 1923 г. его пригласили служить в Москву, в храм Успения Божией Матери в Кожевниках. Через четыре года он был переведен в храм при Марона Пустынника, а когда в 1929 г. храм был закрыт – в церковь мч. Иоанна Воина на Большой Якиманке. В этом храме отец Александр служил до самой кончины, а в 1930–1946 гг. почти постоянно жил при храме на колокольне. Воспитал целое поколение ревностных священнослужителей. Скончался на первой неделе Великого поста 1950 г., похоронен на Введенском кладбище.

¹¹ Старец Аристоклий родился на Урале в благочестивой крестьянской семье, предположительно в 1838 г., при крещении был назван Алексеем. Когда ему исполнилось 17 лет, по благословению матери отправился на Святую гору Афон. При постриге послушнику Алексею было дано имя Аристоклий, в честь кипрского священномученика пресвитера Аристоклия Саламинского. Более четверти века подвизался иеромонах Аристоклий в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Святой горе, а в середине 1880-х гг. был направлен в Москву на подворье Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, расположенное на Большой Полянке. Десять лет он возглавлял подворье и был настоятелем часовни святого великомученика Пантелеимона. Благодаря стараниям старца на Афонском подворье с 1888 г. начал издаваться журнал «Душеполезный Собеседник», который рассказывал о жизни русских монахов на святом острове, знакомил с жизнеописаниями афонских подвижников, с письмами старцев к сво-

им духовным чадам, мудрыми мыслями святых отцов. В 70-летнем возрасте вернулся в Россию. Земная жизнь старца закончилась 8 сентября 1918 г., в день Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

¹² Левитин-Краснов Анатолий Эммануилович (1915–1991) – известный церковный писатель, диссидент, в 1930–40-е гг. – деятель обновленчества. Несколько раз арестовывался, в 1949 г. осужден на 10 лет ИТЛ и отбывал заключение в Каргопольском лагере, откуда в 1953 г. был переведен в Гаврилову Поляну, где и встретился с отцом Иоанном Крестянкиным.

¹³ Черепанова Галина Викторовна родилась в Иркутске в апреле 1910 г. По образованию бухгалтер. За помощь ссыльным подвергалась преследованиям со стороны властей и вынуждена была уехать из Иркутска. В 1946 г. приехала в Москву. Была близка к митрополиту Николаю (Ярушевичу), по его благословиению стала помогать отцу Иоанну. Вместе с М. Г. Ветвицкой многие годы выполняла различные поручения батюшки, помогала ему в заключении, ездила в лагерь. Умерла в Москве 23 октября 1992 г.

¹⁴ Матрона Георгиевна Ветвицкая родилась 21 ноября 1903 г. в дер. Болотово Тульской губернии, была духовной дочерью владыки Арсения (Жадановского). Вышла замуж за Бориса Михайловича Ветвицкого, в 1935 г. овдовела. Борис Михайлович перед смертью принял монашеский постриг с именем Арсений. Остался с сыном Алешей. Была хорошей портнихой, шила для храмов и священников. Отец Иоанн часто останавливался в ее доме. В их семье хранился архив отца Иоанна. Умерла 23 июля 1994 г.

¹⁵ Митрополит Николай (Ярушевич Борис Дороевич) родился 13 января 1892 г. в Ковно в семье протоиерея. Учился на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. После первого курса перешел в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую закончил в 1914 г. со степенью кандидата богословия. В 1917 г. получил степень магистра богословия. 23 октября 1914 г. был пострижен в монашество, 24 октября 1914 г. – иеродиакон, 25 октября – иеромонах. С 1919 г. – архимандрит, наместник Александрово-Невской Лавры. 7 апреля 1922 г. был хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. С 1935 г. – архиепископ Петергофский. В 1936–1940 гг., оставаясь по титулу Петергофским, по поручению митрополита Алексия (Симанского) управлял Новгородской и Псковской епархиями. Осенью 1940 г. был определен архиепископом (с 9 марта 1941 г. – митрополит) Вольнским и Луцким, Экзархом западных областей Украины и Белоруссии. С 15 июля 1941 г. – митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины. С наступлением немецких войск уехал в Москву. 12 октября 1941 г. в своем завещании, написанном перед эвакуацией из Москвы, митрополит Сергей (Страгородский) назвал его третьим кандидатом в Местоблюстители в случае своей кончины, после митрополита Алексия (Симанского) и архиепископа Сергия (Гришина). С февраля 1942 г. по август 1943 г. управлял Московский епархией во время пребывания Патриаршего Местоблюстителя в Ульяновске.

Участвовал в известной встрече трех митрополитов с И. Сталиным в сентябре 1943 г., после которой правительство разрешило избрание Патриарха, восстановление церковных учебных заведений. С сентября 1943 г. – член редакционной коллегии «Журнала Московской Патриархии»; затем возглавлял Издательский отдел Московской Патриархии (до 19 сентября 1960 г.). С 8 сентября 1943 г. – постоянный член Священного Синода. С 28 января 1944 г. – митрополит Крутицкий, управляющий Московской епархии. С 25 марта 1947 г. – митрополит Крутицкий и Коломенский. Был первым председателем Отдела внешних церковных сношений: с апреля 1946 г. до июня 1960 г. В конце 1950-х гг. все чаще он выступал с критикой атеизма. 21 июня 1960 г. по прямому требованию нового председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куроедова был освобожден от должности председателя Отдела внешних церковных сношений, а 19 сентября 1960 г. – и от должности митрополита Крутицкого и Коломенского. Скончался в 13 декабря 1961 г., погребен в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

¹⁶ Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский (Казанский Василий Павлович) родился 17 апреля 1873 г. в Нименском погосте Андреевской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии в семье священника. После окончания Петрозаводской духовной семинарии поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1897 г. закончил ее со степенью кандидата богословия и был назначен преподавателем Священного Писания в Рижскую духовную семинарию. В 1905 г. назначен ректором Рижской духовной семинарии. 24 января 1910 г. был хиротонисан во епископа Гдовского, Петербургского викария. С 1917 г. архиепископ Петроградский и Ладоский, затем – Петроградский и Гдовский. 29 мая 1922 г. арестован по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей и в участии в контрреволюционном заговоре против советской власти. 5 июля был оглашен приговор трибунала, по которому священномученики митрополит Вениамин и архимандрит Сергей (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров были приговорены к расстрелу. В ночь на 13 августа 1922 г. приговор был исполнен. Прославлен в 1992 г. на Архиерейском Соборе РПЦ. Причислен РПЦЗ к лику святых в 1981 г.

¹⁷ Священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий (Богоявленский Василий Никифорович) родился 1 января 1848 г. в селе Малые Моршки Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье священника, впоследствии принявшего мученическую кончину. По окончании духовного училища и семинарии в Тамбове закончил в 1874 г. Киевскую духовную академию. В 1882 г. был рукоположен во пресвитера, поступил в тамбовский Казанский монастырь и в феврале 1886 г. принял иноческий постриг с именем Владимир. В 1888 г. был хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии, затем был назначен на Самарскую кафедру. В течение шести лет управлял Грузинским Экзархатом в сане архиепископа. С 25 февраля 1898 г. – митрополит Московский, в 1912 г. назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладоским с присвоением ему прав и звания первенствующего члена Святейшего Синода. Возглавлял Всероссийское общество

трезвости. В 1915 г. был переведен на Киевскую кафедру, где активно выступал против церковного раскола. Был расстрелян при захвате большевиками Киево-Печерской Лавры 25 января 1918 г. Священномученик Владимир был первым новомучеником среди русских архиереев, поэтому на Священном Соборе 1918 г. было установлено день его кончины отмечать как день памяти новомучеников Российских. Мощи священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого, были обретыны летом 1992 г. и положены в Дальних пещерах Киево-Печерской Лавры. Русской Православной Церковью священномученик Владимир был прославлен в 1992 г. РПЦЗ был причислен к лику святых в 1981 г.

¹⁸ Священномученик архимандрит Сергей (Шенин Василий Павлович) родился 30 декабря 1870 г. в деревне Колпна Новосельского уезда Тульской губернии в семье коллежского секретаря. В 1893 г. закончил училище правоведения, состоял на государственной службе, в 1913 г. был избран от Тульской губернии в члены Государственной думы IV созыва, работал в Комиссии по церковным делам. В 1917–1918 гг. входил в состав секретариата Священного Собора Православной Российской Церкви в качестве секретаря. В 1920 г. принял постриг с именем Сергей в честь прип. Сергия Радонежского, затем был рукоположен во священника и вскоре возведен в сан архимандрита. В 1921 г. назначен на должность настоятеля Петроградского Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке, также являлся заместителем председателя Правления Церковного Общества объединенных Петроградских православных приходов. Был приговорен к расстрелу по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, расстрелян 13 августа 1922 г. Прославлен в 1992 г. на Архиерейском Соборе РПЦ. Причислен РПЦЗ к лику святых в 1981 г.

¹⁹ Мученик Юрий (Новицкий Юрий Петрович) родился 10 ноября 1882 г. в Умани в дворянской семье. В 1908 г. окончил юридический факультет Киевского университета. Был следователем Киевского окружного суда. С 1913 г. – приват-доцент, затем – профессор кафедры уголовного права Петроградского университета. После 1917 г., будучи профессором Педагогического института дошкольного образования, являлся организатором и научным секретарем Петроградского Педагогического института социального воспитания и дефективного ребенка. Организовал Костромской рабоче-крестьянский университет, был членом Совета Петроградского богословского института, главой Комитета по ликвидации цензуры. С 1920 по 1922 г. являлся председателем Правления Церковного Общества объединенных Петроградских православных приходов. Автор незавершенного труда «История русского уголовного права». Был приговорен к расстрелу по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, в котором участвовал как юрист. Расстрелян 13 августа 1922 г. Прославлен в 1992 г. на Архиерейском Соборе РПЦ. Причислен РПЦЗ к лику святых в 1981 г.

²⁰ Мученик Иоанн (Ковшаров Иван Михайлович) родился в 1878 г. в Одессе в мящанской семье, получил юридическое образование, был присяжным поверенным, затем помощником юрисконсульта Александро-Невской Лавры в Петрограде. Весной

1918 г. был избран комиссаром по епархиальным делам «для представительства и защиты общих прав и интересов» Петроградской епархии. Был составителем правил, которыми должны руководствоваться священнослужители и миряне при изъятии церковных ценностей. Приговорен к расстрелу по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, в котором участвовал как юрист. Расстрелян 13 августа 1922 г. Прославлен в 1992 г. на Архиерейском Соборе РПЦ. Причислен РПЦЗ к лику святых в 1981 г.

²¹ Преподобномученица Елисавета (Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова) родилась 20 октября 1864 г. в протестантской семье Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. В 1884 г. вышла замуж за Великого князя Сергея Александровича, брата российского императора Александра III. В 1891 г. приняла православие. После смерти мужа в 1905 г. Елизавета Федоровна решила посвятить свою жизнь Господу через служение людям и основала в Москве обитель милосердия, которая была названа в честь святых сестер Марфы и Марии. Здесь были созданы два храма, больница и аптека, в которой бедным лекарства отпускались бесплатно, детский приют и школа. Вне стен обители был устроен дом-больница для женщин, больных туберкулезом. 10 февраля 1909 г. Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность. Великая княгиня стала ее настоятельницей, вела подвижническую жизнь, ухаживала за тяжелобольными. С начала Первой мировой войны организовала помощь фронту. Под ее руководством формировались санитарные поезда, устраивались склады лекарств и снаряжения, отправлялись на фронт походные церкви. В 1918 г. Великую княгиню Елизавету Федоровну арестовали. В ссылку в сибирский город Алапаевск с ней разрешили поехать сестрам обители Варваре Яковлевой и Екатерине Янышевой. Сюда же были доставлены Великий князь Сергей Михайлович и его секретарь Федор Михайлович Ремез, Великие князья Иван, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей. Спутниц Елизаветы Федоровны отправили в Екатеринбург и там отпустили. Но сестра Варвара добилась, чтобы ее оставили при Великой княгине. 18 июля 1918 г. узники были сброшены в шахту возле деревни Синячихи. В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Великая княгиня Елизавета Федоровна причислена к лику святых новомучеников Российских. Ранее, в 1981 г., канонизирована РПЦЗ.

²² Преподобномученица инокиня Варвара (Яковлева) была одной из первых сестер Марфо-Мариинской обители, монашеские обеты приняла 15 апреля 1910 г., являлась келейницей настоятельницы. Мученическую кончину приняла в возрасте около 35 лет. В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви инокиня Варвара причислена к лику святых новомучеников Российских. В 1981 г. канонизирована РПЦЗ.

Содержание

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла	5
О Бозе сотворим силу	7
Кто мне служит, мне да последует	19
Я во всем, кроме праведности, подобен Иову	67
Письма из заключения	117
Проповедь архимандрита Иоанна (Крестьянкина) в день празднования памяти Собора новомучеников и исповедников Российских	137
Комментарии	150